

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

КОНАН

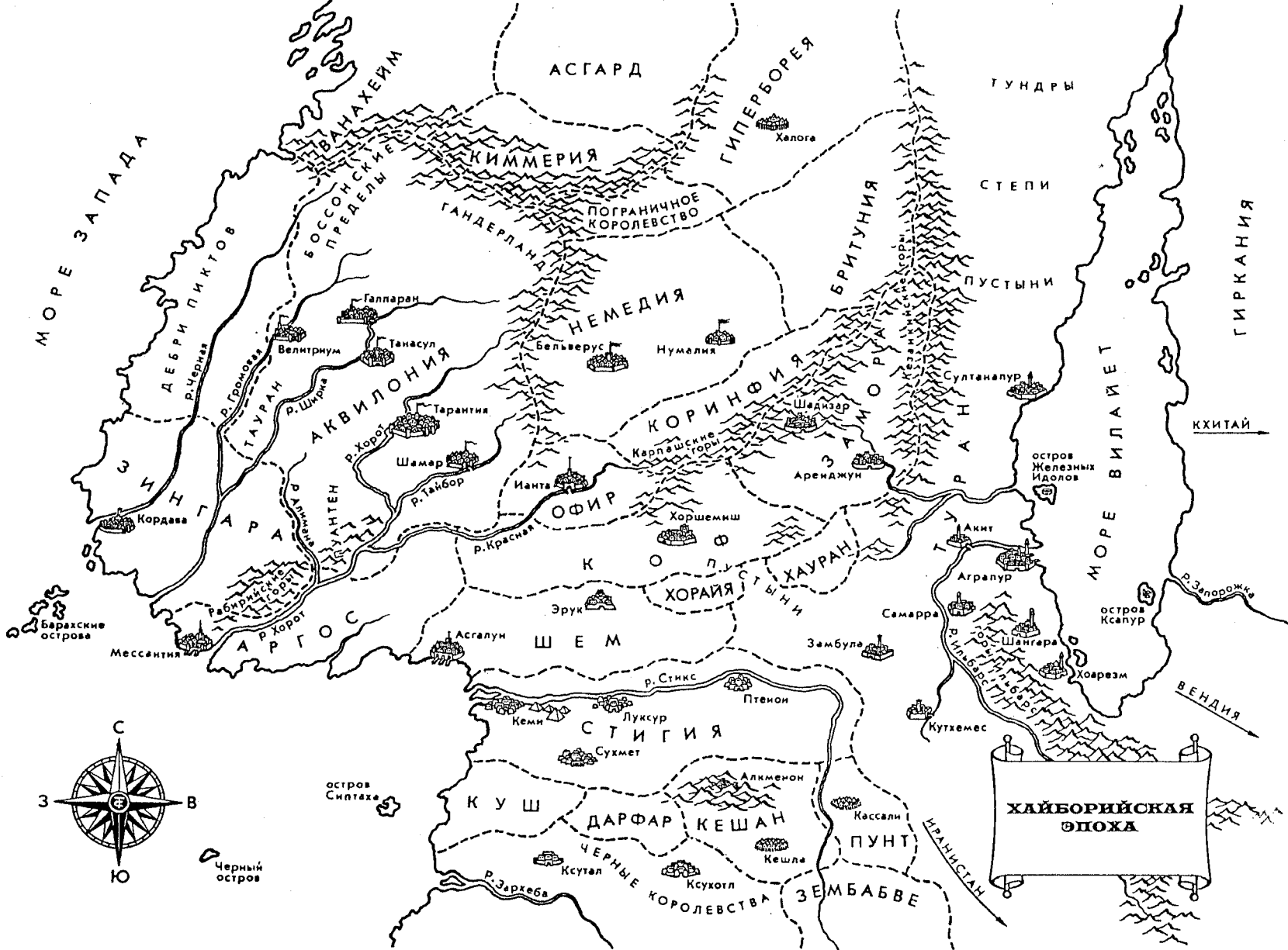
И СОКРОВИЩА ПИФОНА

Когда
не осталось тех,
кому можно
доверять,
доверять можно
только мечу.

ДЖОН
МАДДОКС
РОБЕРТС

АЗБУКА
fantasy

**КРОМ!
ЕЩЕ
ОДИН
НОВЫЙ
КОНАН**

ДЖОН МАДДОКС РОБЕРТС

КОНАНЫ

И СОКРОВИЩА
ПИФОНА

Издательство "Азбука"
Книжный клуб "Терра"
Санкт-Петербург
1995

ББК 84.7 США
М13

John Maddox Roberts.
Conan and the treasure of python.

Copyright © 1993 by Conan Properties, Inc.

Конан™, Conan™ — зарегистрированные торговые марки.
Использованы по лицензии.

Авторские права защищены,
запрещается воспроизведение этой книги в любой форме,
в средствах массовой информации,
а также использование имени Конан™.

Перевод М. Шведова, Л. Шведовой.

© 1995 «Терра» — «Азбука», русское издание.

ISBN 5-7684-0001-X

Глава 1

МОРЯК

Порт Асгалун расположен в маленькой бухте на изрезанном побережье Шема. В той идиллической стране Асгалун — единственный настоящий порт, а остальные — всего лишь рыбацьи деревушки. Как и все города у моря, он являет собой пеструю картину. На низких холмах предместий — прекрасные усадьбы богатых купцов, вокруг которых великолепные сады и возделанные виноградники. Сам же город — это крепкие каменные здания: гостиницы, пакгаузы, храмы — и еще лавки, которые так нужны его жителям и шумной толпе самого порта.

И есть еще доки. Именно здесь производят все те богатства, которые так необходимы царькам-купцам из предместий и хозяевам городских лавок. Здесь можно встретить матросов, которые знают множество языков, и закаленных морем капитанов; они, возможно, и помнят, что у них есть где-то родина, но настоящая их отчизна — это море. Для таких людей никто не будет возводить дворцов. Да и все равно нет смысла строить прекрасные здания на

берегу, потому что через несколько лет их разрушит ужасная буря, какие нередко докатываются сюда с необъятных просторов Моря Запада. Побережье в районе Асгалуна — это маленькие лачужки, в которых и корабельные мастерские, и дешевые гостиницы, и склады товаров, и матросские таверны. Поскольку Шем не богат деревом, на такие постройки идет то, что осталось от кораблей, погибших во время шторма, разбившихся о близлежащие скалы или просто старых и негодных. Этот прочный, но пропитанный смолой строительный материал так легко возгорается, что каждые несколько лет в пожарах погибают все прибрежные районы Асгалуна.

В таких местах живут лишь закаленные морем люди. Значит, и искать их надо именно там.

Конан-киммериец скучал. Странное спокойствие воцарилось на Западных землях. Мелкие военачальники, оставшись без денег и власти, потеряли и свою свирепость. Враждующие испокон веку народы теперь устали от войны, распри и раздоры прекратились, вновь завязалась торговля. Надо было вернуть плодородие полям, истоптанным враждующими армиями, отстроить разграбленные города. А в странах, отказавшихся от войны, профессиональные солдаты никому не нужны. Бесконечная усталость положила конец даже гражданской войне в Офире.

Но такое затишье всегда ненадолго. Это, как думал Конан, продлится не больше года. А чтобы умереть с голоду, этого времени больше чем достаточно. Конан провел несколько последних месяцев в по-

исках хорошей драки, скитаясь по центральным областям — Офиру, Коринфии и Кофу. Обычно он путешествовал, нанимаясь охранником в какой-нибудь караван. Когда солдату не с кем воевать, бандитизм — обычное дело. Конан раньше тоже был бандитом, но сейчас он чувствовал, что это занятие его недостойно. Хотя, с другой стороны, он понимал, что лучше разбойничать, чем умирать с голоду. Последний его караван уже распродал в Асгалуне все свои товары, и Конан теперь устроился в припортовой таверне под названием «Альбатрос»; он жил на те деньги, что ему заплатили, и ждал, не подвернется ли еще чего-нибудь подходящего. Но сейчас от его жалованья почти ничего не осталось, а будущее настолько туманно, что Конан знал: появиться сейчас у берега пиратский корабль — соблазн будет слишком велик.

И в самом деле, сидя вот так однажды за старым выщербленным столом и глядя в узкую амбразуру окна, он увидел, что в маленькую бухту заходит какой-то незнакомый корабль. Вот он обогнул северную оконечность бухты, и Конан опытным взглядом отметил, какие у него мачты и какая форма паруса. Его небольшой корпус позволял быстро двигаться и обеспечивал хорошую маневренность. Больше Конан ничего не мог рассмотреть, а корабль со спущенными парусами уже входил в гавань на длинных веслах. Это был самый настоящий военный корабль, и Конан решил непременно перекинуться парой слов с капитаном, как только они пришвартуются. Но от этих планов его отвлекла одна приятная неожиданность.

— Все эти таверны одинаковы, — сказала молодая женщина. На ней было простое платье из голубого шелка, украшенное золотым поясом, который несколько раз обвивался вокруг ее стройной талии и завязывался сложным узлом. Его длинные концы с кистями свисали почти до колен. Короткие сапожки на ногах женщины тоже были изукрашены золотой нитью. Но не дорогие одежды приковывали к ней внимание бездельников и головорезов, что наводняют узкие улочки портовых городов, — а ее удивительная и непривычная красота. У нее была совершенно белая кожа, а глаза — огромные и такие светлые, что казались почти бесцветными. С платиновым отливом волосы, распущенные по спине, доходили ей почти до талии, на лбу они были схвачены только узкой золотистой повязкой, украшенной большим матовым опалом в золотой оправе. Если бы не светящиеся волосы, нежная кожа и огромные светлые глаза, ее можно было бы принять за альбиноса.

Как правило, столь привлекательная и так богато одетая женщина не могла в этом районе пройти спокойно и десяти шагов, но бесчисленные злодеи, то и дело попадавшие на пути, отступали, не причиняя никакого вреда. Причина не в том, что в них заговорило благородство, просто женщина была не одна. Один из ее спутников, тот, что шел слева, не испугал бы никого. Он был подвижный и маленький, говорил много и быстро и все время размахивал руками. Одет в бархат и кожу, обычный костюм странствующего аквилонца, у пояса висел короткий

меч с толстой рукояткой, какие носят многие путешественники.

Полную безопасность женщины обеспечивал другой ее спутник. Это был высокий человек, немного худощавый, но крепкий и сильный. Крупная голова его прочно сидела на мускулистой шее, закрытой золотистой бородой, и он то и дело окидывал свирепым взглядом все вокруг, готовый к встрече с любой опасностью. Доспехи, если они и были, скрывала кожаная туника, а на широком прошитом бронзой поясе висел тяжелый аквилонский боевой меч с лезвием длинным и широким.

Двуручный эфес был обтянут тонкой акульей кожей. Когда-то жемчужно-серого цвета, с грубой текстурой эфес был изрядно потрепан и потерт от частого пользования. Цвет его теперь приближался к черному. Любому опытному бойцу такой вид оружия ясно говорил, что его обладателя лучше обходить стороной. Пружинистая походка великана и его львиный взгляд подтверждали, что это он сам, а не кто-то из бывших владельцев так вытер эфес своего меча.

— Вот! — сказал тот, что поменьше. — «Альбатрос!» Видите? Над дверью изображение парящей птицы. Эта тварь родом из южных стран, и грациозней ее в полете просто нет. Так же как и более неуклюжей на земле. Для любого корабля последовавший за ним альбатрос — знак удачи. А по преданиям древнего Ахерона, внезапно объявившийся на удаленной от моря территории альбатрос — знак...

— Да, да, знаю, Спрингальд, — улыбнулась женщина. — Но мы сюда за человеком пришли, а не

слушать интересные истории. И человек, которого мы ищем, должен быть за этой дверью.

— Я пойду вперед, малышка, — сказал великан.

Его пальцы обхватили рукоять меча. Несмотря на жару, длинные бархатные рукава и перчатки из прекрасной, бежевого цвета кожи скрывали его руки. Для того чтобы не задеть головой тяжелый дверной косяк, человеку пришлось низко пригнуться. Прodelал он это как истинный воин.

Здоровяк не стал нагибать голову, подставляя беззащитную шею любому нападающему, а вместо этого низко присел в коленях, оставив туловище прямым, и как только миновал косяк, тотчас же распрямился в полный рост. Он моментально окинул взглядом помещение, после чего великан слегка расслабился, подавая сигнал остальным.

Большое помещение, в котором они оказались, напоминало амфитеатр. Стойка бара начиналась прямо от двери и тянулась по правую руку через весь зал. Слева располагалась лестница, ведущая наверх. Самый верхний ярус амфитеатра был, вероятно, шагов шесть в длину. Еще четыре яруса, каждый шириной со столик, спускались к нижнему уровню, где стояло множество столов и стульев. В дальней стене было пробито четыре круглых окна, через которые струился солнечный свет. Через них вошедшим была видна гавань с мерцающей бликами поверхностью воды.

В этот ранний час в зале находилось не более дюжины посетителей. Человек за стойкой бара поднял глаза на трех новых посетителей. При виде их

дорогой одежды и амуниции он выбежал из-за стойки, вытирая руки о передник и отвешивая самые учтивые поклоны, на которые только был способен.

— Многоуважаемые, моя госпожа, чем могу вам служить?

— Мы ищем человека. Киммерийца. Нам сказали, он должен быть здесь.

Здоровяк говорил отрывисто, сквозь зубы, словно знал цену своим словам и не желал их тратить понапрасну.

— А-а, — разочарованно протянул хозяин, — вы имеете в виду Конана. Он сидит наверху, вон за тем столиком, у окна.

— Прекрасно, — сказала женщина. — Будь так любезен, принеси на тот стол кувшин своего лучшего вина и четыре стакана.

— Сию минуту, госпожа.

Хозяин поспешил обратно за стойку.

Конан внимательно наблюдал за вошедшими. Их вид был весьма необычен для такого места, как «Альбатрос». На первый взгляд, судя по ткани и покрою их одежды, они были из Аквилонии. Маленький казался довольно эксцентричным и нервным, но у Конана было такое чувство, что со своим коротким мечом он управлялся гораздо лучше, чем можно подумать с первого взгляда. Великан же выглядел весьма внушительно. Своими дорогими одеждами он походил не на безвкусного пижона, а скорее на человека благородного происхождения. Он явно принадлежал к военной аристократии, а его телосложение и боевой меч говорили о том, что к военному

искусству он относится очень серьезно. Их спутница была для Конана загадкой. В компании аквилонцев и по-аквилонски одетая, она тем не менее белизной своей кожи напоминала Конану гиперборейцев. Он видел, как хозяин показал рукой туда, где он сидел, и эти трое двинулись к его столу. Похоже, фортуна поворачивается к нему лицом.

Незнакомцы подошли.

— Это ты Конан из Киммерии? — спросил здоровяк.

— Да, я, — ответил Конан, не вставая с места и не предлагая никому присесть. Не стоит торопить события.

— Я — Ульфило, маркграф Петвы, что в Аквилонии. Эта дама — Малия, жена моего брата.

— А я — Спрингальд, — сказал тот, что поменьше. — Ученый и учитель из Танасула.

— Мы бы хотели, чтобы ты нам помог во время путешествия, которое нам предстоит, — сказал Ульфило.

Появился хозяин с кувшином и стаканами. Он расставил все это на столе, наполнил стаканы и удалился, почтительно кланяясь. Вот теперь Конан поднялся, жестом показал на свободные стулья, приглашая всех сесть.

— Если вы и вино покупаете, я буду более чем счастлив вас выслушать.

Все четверо сели и пригубили вина.

— За последнее время мне здесь ни одного интересного занятия не предлагали, — сказал Конан, постепенно вникая в суть дела. — Я весь внимание.

— Сразу по прибытии в этот порт, — начал Ульфило, — мы стали искать моряков, которые бывали у Черного Берега. Нам сказали, что ты один из них.

— Правильно, — подтвердил Конан. — Но здесь есть и еще ребята. Каждый сезон к Черным землям отправляется торговать множество кораблей.

— Да, — сказал Спрингальд, — до Куша или немного дальше на юг, но нам-то надо значительно южнее. Много лиг к югу от рски Зархеба.

— Ходят слухи, — сказала Малия, — что ты бывал и в тех водах.

Конан помолчал.

— Бывал, — сказал он, — но это было много лет назад.

— Не думаю, чтобы береговая линия за это время изменилась, — сказал Спрингальд. — Но так далеко на юг забираются очень немногие.

— Тот, кто хочет получить хорошие барыши, должен добираться туда, где не бывает конкурентов, — уклончиво ответил Конан.

Правда состояла в том, что в тех краях не бывал почти никто, кроме пиратов.

— И как далеко на юг ты забирался? — спросила Малия.

— Так далеко, что названий тех рек и земель вы даже и не слышали. Так далеко, что человек с белой кожей в тех краях диво дивное.

Конан внезапно рассмеялся.

— Что в этом смешного, Конан? — мягко спросил Ульфило.

и зажить абсолютно respectable жизнью. И все это после щекочущей нервы карьеры грабителя и убийцы.

— Нет, мы обязаны его найти, — сказала Малия. — В письме он очень настаивал. Он хочет, чтобы мы снарядили корабль, набрали боевую команду и последовали за ним.

— Так ты нам поможешь? — вмешался Ульфило.

— Это зависит от многого, — отозвался Конан. — Во-первых, сколько вы мне заплатите?

— Тысячу золотых марок Аквилонии, — ответил Ульфило не раздумывая. — После нашего благополучного возвращения.

Конан покачал головой:

— Если вам нужна моя помощь в поисках брата, я бы хотел, чтобы мне заплатили, как только мы его найдем. Потом я немедленно возвращаюсь, а ваши планы меня не касаются.

— Справедливо, — сказал Ульфило. — Хорошо, тысячу марок, как только мы найдем его живым и здоровым.

Конан опять покачал головой:

— Нет. Жив он или нет, рискую я одинаково. Если нет, вы мне заплатите, как только мы найдем место, где он погиб.

Ульфило заворчал, но Малия оборвала его:

— Мы согласны.

— Так, с этим все, — сказал Конан. — Теперь скажите, куда ваш брат направлялся? И что ему понадобилось так далеко на юге?

Теперь покачал головой Ульфило:

— Будь уверен, у него были на то причины.

— Я не возражаю, — сказал Конан, — но мне надо знать, где вы предлагаете его искать.

— А ведь тебя здесь считают смельчаком, — сказала женщина. — Неужели ты испугался?

— Нет, — ответил Конан, — но еще никто не называл меня дураком. И если мне это просто не нравится, то могу гарантировать, что ни один капитан не захочет рисковать своим кораблем, направляясь неизвестно куда. А матросов даже большими деньгами не заманишь к черту в пасть.

Они помолчали. Спрингальд посмотрел на Ульфило. Тот кивнул. Кивнула и Малия. Ученый обратился к Конану:

— Киммериец, что тебе известно о месте под названием Берег Костей?

Конан нахмурился:

— У него дурная слава. Даже самые свирепые пираты туда редко заходят. Это шесть дней пути к югу от устья Зархебы.

— Ты бывал там? — спросил Спрингальд.

— Да, хотя и не по своей воле. Нас занесло туда в бурю, и пришлось две недели стоять на якоре, пока не починили корабль. Мало кто захочет повторить такое приключение.

— А ты видел острые белые скалы, обрамляющие побережье? — спросил Спрингальд.

— А как же. Именно из-за скал это место так опасно для кораблей. Издалека они похожи на кости большого морского животного, выброшенного на берег, отсюда и название.

— А реку в зеленых пятнах, что лениво несет свои воды к морю? Ее ты там видел? — взволнованно продолжал свои расспросы Спрингальд.

— Да, ее тоже трудно пропустить. Это ведь единственный источник пресной воды в тех местах, но даже и та вода кажется пресной только по сравнению с морской. Нам приходилось процеживать ее через тонкие тряпки раз по шесть, чтобы избавиться от всякой зелени. Только тогда эту воду можно было с трудом пить.

Конан подозрительно посмотрел на него:

— А откуда ты все это знаешь? А-а, этот ваш загадочный брат, должно быть, написал что-то в своем письме.

— Совсем нет, — ответил ученый. — Людям нашего времени та часть береговой полосы почти неизвестна, но в летописях древнего царства Ахерон она описана довольно подробно. Скажем, только в «Путешествиях Ахмесаз-завоевателя» этот великий мореход подробнейшим образом описывает десять рейдов к тем берегам. А «Записи Лоцманской Гильдии Пифона» насчитывают двадцать семь...

— Успокойся, Спрингальд, — прервала его Малия. Она улыбнулась Конану: — Он так может часами продолжать. Но главное, можешь быть спокоен, кое-что о тех землях мы знаем, хотя никогда там и не были.

— Но этим сведениям уже несколько веков, — сказал Ульфило. — Какие народы там обитают теперь?

— В этом и есть главная опасность, — ответил Конан. — О тех племенах говорят, что они канниба-

лы. Я никогда не видел, как они едят людей, но эти ребята утаскивали с собой и живых и мертвых. После этого парней уже больше никто не видел, но зато до нас доносились такие дикие крики людей, как будто ночь за ночью над ними измывались настоящие демоны. Даже если они и не каннибалы, то, могу вам сказать, чужаков не жалуют точно.

— Извини, Конан, — вмешался Спрингальд. — Но ведь может быть и так, что им не нравится именно такой тип чужаков, каким были вы? Вероятно, у них имелся неприятный опыт общения с людьми, напоминающими тебя и твоих товарищей.

Конан заворчал, затем криво усмехнулся:

— Ты имеешь в виду, был ли я пиратом? Да, был. Но так давно, что об этом все уже и забыли. Я был тогда гораздо моложе и, соответственно, гораздо менее законопослушен. И я допускаю, что кое-кто из моих подельников мог быть слегка грубее, чем было необходимо.

— Тогда, — сказал Спрингальд, — есть вероятность, что к мирным торговцам они будут относиться менее враждебно?

— Возможно, — сказал Конан. — Но только в том случае, если у вас будет серьезная компания, вооруженная до зубов. Все племена по побережью — настоящие хищники, которые нападают друг на друга и охотятся на выживших после кораблекрушения моряков. Дикари, правда, вынуждены покупать то, что не могут заполучить в ходе налетов, но особой любезности при этом не проявляют.

— Как это? — спросила Малия.

— А так, они могут напасть на любого торговца и отнять все что можно, даже зная, что после этого ни один купец еще очень долго не появится в этих краях. Их совершенно не заботит будущее.

— Очень много людей и здесь поступает точно так же, — язвительно сказал Ульфило. — Только мы зовем их не пиратами, а королями и аристократами.

— Пожалуй, ты прав, — отозвался Конан. — В глубине души большинство из нас — тоже дикари. Разница в том, что мы немного сдержаннее. Но у великих мира сего, так же как и у черных аборигенов, эта черта начисто отсутствует.

— А как называется этот народ? — спросил Спрингальд.

— Сами они называют себя борана, — ответил Конан.

— А! В южной части Куша есть народ, который зовет себя палана, а на севере — горный народ, известный как фатада. Оба этих народа говорят почти на одном языке, который произошел от классического кушитского. Могут эти борана быть южной ветвью того же самого племени?

— Очень может быть, — почти с уважением произнес Конан. — Правда, кроме их воплей и боевых кличей, я ничего не слышал, но по звучанию это напоминало кушитский язык, а некоторые из моих товарищей-кушитов говорили, что они даже смогли бы разобрать слова, если бы дикари говорили помедленнее и не так злобно.

— А вы ходили когда-нибудь в глубь страны? — спросил Ульфило.

— Только не с Берега Костей. В других частях Черного Берега — да.

— А что там, вдали от берега? — наклонилась вперед Малия.

Конан отвел взгляд к окну, как бы рисуя себе картину далекого прошлого и дальних стран.

— Люди говорят о Черных Королевствах как об одной целой стране. Но это не так. Кто-то увидел крохотный кусочек территории, высадившись на берег лишь однажды, и думает, что видел все Черные земли. Это же глупость. Большинство людей слышало о тех местах — что? Огромные, наполненные визгом, кипящие всякими тварями джунгли с их ядовитыми испарениями, злобными хищниками и еще более злобными людьми. Но это только побережье. Черные земли состоят не из одних джунглей. Джунгли — лишь малая их часть. Пойдите в глубь территории вдоль какой-нибудь реки, особенно если это Зархеба, — и вы неделями будете плутать в джунглях, временами буквально прорубая себе дорогу. Сверните в другую сторону — и через полдня вы окажетесь в горах. А еще один двухдневный переход выведет вас на высокое плато, где почти нет деревьев, а земля покрыта превосходной мягкой травой. Я видел такие места, где ходят стада антилоп, настолько огромные, что чиновники со всей Аквилонии не смогли бы пересчитать их.

— Ты когда-нибудь слышал о вершине с двумя пиками, которая называется Рога Шушту? — спросила Малия.

Конану пришлось вернуться из своих воспоминаний в окружающую реальность.

— Никогда. А что это?

— Просто приметная гора, — пожалала Малия своими красивыми плечами. — Мой муж упоминает о ней в письме.

Ульфилло бросил на нее свирепый взгляд и повернулся к Конану:

— Ну так что, киммериец? Ты будешь нашим проводником?

Конан задумался. Более безнадежную затею трудно было себе представить. А он участвовал во многих авантюрах и знал цену каждой. Скорее всего, человека, которого они ищут, уже нет среди живых. То побережье, куда они хотят добраться, — самое дикое место из всех, где бывал Конан. С другой стороны, эти люди внушали доверие, женщина была красивой, и, что самое важное, других вариантов ему никто не предлагал. Затея, над которой он еще пару месяцев назад просто посмеялся бы, теперь была не лишена привлекательности. Конан скучал без дела, и предложение незнакомцев сулило массу приключений. К тому же, если все пройдет благополучно, тысяча золотых марок позволит ему безбедно существовать еще долгое время. Может быть, до тех самых пор, пока не начнется очередная война. Наконец этот манящий, искушающий Черный Берег... Конан еще раз глянул в окно, как будто стараясь разглядеть ту огромную неизведанную страну, лежащую за горизонтом. А та страна так огромна, что, наверное, все Западные и Восточные земли, вместе взятые, не сравнятся с ней по размерам. Никто и никогда не видел и половины той неизведанной стра-

ны. Там случаются такие чудеса, которые и не снились ученым типа этого Спрингальда. Ужасы, конечно, тоже бывают, и в избытке. Постоянная драка за выживание и предстоящие лишения не пугали Конана, для него это обычное дело.

— Хорошо, я с вами, — сказал он наконец.

Все трое облегченно вздохнули и заулыбались, как будто все стало ясно и благополучный исход дела уже неминуем.

— Мы здесь недавно, — сказала Малия. — Есть в гавани подходящий корабль?

— Нет, — ответил Конан. — Сейчас нет, никто не заходит уже несколько недель. Обычное торговое судно нам не подойдет. Нам нужен боевой корабль с соответствующей командой и разворотливым капитаном. Прямо сейчас в гавани нет ни корабля, ни капитана.

Все трое сникли.

— Это значит, что мы здесь застряли надолго? — спросила Малия.

— Отнюдь, — ответил Конан.

— Не надо головоломок, дружище, — рыкнул Ульфило. — В порту либо есть нужный корабль, либо его там нет. Так что?

Конан ухмыльнулся:

— Прямо сейчас его там действительно еще нет, а вот через пару минут уже будет. Вот! Бросает якоря!

— Что ты имеешь в виду? — спросил Ульфило, поднимаясь и разворачиваясь к окну, в которое был устремлен взгляд Конана.

Конан указал пальцем через похожее на иллюминатор окно туда, где в двухстах футах от берега теперь покачивался только что прибывший корабль.

— Похоже, это то, что нам надо.

Остальные тоже смотрели в окно.

— Какой-то он маленький, — недоверчиво заметила Маля.

— Пойдем, — поднялся со своего места Конан, — поговорим с капитаном. А по дороге я расскажу вам кое-что о путешествиях по опасным побережьям.

Все четверо вышли из «Альбатроса».

Глава 2

КАПИТАН

— Вот, — сказал Конан, показывая на судно, что стояло на якоре в ста шагах от причала. — Это зингарский корабль, из Кордавы. Его строили как торговое судно, а таким нужна большая скорость, потому что в районе Барахских островов, что недалеко от Кордавы, множество пиратов. И сами бараханцы любят такие корабли за скорость, на них легче настигнуть добычу. Видите, какой наклон мачты?

— Какой наклон? — переспросила Малия.

— Наклон мачты, — пояснил Спрингальд, — это угол ее отклонения назад. Для мореплавателей очень важный фактор, поскольку он облегчает управление судном.

— Совершенно верно, — подтвердил Конан. — И такой наклон встретишь не часто. Чтобы проверить, какую скорость корабль может развить, надо опробовать разной длины мачты, разный угол наклона и форму паруса. Судя по этому наклону, корабль шел на предельной скорости. Как раз перед вашим приходом я наблюдал, как он обогнул мыс и спустил

паруса. На нем треугольный латинский парус, слишком большой для такого корабля, который может легко перевернуться под тяжестью. С такой оснасткой справится только очень опытный капитан, у которого безупречный экипаж.

В это время к кораблю пристала маленькая лодка, и в нее сели несколько человек. Весла начали свое ритмичное движение, и лодка, отделившись от корабля, уже скользила к причалу. Стоявшие на причале ожидали ее приближения с разным чувством. Уже через несколько минут в лодку с деревянного пирса спустили лестницу. Был отлив, и поэтому из воды на причал приходилось подниматься таким способом, а во время прилива надо было просто перешагнуть через борт.

Первым из лодки вышел крепкий, высокий человек, закутанный в плащ, на голове у него была широкополая шляпа. Конан подал ему руку и одним звериным рывком втащил незнакомца на причал.

— Спасибо, — сказал тот, поднимая глаза на своего доброжелателя, — как мне... — В то же самое мгновение оба схватились за эфесы мечей. Рыжие волосы выбивались из-под шляпы незнакомца, и рыжая борода обрамляла его лицо. Губы дрогнули в гримасе гнева.

— Черноволосый! — рявкнул капитан.

— Рыжая борода! — зарычал Конан. Они застыли друг против друга, не разжимая рук на эфесах мечей. Все остальные замерли в оцепенении. Не говоря ни слова, Ульфило сделал шаг вперед и закрыл собой Малию, а те двое все так же были готовы

кинуться в кровавую драку. Наконец Конан медленно опустил руку с эфеса.

— Мы не на севере, ванир, — сказал он.

Рыжеволосый так же медленно опустил свой клинок, его рукоять щелкнула у бронзового горла ножен.

— Да, вдали от земли предков я могу спокойно смотреть на киммерийца.

— Междоусобная вражда — для родных мест, — сказал Конан. — Здесь, к югу от Пограничного Королевства, я подружился даже с гиперборейцами. Мы все сейчас — просто варвары с севера.

— Что все это значит? — негромко спросила Малия.

— Капитан из ванирской расы, — сказал Спрингальд, — а ваниры и киммерийцы испокон веку враждуют между собой. Ваниры охотятся за киммерийскими детьми, которых превращают в рабов, а киммерийцы им, понятно, мстят, и делают это с удовольствием.

Капитан окинул взглядом всех присутствующих:

— У вас, кажется, ко мне дело. Какое же?

— Пойдем в «Альбатрос», раздели с нами трапезу, капитан, — сказал Ульфило. — Мы ищем корабль, и этот человек, — он показал на Конана, — говорит, что твое судно — это как раз то, что нам нужно, а капитан и команда — опытные мореплаватели.

— И какой же корабль вам нужен?

— Мы направляемся в те моря, где обычное торговое судно будет как жирная ворона в стае стремительных ястребов, — ответил Ульфило. — Нам нужны люди, которые не испугались бы бросить

вызов самым опасным и диким берегам. И капитан, который поведет к этим берегам своих матросов.

Ванир усмехнулся:

— «Морской тигр» и есть такой корабль, а я, Вульфред из Ванахейма, — его капитан. Что касается моих людей — судите сами. Многим становится страшно от одного только взгляда на них. Если и вы из таких, то вам не по плечу путешествие, которое вы задумали.

— Так ты пойдешь с нами, капитан? — спросила Маля.

Он окинул взглядом ее изящную фигуру и усмехнулся:

— Как я могу отказаться от столь прекрасного общества? Вы затеяли что-то интересное. Чтобы услышать ваш рассказ, я, пожалуй, даже сяду за один стол с киммерийцем. А как ты, черноволосый? — Он повернулся к Конану.

— Да, у меня кусок в горле не застрянет, хоть и в компании с рыжей бородой. — Конан спокойно смотрел на капитана. — Это я им сказал, что твой корабль — именно то, что надо. И не отказываюсь от своих слов.

Вульфред усмехнулся:

— Так давайте объявим перемирие, по крайней мере на время обеда. Интересно узнать, что вы задумали. В «Альбатрос»!

Они пришли в таверну, и пока все ели, Ульфило рассказывал о том, что они собираются предпринять. Конан вслушивался внимательно, но рассказ Ульфило слово в слово совпадал с тем, что было сказано

киммерийцу раньше. Конан подозревал, что его наниматели говорят далеко не всю правду, и готов был придрасться к малейшей неточности.

— Для начала могу вам сказать, что, по моему мнению, все это — безнадежная затея, — сказал Вульфред. — Но меня это не касается. Я уверен, что Конан уже предупреждал вас, что шансов найти этого человека очень мало.

— Все верно, — сухо сказала Малия. — Он действительно так говорил, и все это не твое дело. А что насчет тебя и твоего корабля?

— Я бывал в трех днях пути к югу от устья Зархебы и никогда не заходил дальше Берега Костей. Но вы предлагаете хорошие деньги, а я не из тех, кто бежит от опасности, если есть возможность сорвать хороший куш.

— А как твоя команда? — спросил Конан.

— Я скажу им, куда мы идем, — пожал плечами Вульфред, — как обычно. Их право пойти с нами или остаться. Если нам не будет хватать рабочих рук, мы наберем людей в Кеми или на прибрежных островах. Никогда не помешает иметь на борту несколько местных матросов. Они даже и здешним болезням подвержены гораздо меньше.

— Ну что, тогда мы договорились? — спросил Ульфило.

— Только одно меня беспокоит, — сцепив пальцы в замок, наклонился вперед Вульфред. — Эта дама. Она что, действительно желает пойти с нами?

— Да, желаю, — уверенно сказала она. — Я не боюсь.

— В этом я не сомневаюсь, моя госпожа, — согласился Вульфред. — Но на такие прогулки отваживаются только тертые бойцы и опытные моряки. Да одно только солнце может свалить с ног человека с такой светлой кожей, как у вас. А мои матросы... Они далеко не люди чести и выдержки. Вы ведь будете единственной женщиной в их обществе очень долго.

— За вашими матросами послежу я, капитан, — сказал Ульфило, взявшись за рукоятку меча.

— И я, — поддержал его Конан.

— Ну, возможно, вдвоем вы и сможете защитить ее, — сказал Вульфред. — Но люди к тому же суеверны, и мои матросы не исключение: они считают, что женщина на корабле приносит несчастья. Покуда все будет хорошо, проблем не будет, но как только нас постигнет неудача, они начнут искать виновника, и вот тут-то вам и придется туго.

— Она идет с нами, — поставил точку Ульфило.

— Прекрасно, я вас предупредил, и что бы ни случилось — это на вашей совести. — Вульфред откинулся назад. — А теперь, если уж нам придется торговать среди аборигенов, нам нужны товары. Сейчас у меня на борту груз оловянных болванок для местных литейных мастерских. К полудню завтрашнего дня все должно быть выгружено, и мы сможем принять другой груз.

— А какие товары нам нужны? — спросил Спрингальд.

— Что-нибудь такое, что всегда нужно черным аборигенам и что они не могут производить сами, — объяснил Вульфред. — Это единственный способ

получить хоть какую-то прибыль. Они не добывают руду и не плавят железо, хотя некоторые племена обрабатывают железо довольно сносно. Так что железные чушки, например, всегда пользуются спросом. Вам нужны небольшие слитки, которые можно было бы обработать в любой деревенской кузнице. Там всегда можно сбыть топоры, наконечники копий и ножи.

— А как насчет мечей? — спросил Спрингальд.

— Они там никому не нужны. Скорее, потребуются большие лесные ножи, которые могут служить и инструментом и оружием одновременно. Юг — это страна копий. Традиционные предметы торговли — медная проволока, стеклянные бусы, всевозможные безделушки, колокольчики, погремушки, зеркала и тому подобное. И одежда, горы одежды. Но только покупайте вещи из легкой, светлой ткани. Там не нужна тяжелая шерстяная одежда. И берите самые дешевые тряпки, какие только сможете найти. Барыши будут больше, а аборигенам все равно товар понравится. В тамошнем климате даже самые дорогие одежды превращаются в труху с той же скоростью, что и дешевые.

— Кажется, это полезные сведения, — заметил Спрингальд. — Конан, тебе есть что добавить?

— Прихватите сундук хорошего оружия и нарядов побогаче, чтобы было что дарить местным главам. Они привыкли к дарам и могут обидеться, если не получат что-то получше, чем все остальные.

— А что нам надо требовать взамен? — спросил Спрингальд. — Нужно же поторговаться, ведь мы

должны вести себя как настоящие купцы, чтобы не вызвать подозрений.

— Еще раз повторяю: единственная причина, по которой люди забираются так далеко, — это надежда найти то, чего никогда не достать здесь. Самая превосходная статья дохода — слоновая кость. В Черных землях есть одно место, где ее видимо-невидимо. А страна та называется Вендия. Очень ценны также перья страуса и других огромных птиц. Они хорошо уминаются, не занимают много места и почти ничего не весят. Кое-где можно встретить жемчуг, а в нескольких местах аборигены в реках находят золотые самородки и берегут их для обмена. Шкуры и рога некоторых экзотических животных тоже могут представлять ценность. Если у вас есть соответствующее образование, то можно найти много растений и кореньев, полезных в медицине, и еще красителей, но я никогда не имел с этим дела. И конечно же, те места — отличный рынок рабов.

— Никаких рабов! — резко отозвался Ульфило.

— Точно, — согласился Конан. — Ни за какими рабами я никуда не пойду.

— Но почему? — удивился Вульфред. — Они же не наши родственники, тут совсем другое. Этот вид торговли процветает везде, и преимущество его в том, что вам даже не надо сходить со своего корабля. Как только местные предводители узнают, что у вас есть вещи на обмен, они тотчас же совершают рейд внутрь страны и доставляют вам пленников прямо на корабль.

— Я не собираюсь принимать участия ни в какой работоторговле, — настаивал Ульфило.

Остальные согласно закивали. Вульфред пожал плечами:

— Как пожелаете. В любом случае «Морской тигр» не слишком приспособлен для перевозки рабов. В трюм можно затолкать не больше двух сотен, да еще многие из них помрут, прежде чем мы доберемся до какого-нибудь порта, где за них можно взять хорошие деньги.

— Ну все, с этим ясно, — сказал Ульфило. — Пока ты разбираешься со своим грузом, мы закупим товары в местных лавках и начнем их загружать завтра после полудня. Как скоро после этого мы сможем выйти в море?

— Как можно скорее, — ответил Вульфред. — Сейчас самое лучшее время для выхода в море, и нам нельзя терять ни дня из этого времени.

— А когда начинается сезон штормов? — спросила Малия.

В ответ Вульфред рассмеялся от души:

— Этот вопрос говорит о том, как мало вы знаете о море и о морских путешествиях. Дело в том, что в Море Запада сезон штормов не прекращается никогда. Сильные шторма повторяются наиболее часто в конце навигации, но вы должны быть постоянно готовы к тому, чтобы сорваться с места и удирать от шторма. — Вульфред поднялся из-за стола. — А сейчас мне надо пойти заняться своим кораблем и грузом. Если вы не найдете всех необходимых товаров в этом порту, не беспокойтесь. Мы всегда сможем

добрать их в Кеми. Основной упор здесь сделайте на ткани и одежду, а стеклянные бусы и безделушки в избытке производятся в Стигии.

— И там к тому же мы сможем что-нибудь узнать о моем муже, — сказала Малия. — Это было последнее цивилизованное место, которое он посетил.

— Точно, — кивнул Вульфред. — Вполне может быть, что мы что-нибудь о нем услышим.

Конан поднялся с места.

— Я посмотрю на корабль и команду, — сказал он.

— Тогда идем, — поторопил его Вульфред. — Хотя я бы тебе посоветовал провести последние часы на берегу, развлекись напоследок. «Морской тигр» надолго станет твоим домом, киммериец.

Они вдвоем вышли из полутемной таверны на яркий солнечный свет и зашагали к берегу. Когда Вульфред и Конан подошли к «Морскому тигру», олово уже выгружали из трюмов корабля. Вульфред перебросился парой слов с человеком из литейных мастерских и просмотрел свой список, сверяя его с сопроводительными документами. Когда баржа была разгружена полностью, ванир и киммериец погнали ее за следующей партией. Как только они оказались поближе, Конан стал внимательно рассматривать корабль. Первое впечатление Конана, когда он увидел корабль издалека, полностью оправдалось. Обводы этого красавца были великолепными. Да, первое впечатление его не обмануло: корабль строили настоящие мастера; корпус щеголял свежей черной краской.

Как принято у моряков, Конан пропустил ванира вперед.

— Поднимайся, Конан, — сказал Вульфред, едва ступив на палубу. Конан последовал за ним. Теперь у него была возможность осмотреть на судне все до мелочей. Палуба натерта пемзой до безупречной белизны. Бронза и медь отполированы до блеска, железные детали аккуратно закрашены от ржавчины защитной краской. Он заметил, что канат на кофеле-нагеле старый.

— А новый такелаж у тебя есть? — спросил Конан.

— Нет, но канаты я собираюсь заменить все, — ответил Вульфред. — Я хотел этим заняться по возвращении в Кордаву, но придется сейчас, для нашего плавания понадобятся новые канаты. В южном климате они истлевают быстрее любой ткани.

— А что с парусиной?

— Она там, в рундуке. Хватит на ремонт и даже еще на два новых паруса, если понадобится.

— Хороший корабль, — заключил Конан. — Очень хороший. — Он разглядывал матросов, которые в свою очередь не спускали с него глаз. Примерно половина — зингарцы и аргосийцы, есть несколько человек из других стран. Все остальные принадлежали к тому бездомному племени, чья единственная родина — соленые морские просторы. Их одежда являла собой пеструю картину; на некоторых были только бриджи и повязка на голове, защищавшая от жаркого полуденного солнца. У каждого нож, но никакого другого оружия — мечей

или топоров — Конан не заметил. Однако он не сомневался, что более грозное вооружение где-то под рукой. Почерневшую на солнце кожу матросов покрывали шрамы, у некоторых были татуировки. Иногда они напоминали клеймо, каким карают за преступление, но точно Конан определить не мог.

— Эй, внимание! — взревел Вульфред, как будто стараясь перекрыть голосом рев ветра. — Всем собраться на корме!

Матросы медленно, как бы нехотя собирались. Последним пришел корабельный кок, сморщенный старик в заляпанном переднике, на голове у него красовался яркий красный тюрбан, а в ушах играли на солнце золотые кольца. Разгрузка корабля тем не менее продолжалась, этим сейчас занимались портовые рабочие и рабы-литейщики.

— Слушайте, морские львы, — начал Вульфред. — Мы хотели загрузить здесь судно и плыть обратно в Кордаву через Мессантию. Но есть кое-что поинтереснее. Трое аквилонцев хотят нанять «Морской тигр», чтобы везти свои товары на юг, за Кеми, к Черному Берегу, они собираются торговать там с туземцами. Никакой вони от рабов не будет; их интересуется слоновая кость и тому подобное. До начала ураганов мы успеем дойти до места, продать свои товары и вернуться назад. И еще, — он усмехнулся, — за все тяготы плавания они заплатят вам втрое больше обычного. Что скажете?

Конан понимал, что здесь, в порту, действуют законы первобытной демократии, которым в море

места уже не будет. Судя по состоянию палубы, Вульфред умеет обращаться со своей командой. На корабле нет ни рабов, ни юнг, значит, всю работу делают сами эти суровые моряки, но ведь заставить их — дело непростое. Первым заговорил огромный, похожий на обезьяну человек:

— Куда именно на юг, мой капитан? — Его почти лишенный губ рот открывался странно широко, а когда он говорил, вздрагивало серебряное кольцо в носу. Эффект тем не менее получался вовсе не комический.

— На юг от Зархебы, — ответил Вульфред.

— Куда?

— Еще пять или шесть дней пути. — Это вызвало негромкий ропот. — Что?! Неужели вы, морские псы, боитесь небольшой прогулки на юг? Вы знаете не хуже меня, что чем дальше земля, тем реже туда снаряжают корабли, а значит, торговля там выгоднее.

— Для купцов — может быть, — сказал похожий на обезьяну. — Но наш риск от этого не меньше!

— Уму, никого не будут принуждать силой, — терпеливо объяснял ему Вульфред. — Тем, кто останется здесь, я сейчас же заплачу. А матросов мы найдем, и даже больше, чем коек на корабле.

— Мои наниматели более чем щедры. — Конан в первый раз обратился к команде. — Кроме тройной оплаты они предлагают каждому свою долю добычи. Вы знаете, что в таком плавании можно разбогатеть. Тому, кто останется в живых.

Вульфред посмотрел на него удивленно, но ничего не сказал.

— Я не верю ни в чью щедрость, — фыркнул человек по имени Уму. — С чего это они такие щедрые?

— Они не хотят, чтобы об этом пошли слухи, — начал Конан, — но на самом деле их цель — разведать новую территорию для торговой компании, недавно основанной в Аквилонии. Аквилония, как вы знаете, — страна богатых купцов, но у нее нет выхода к морю. Доходы от самого этого плаванья на самом деле не так уж важны, если только они не имеют отношения к этой новой компании. Почему бы им и не разделить эти первые доходы с вами? А потом, когда они снарядят корабли для постоянного сообщения, у тех, кто участвовал в первом походе, будут значительные преимущества.

Люди негромко переговаривались.

— Тщательно все обдумайте и решайте, — сказал Вульфред. — Мы отправляемся послезавтра на заре, времени у вас достаточно. Я не побоюсь идти с неполной командой. Отсюда и до самого Куша немало найдется желающих занять ваши койки. Я же веду «Морской тигр» на юг! Все свободны.

Матросы расходились, негромко переговариваясь. Вульфред повернулся к Конану.

— Я всегда знал, что киммерийцы — отличные воины, но никогда не встречал среди них ловких и хитрых, — сказал ванир.

— Аквилонцы говорят, что доходы от торговли их не интересуют. Я думаю, они с удовольствием

разделят заработанное на всю команду, в награду за послушание.

— А что это за торговая компания? — спросил Вульфред.

— Кто знает, если мои надежды на это плавание оправдаются, я, может быть, и сам открою компанию.

Вульфред разразился громким смехом и ударил Конана по плечу:

— С тобой, похоже, будет весело, киммериец! Если у человека с сильными руками еще и сильные мозги, он один стоит целого экипажа! А я вижу, ты и в кораблях разбираешься. — Ванир облокотился о перила и говорил, не глядя на Конана. — Мало кто заходил так далеко на юг, как ты. Я много лет плывал в тех краях и не встречал ни одного торгового судна, которое уходило бы от Зархебы дальше, чем на четыре дня пути. Только если сносило бурей. Но тогда они времени не теряли и, дождавшись попутного ветра, сразу же поворачивали на север.

— Конечно, это неприветливый берег, — сказал Конан уклончиво.

— И все же... — ванир колебался, — ходят разные слухи. От Кордавы до самого Кеми в матросских тавернах шепчутся о черных корсарах. Несколько лет назад они всех держали в страхе, тогда одна шемитская дьяволица собрала целый флот; ее звали Бэлит. Все побережье Куша она превратила в одну большую бойню. У нее, говорят, и муж был такой же бешеный, как она. Совсем молод, но свиреп, как тигр, огромный, с черной гривой, и никто не знает,

откуда он, по крайней мере, так говорят. Те немногие, кому довелось столкнуться с ним лицом к лицу, утверждают, что глаза у него голубые. Ты когда-нибудь слышал подобные байки? — Вульфред делал вид, что неотрывно наблюдает за разгрузкой корабля.

— Пьяные много чего рассказывают, — пробормотал Конан. — Не стоит верить всем их глупым басням.

— Да, конечно, ты прав. Да и какое это теперь имеет значение? Прошло уже много лет. Девчонку прикончили, а он... Он сгинул, и никто не знает куда.

— Да уж, — сказал Конан. — Так, я хочу посмотреть все остальное на твоём корабле.

И следующие два часа киммериец осматривал каждый фут обшивки корабля, каждую веревку и деревяшку рангоута, каждый дюйм бегучего такелажа. Он забрался на мачту, а потом, спустившись, снял штаны и рубашку и прыгнул в воду, чтобы осмотреть подводную часть корпуса. Окончив проверку, он вполне убедился, что корабль подходит для того, чтобы благополучно совершить этот поход и вернуться назад, он сумеет защитить себя от хищников-пиратов в человеческом обличье. Оружейный арсенал корабля был достаточным, чтобы каждый матрос мог получить в руки топор или абордажную саблю. Кроме этого, там были и абордажные копья, и дротики, и луки с колчанами стрел. Были и кое-какие легкие доспехи: стальные шлемы и толстые стеганные куртки, покрытые кольчужной броней.

— Я скажу тем, кто тебя нанял, что лучшего корабля им никогда не найти, — произнес Конан, когда он наконец закончил.

— Даже в Зингаре я не видел ни одного адмирала, который бы с такой дотошностью инспектировал корабль, — сказал Вульфред. — Но клянусь бородой Ньорда, я вообще никогда не слышал, чтобы какой-нибудь придира обследовал бы подводную часть корпуса!

— Судить о корабле только по той его части, что над водой, — это то же самое, что покупать лошадь, не глядя на ее ноги, — откликнулся Конан. — Я видел много кораблей, блестящих свежей краской и остервенело надраенных выше ватерлинии, но подводная часть которых представляла собой только поросшую водорослями и ракушками, гнилую и поеденную червями деревянную массу.

— Ты разбираешься в кораблях, — сказал Вульфред. — А насколько хорошо ты понимаешь людей?

— Твои матросы, на первый взгляд, довольно опытные, хотя отличить проходимца от честного работорговца довольно трудно, пока судьба не начнет их искушать.

— В общем, да, — осклабился Вульфред. — Но я не о них. Я об этих, из Аквилонии.

— Интересные ребята. Ульфило — один из аквилонских аристократов. Насколько я знаю, они отличаются крепкой породой. Их земля богата, но там нет никаких естественных границ. Природа не разделила эти земли, поэтому даже богатые должны уметь драться, чтобы удержать то, чем они владеют. Этот — типичный представитель их знати.

— Да-а, — задумчиво протянул Вульфред. — Но для этих аристократов главное — наследство. Мы, северяне, совсем другие, ну ты знаешь. Мы все — свободные и равные воины, а кровные узы для нас превыше всего. Мы, ванирцы, вы, киммерийцы, и даже... — он сплюнул в воду, — желтобородые из Аэсира знают цену кровному родству и готовы отправиться на край света, чтобы отомстить за убитого брата. Но Аквилония? Родовое гнездо наследует только лишь старший брат. А все младшие должны сами бороться за существование. Виданное ли дело, чтобы кто-то бросил там свой дом и отправился за младшим братом?

— Непонятно, — согласился Конан. — И у меня эта мысль постоянно вертится в голове. Но меня наняли для того, чтобы помочь найти человека, а не для выяснения причин этих поисков.

— Согласен, но это все равно тема для размышления. А что насчет двух других?

— Тот, которого зовут Спрингальд, похоже, и в самом деле ученый, но если посмотреть на его движения и на его руки, то можно подумать, что он умеет управляться с мечом.

— Ученый и боец одновременно? Едва ли это возможно, но я не оспариваю твое мнение. А женщина?

— Это еще одна загадка. Говорит она как аквилонка, но ее вид... Готов поклясться, что родом она из Гипербореи.

— Короче, трое болванов в поисках одного придурка, — сказал Вульфред. — Конан, а как ты думаешь, что они ищут на самом деле?

— Они наняли нас обоих, чтобы помочь им найти этого бродячего братца, — ответил Конан. — Пока они нам платят, нас касается только это.

— Ну, пока они платят хорошо, я могу с этим согласиться... — не совсем уверенно сказал ванир.

Вечером Конан встречался со своими работодателями уже в их гостинице. Гораздо более пристойное заведение, чем «Альбатрос». Забавно, но они задавали те же вопросы, которые он уже выслушал от капитана корабля.

— Конан, — начал Спрингальд, — мы никогда не имели дела ни с морем, ни с людьми, которые отправляются в плаванье. Я полжизни провел лишь читая книги о великих мореплавателях, но и самая умная книга — ничто по сравнению с реальным опытом. Что ты думаешь о капитане Вульфреде, его корабле и его экипаже?

— Я вам честно скажу, — ответил Конан, — лучшего корабля для ваших целей просто не существует. А капитан корабля и матросы вполне могут дойти туда, куда вы хотите, а потом доставить вас обратно.

— Ты немногословен, — сказала Малия.

— Ну что ж, я поясню. Корабль, который вы наняли, — не торговое судно. Это боевой корабль, который способен принять на борт кое-какой груз. Все матросы — опытные моряки, каждый из них будет чувствовать себя как рыба в воде, держа в руках и абордажную саблю. А Вульфред никогда не смог бы поддерживать свой корабль в таком отличном состоянии, перебиваясь он только лишь случайными фрахтами из Кордавы на Асгалун.

— Ты хочешь сказать, он пират?

— Не все так просто, — ответил Конан. — Есть такие пираты — черные корсары и бараханы, — которые ничем больше не занимаются. Но капитаны-торговцы, которые посещают отдаленные и опасные районы, очень часто тоже промышляют пиратством. Если на пути им встречаются хорошо вооруженные и сильные люди, они мирно торгуют с ними. Ну а когда кто-то не способен защитить себя и свое имущество, вчерашние купцы берут все, что им понравится, без всяких денег.

— Это люди без чести и совести, — сказал Ульфило.

— На море все по-другому. — Конан покачал черной гривой. — Там каждый только за себя, и опасность — повсюду. Вокруг тебя — чужие, и поэтому все видишь иначе. И потом, — он бросил взгляд на Ульфило, — на суше ведь тоже так бывает. Разве ту землю, которой ты сейчас владеешь, твои предки купили? Бьюсь об заклад, что нет. Они отняли ее у тех, кто слабее.

— Ты ведешь себя дерзко, киммериец! — прорычал Ульфило.

— Ну полно, друг мой, — сказал Спрингальд с легкой усмешкой. — В его словах есть доля истины. Наши предки-гиборейцы были самыми обыкновенными варварами-дикарями. А респектабельность, не говоря уже о знатности, зиждется на преступлениях, просто со временем о них стараются забыть.

— И что же все это значит? — спросила Малия. — Можно довериться этому капитану?

— Что касается вашей цели, — ответил Конан, — я думаю, на него можно положиться. Но если речь пойдет о большом богатстве, — тут ему палец в рот не клади.

— А при чем здесь богатство? — спросил Ульфило.

— Ни при чем... Пока что, — ответил Конан.

— Так и не будем говорить об этом. Мы просто ищем моего брата, больше ничего.

— Мне-то нетрудно вам поверить, — отозвался Конан, — а вот Вульфреда и его команду, их, возможно, убедить будет не так-то просто.

Глава 3

ТЕМНЫЙ ГОРОД

Крепкий северный ветер раздувал два больших треугольных паруса, и «Морской тигр» летел на юг. Учитывая малейшие изменения воздушного потока, Вульфред постоянно следил за величиной угла рей и за натяжением канатов. Парус то становился совсем плоским, то вздымался так, что казалось, будто он хочет вырваться вперед самого корабля.

Они шли по всем известному маршруту, был самый разгар навигации, поэтому редко когда поблизости не было видно какого-нибудь корабля. Некоторые из них, желая познакомиться поближе, делали попытку подойти, но при виде хищного разбойничьего судна сразу же поворачивали обратно в поисках более подходящей компании.

Конану нравился и сам корабль, и все его механизмы. Хотя он и не был членом экипажа, но всегда с готовностью принимался за любую работу, если нужна была помощь, — натянуть ли канат или крутить лебедку. Матросы не скрывали своего удивления его силой, которой хватило бы на пятерых.

Кое-кому, правда, не нравилась та легкость, с какой Конану удавалось любое дело, и первым среди таких был Уму — огромное, похожее на обезьяну чудовище. Своей силой, которой очень гордился, Уму подчинял себе всех остальных. И хотя на корабле кроме капитана не было настоящих офицеров, он считал себя командиром экипажа, и появление Конана ему пришлось не по душе. Конан знал об этом, хотя Уму и не проявлял своего недовольства в открытую.

Конану это казалось подозрительным. Не потому, что он видел в Уму соперника, ведь в мире, где жил киммериец, это соперничество в порядке вещей. В диком, яростном мире бандитов, пиратов, казаков и наемников сильный всегда подавляет слабого и всегда есть кто-то один самый сильный, которому, чтобы сохранить свою власть, приходится отвечать на все удары, принимать все вызовы помериться силами. При обычных обстоятельствах Конан мог бы ожидать, что не пройдет и трех дней, как они с Уму померятся силами. Но время шло, а тот лишь кидал на Конана злобные взгляды. Киммериец понимал, что останавливает Уму не страх. За его низким лбом для подобных мыслей, возможно, и вовсе не было места. Здесь что-то другое.

Конану не давала покоя не только сдержанность Уму. Несмотря на опасности и невзгоды, которые их ожидали в путешествии, никто из моряков не покинул корабль, не остался в Асгалуне. Почему? Повезло, конечно, что в команде такие суровые, опытные морские львы, но киммериец не очень-то доверялся такому везению.

— О чем ты задумался, Конан? — спросила Малия. Она вышла из своей маленькой каюты и поднялась на небольшой ют, где киммериец наблюдал за работой рулевого. Сначала она, как и ее спутники, страдала от морской болезни, но скоро все прошло.

— В море тебя всегда подстерегает опасность, и ни в чем нельзя быть уверенным до конца, — ответил Конан. — Видишь вон ту гряду облаков, на юго-западе? — Он показал рукой на едва различимую серую полосу у горизонта.

— Да, вижу. Мне она кажется вполне безобидной.

— Это только кажется. Она может принести бурю, которая обрушится на нас с быстротой нападающего хищника. На море ни одну мелочь нельзя упустить из виду.

Малия рассмеялась:

— Ты настолько же мрачен, Конан, насколько весел наш капитан. — Она кивнула туда, где на палубе стоял Вульфред; матросы, недовольные его бесконечными экспериментами с оснасткой, опять и опять настраивали паруса, а он весело ругался, слушая их недовольное ворчание. — Спрингальд говорит, что киммерийцы известны своим дурным нравом, а ваниры же хотя и свирепые, но веселые.

— Знания Спрингальда почерпнуты из книг, — сказал Конан. — Ваниры умеют веселиться, согласен, особенно когда мучают свою жертву или сжигают дотла киммерийскую деревню, уводя закованных в цепи женщин и детей. Такого же рода веселье

любят и эзирцы. Те, кто не видел, как они дерутся между собой, не знают, что такое настоящее веселье. Их будут резать на части, а они все равно смеются.

— Вы, северяне, настоящие варвары, — сказала Малия. — Цивилизованные народы относятся к таким вещам серьезнее.

— А ты и сама, судя по внешности, имеешь отношение к северу. Ты говоришь без акцента, но волосы и кожа у тебя как у гиперборейцев.

— Моя мать происходит из знатного гиперборейского рода. Она воспитывалась в доме бритунского лорда, жившего недалеко от границы, с которым хотел породниться ее отец. Сын этого лорда и был моим отцом, но я его не помню. Его убили, когда двадцать лет назад на Бритунию напали немедийцы. А нас с матерью забрали в Бельверус, где ее взял в наложницы один немедийский генерал. Моя мать умерла пять лет тому назад, во время эпидемии чумы. Жена немедийца уже начинала ревновать его ко мне, видя, что я красива, как ревновала и к моей матери, поэтому генерал с радостью отдал меня первому же купцу, которому я понравилась. Это был брат Ульфило, его звали Марандос, он был молод и красив и хотел, чтобы я стала его женой. Три года мы были счастливы, пока не вернулись в его дом.

Такую историю нельзя назвать необычной. Даже богатым и знатным жизнь в смутные времена может преподносить неприятные сюрпризы. Младшие сыновья и женщины часто не получали почти ничего,

и им оставалось лишь гордиться своим происхождением.

— И все же он оставил тебя и отправился на юг, — сказал Конан. Он не хотел ее обидеть, но слова прозвучали довольно жестко.

— Но он ведь не бросил меня. Он думал, что так сможет поправить наши дела, он...

— Малия! — Из узкой каюты внизу показался Ульфило. — Мы попросили Конана быть нашим провожатым. Если тебе нужен наперсник, найди на эту роль кого-нибудь другого. Спрингальд, например, получает гораздо большее удовольствие от беседы, чем этот киммериец.

— Ты мой деверь, а не опекун! — набросилась на него Малия. — Я буду разговаривать с кем захочу!

— До воссоединения с твоим мужем — моим братом — я несу за тебя ответственность, — сказал Ульфило. Малия какое-то мгновение пристально на него смотрела, потом, не сказав ни слова, повернулась и ушла.

— Дела моей семьи, Конан, не должны тебя касаться, — сказал Ульфило холодно.

Конан пожал плечами:

— Ты можешь доверять мне или нет, как хочешь, но за время этого плавания может так случиться, что друзей будет не хватать, маркграф.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Мне кажется, что кое-кто из них, — Конан кивнул в сторону палубы, — пошел с нами в надежде на то, что цель твоей экспедиции — не просто найти

пропавшего брата. Они не понимают, что братская любовь или узы супружества могут толкнуть человека на столь опасное предприятие. Знатный господин оставляет свой дом, взяв с собой только учителя и женщину, и едет на край света — это выходит за пределы их понятий о разумном. Я бы даже сказал, что это выходит и за пределы моих понятий, но ты ясно мне сказал, что я должен лишь помочь в поисках брата. Остальное меня не интересует, подозрительность — не в моем характере.

Ульфилу так сильно сжал губы, что они побелели. Конану показалось, что причиной тому — не один только гнев. А замешательство человека с открытой натурой, который вынужден кривить душой.

— Ты думаешь, они могут быть опасны? — проговорил наконец Ульфилу.

— Никогда не знаешь, откуда может грозить опасность, все зависит от того, как сложатся обстоятельства. Но сейчас еще не о чем беспокоиться. Они вполне безвредны, пока не почували добычу.

— Когда мы доберемся до Берега Костей, ты узнаешь больше, — пообещал Ульфилу. — Сейчас пока я не могу тебе ничего сказать.

— Дело твое, — ответил Конан. — Но помни, что, если мы все погибнем из-за твоей чертовой скрытности, виноват в этом будешь только ты!

К тому времени, когда на свежий воздух вышел Спрингальд, настроение Конана немного улучшилось. Спрингальд был бледен, но впервые за все путешествие мог спокойно стоять на ногах.

— Вот, мой киммерийский друг, я почти уверен, что сегодня вечером, в крайнем случае завтра утром, смогу уже что-нибудь съесть.

— Я рад слышать, что ты совсем здоров, — усмехнулся Конан.

— Всю свою жизнь я изучал великие походы мореплавателей прошлого. Со мною всегда были карты и записи бортовых журналов, но в море я отправился в первый раз — лишь ступив на борт этого корабля. Известные путешественники, однако, не упоминают о том, как морские боги любят наказывать нас, несчастных сухопутных букашек.

— Со временем это проходит, — заверил его Конан. — Считай, что тебе повезло. Сейчас погода просто великолепная для плавания, и корабль почти не качает. А попади ты в бурное море, ты мучился бы не одну неделю.

— Прошу тебя, не надо об этом! — прервал его Спрингальд. — Давай поговорим о чем-нибудь другом. — Он порылся в большой сумке, которую всегда носил с собой. Из сумки торчали какие-то свитки, листы пергамента, корешки книг. Спрингальд извлек какой-то том. Антикварную редкость, судя по обложке. Когда-то книга была в прекрасном кожаном переплете, но теперь, источенная червями, истрепалась и износилась.

— Вот, — сказал он, — «Плавание капитана Бельформиса». Этот человек жил более тысячи лет назад и плавал примерно в тех же местах, куда сейчас направляемся мы.

— Книга старая, — сказал Конан, взяв ее из рук Спрингальда, — но тысячу лет ей дать трудно.

— Правильно. Оригинал был на пергаментном свитке, и копий с него, как нам известно, не существует. Искусство книгопечатания знакомо людям всего лишь семьсот-восемьсот лет, хотя я считаю, что им владели и некоторые очень древние цивилизации. Так случается — искусство гибнет, а потом воскресает вновь. Так вот, а этот список был сделан пятьсот лет назад для короля Аквилонии Хептадиоса. Посмотри, на странице слева — оригинальный текст на древнешемитском, а на другой стороне — цветистый перевод на аквилонский язык того времени. На титульном листе надпись о том, что книга износилась и ее вместе с другими нужно послать в Луксур для переплетных работ. Это было двести лет назад. Стигийцы — большие мастера во всем, что касается книжного дела. По возвращении она заняла свое место на полке в Королевской библиотеке в Тарантии, и у меня есть все основания полагать, что с тех самых пор никто до меня к ней не прикасался. А я ее обнаружил несколько лет назад. Ее плачевное состояние — результат всех этих лет, результат пренебрежительного отношения к ней и упорной работы прожорливых червей.

— Судя по имени, капитан был шемитом, — заметил Конан.

— Да, а корабль его назывался «Аштра», в честь шемитской богини. А знаешь ли ты, что когда-то Шем был величайшей морской державой?

— Странно! Ведь шемиты — народ пастухов и земледельцев. Даже асгалунские купцы, как правило, выходцы из других стран. Среди шемитов, конечно, есть моряки, ведь страна имеет водную границу, но они в основном моря не любят.

— Так было не всегда. Много веков назад на территории сегодняшнего Шема существовало государство Ашур — маленькое и бедное, но зато там, на месте Асгалуна, находилась единственная по всему побережью Шема приличная гавань. На трон взошел один воинственно настроенный король, который основал династию Ден, его звали Белсеп. Он видел, что его страна слаба, единственная ее сила — выход к морю, и тогда он решил превратить Ашур в морскую державу. Чтобы получить все необходимое, он обратился к соседям. В Шеме нет хорошей древесины, чтобы строить корабли, поэтому дерево он закупал севернее, в Аргосе и Зингаре. Чтобы привлечь корабельных плотников и других мастеров, необходимых для страны мореплавания, он установил для них щедрую плату, дешево продавал землю и освободил от налогов. Чтобы обучать шемитов морским искусствам, он нанял капитанов, навигаторов, опытных матросов, которые умели составлять карты и читать по звездам. И к концу правления Белсепы в стране уже был приличный торговый и военный флот.

— Значит, все его труды пропали даром, — сказал Конан, — потому что ни разу в жизни я не видел шемитского корабля. А шемитские моряки — обыкновенные пираты. Шемиты занимаются набе-

гами на суше, поэтому и в море они остаются верны себе.

— И все же в течение трехсот лет, пока правила династия Ден, ашурские шемиты были умелыми навигаторами, они плавали и к далеким северным берегам, гораздо дальше Ванахейма, и к южной оконечности континента, где береговая линия резко поворачивает на северо-восток. По морю они, кажется, доходили и до самой Вендии, хотя об этом не сохранилось никаких точных документов.

— Морем дошли до Вендии! — удивленно воскликнул Конан. — Такое плавание достойно героев!

— Дорога туда и обратно занимала около трех лет, из пяти кораблей возвращался обычно только один. А ведь шемиты были тогда умелыми мореплавателями. — Спрингальд вздохнул. — А потом, — продолжал мудрец, — в Шем пришел голод. Посевы не взошли, травы высохли, скотину поразил мор. Естественно, что умирали и люди. Процветала только морская держава Ашур, что вызывало злость и зависть соседей. Вскоре страну потрясло все разрушающее землетрясение. Другие шемитские народы верили, что голод наслали лесные боги, рассердившись на людей за то, что те забыли леса и пастбища и обратились к морю. Землетрясение же — высшее проявление гнева, а также призыв к другим народам Шема взяться за оружие.

Землетрясение разрушило городские стены и большую часть самого города. В Ашур ворвались толпы обезумевших от голода шемитов, которые не оставили там камня на камне. Они убивали людей и

жгли корабли, уцелевшие после землетрясения. Они также поджигали архивы, в которых хранились морские карты и корабельные журналы. Сохранилось поэтому лишь очень немного книг и карт того времени, и вот эта — одна из них. — Он взял том из рук Конана. — Бельформис жил в эпоху расцвета Ашурра, а это — рассказ о его путешествии к Берегу Костей, куда корабли заходили редко.

— Как же эта книга уцелела в пожарах? — спросил Конан.

Спрингальд пожал плечами:

— Иногда такие вещи можно объяснить лишь прихотью богов. Страшные катастрофы, разрушающие все на своем пути, какую-нибудь мелочь оставляют нетронутой. Знаменитые и бесценные сокровища гибнут, а она остается. Возможно, что свиток хранился в каком-нибудь сундуке, в подвале, и поэтому уцелел во время пожара. Возможно, он был тогда на борту корабля. Или какой-нибудь аквилонский путешественник уже купил его, и во время великих потрясений свиток находился вдали от родины. Как бы то ни было, какой-то ученый решил перевести эту хронику на аквилонский и даже переплести ее в виде книги.

— А что пишет этот древний мореплаватель о тех местах, куда мы направляемся? — спросил Конан.

— Давай посмотрим... — Спрингальд быстро листал страницы. Было видно, что он точно знает, где искать. — А, вот: «Острые белые скалы столь многочисленны и столь тесно прижаты друг к другу, что

нам потребовался целый день упорного труда, чтобы благополучно пройти между ними. И лишь к закату мы смогли бросить якорь в безопасном месте. Когда наступит день, высадимся на берег». Он говорит о том, что произошло на следующий день. Дата, которая здесь указана, для нас ничего не значит, потому что нам неизвестно ашурское летосчисление, и о времени тех событий можно судить лишь очень приблизительно.

«Едва забрезжил рассвет, мы на веслах двинулись к берегу. Небольшая партия отправилась к ручью, чтобы пополнить наши запасы пресной воды, но в воде оказалось так много водорослей, что очищать ее было бы слишком долго и трудно. Здешний берег — узкий песчаный пляж, песок белый и очень мелкий. На расстоянии двадцати шагов от линии прилива поднимаются густые джунгли».

— Да, так я и запомнил это место, — перебил его Конан. — А борана там были в древности?

— В хронике о них нет упоминания. Но там жили люди. — Он перелистал книгу. — Вот рассказ о втором дне, когда был предпринят поход в глубь страны: «В джунглях нам и раньше попадались признаки присутствия человека: на ветвях висели какие-то идолы и амулеты, вырезанные из камня и дерева, на земле — остатки кострищ и тому подобное, но до сегодняшнего дня нам не встретилось ни души. Около полудня мы наткнулись на горстку вооруженных людей».

— Зачем они пошли в глубь территории? — спросил Конан.

— В поисках местного населения и каких-нибудь ценностей. Торговцы часто так делали.

Конану показалось, что Спрингальд ответил очень уклончиво, но киммериец не стал ничего выяснять.

— Вот что пишет капитан: «Эти люди не похожи на чернокожих, что обычно населяют побережье. Они выше ростом, кожа у них светлее и более тонкие черты лица; лицо, как и все тело, сильно раскрашено. На них были набедренные повязки из прекрасной тонкой ткани незнакомого переплетения, в руках они держали широкие копья хорошейковки. На многих были украшения из чеканного золота. Два наших чернокожих проводника при виде этих людей выказали некоторое изумление и страх, воины же смотрели на них с величайшим презрением, по отношению к нам они тоже проявляли некоторую настороженную отчужденность, не лишенную враждебности». — Спрингальд поднял глаза на Конана: — Ты понимаешь, конечно, что я читаю уже в переводе. Аквилонский, на котором говорили пятьсот лет назад, немного отличается от нашего языка. Надеюсь, мой перевод достаточно точен.

— А первый перевод с шемитского? — спросил Конан. — Как ты думаешь, он точен?

Несмотря на всю сложность своего положения, Спрингальд сумел улыбнуться:

— Это, друг мой, очень уместный вопрос. Я не консультировался со специалистами по древнешемитскому, но мои собственные, пусть и несколько

фрагментарные познания в этом языке дают возможность утверждать, что перевод точен. — Он поднял голову и посмотрел на темную тучу, которая лишь недавно была маленьким облачком. Теперь она закрывала полгоризонта. Вульфред все так же ругался и рычал на матросов. Они спускали парус. При виде этого Спрингальд побледнел еще больше:

— О Митра! Неужели надвигается буря?

Конан усмехнулся:

— Да. И если хочешь уберечь свои книги от сырости, лучше запри их в сундук. На кораблях типа нашего все части корпуса скреплены не жестко, так чтобы обшивка могла играть на волне. В любую бурю он удержится на плаву, когда другие корабли развалятся на части, но в этом есть и свои минусы. Он пропускает воду как решето.

— Вот как? Да, я еще многого не знаю. — Он засунул книгу обратно в сумку. — Надеюсь, тебе эта буря придется по душе. А мне, скорее всего, нет. — С этими словами он повернулся и направился вниз.

Надвигающийся шторм Конан ожидал с удовольствием, он знал, что буря будет не очень сильной. Она пройдет единым шквалом, который продлится весь вечер и, может быть, ночь, а у него будет возможность посмотреть, как ведет себя судно в плохую погоду. Глядя, как приближаются вздувшиеся тучи и матросы спускают паруса, Конан думал о Спрингальде и его книге.

Он давно уже не был юным мальчиком, что когда-то плавал по этим морям с Бэлит. С тех пор он

успел послужить многим военачальникам и всякое узнал о людях, облеченных властью. Разбирался он и в языках. В армиях цивилизованных народов человек, претендующий на офицерский пост, должен читать и писать на языке этого народа. Совершенно ясно, что Спрингальд дал Конану в руки эту книгу, предполагая, что варвар не знает аквилонского. Спрингальд ошибался.

Да, древний язык Конану был непонятен, но все же он сумел связать воедино несколько слов, и среди них он разобрал фразу, написанную более крупным шрифтом, чем все остальные, как будто она имела особое значение. Фраза эта была: «Рога Шушту».

— Небольшое развлечение для наших сухопутных, да, Конан? — сказал Вульфред, вспрыгивая на ют прямо с палубы.

— Им будет плохо, — отозвался Конан, — но они все стерпят. Это не те купчишки, над которыми любят поиздеваться матросы. Они и виду не подадут, что мучаются, и не перестанут задирать нос. Настоящие аристократы.

— Да, я думаю, ты прав, — кивнул Вульфред. — Этот Ульфило, похоже, большая шишка. И девчонка тоже не промах. Даже этот книжник не спускает матросам ни одну грубость. — Он помолчал, а потом заговорил уже другим тоном: — Скажи, Конан, ты заметил, какую сумку таскает с собой книжник?

— Ее невозможно не заметить, — согласился Конан.

— Хоть я и не ученый, но моряк всегда узнает морские карты и бортовые журналы.

— Да, так оно и есть. Ну и что из того? Он ученый и изучает путешествия древних мореплавателей. Что же ему еще читать, как не бортовые журналы?

Вульфред засопел:

— Ученые сидят в своих пыльных кабинетах и библиотеках и изучают плаванья смельчаков по книгам. Нет, человек выходит в море, прихватив с собой целую связку карт, только если он что-то ищет, и ищет не просто какого-то брата! Говорю тебе, Конан, эти аквилонцы собираются искать клад! А для чего же еще богатым и знатным оставлять свой дом и искать приключений на море?

Теперь киммериец презрительно усмехнулся:

— Карты кладов! Да ты знаешь не хуже меня, что их продают в любой портовой таверне, чтобы выманить деньги у слишком доверчивых. Однажды в Кордаве мне предложили целых три за один вечер. Я даже кое-что купил, благо был тогда молод и не разбирался ни в картах, ни в деньгах.

— Думаешь, такими подделками можно одурачить знающего человека? — спросил Вульфред. — Как будто этот Спрингальд мог купиться на обычную дешевку!

— Нет, конечно, не мог. — Конан потрянул черной гривой. — Но это еще не значит, что твой подозрения обоснованны. А даже если они и ищут сокровища, они, конечно, понимают, что одним им по джунглям не пройти. Они будут прекрасным обедом для борана, если только раньше их не сожрут дикие звери или огромные змеи.

— Да. Так какие же на самом деле у них планы?

— Я не знаю. Знаю только, для чего они меня наняли, и я выполню свою работу честно. А когда прибудем на место, может быть, и узнаем, что они задумали на самом деле.

Но вскоре налетела буря, и пришлось хорошо поработать, чтобы удержать корабль на плаву и не сбиться с курса, поэтому на бесполезные разговоры не было ни времени, ни сил.

Стоял чудесный день, солнце яростно палило, когда вдруг волны за кормой «Морского тигра» из синих стали ярко-зелеными, а потом и грязно-коричневыми. Трое пассажиров собрались на палубе.

— Что это? — обратилась Малия к Спрингальду. Конана удивило, что она задает этот вопрос ученому, а не моряку. Но Спрингальд знал, что ей ответить.

— Под нами речной поток. Стоит лишь зачерпнуть этой мутной жидкости, и ты увидишь, что вода, скорее, пресная. Хотя пить такую воду я бы, конечно, не посоветовал. Судя по величине, это, должно быть, Стикс, или Нилус, как его называют на некоторых языках, самая большая река в мире. Она дает воду целому континенту и собирает на своем пути отходы и мусор с огромной территории. Сами стигийцы ее пьют, но для человека из других мест эта вода может стать опасной.

— Значит, мы совсем недалеко от Кеми, — сказал Ульфилло. Все трое, вполне оправившись от морской болезни, были сейчас в добром здравии. — Сколько дотуда еще, Конан? — Он повернулся к киммерийцу.

— Прибудем после полудня, — ответил тот угрюмо. На Конане были сейчас только короткие бриджи, какие обычно носят матросы. Полоска алой ткани, повязанная вокруг лба, удерживала непослушные волосы и защищала глаза от набегавших струек пота.

— Это, кажется, тебя не радует, — заметил Спрингальд.

— Нет, не радует, — подтвердил Конан. — Не люблю Стигию. Здешний народ — бессловесные рабы, а управляют ими жрецы и чернокнижники. Во всем этом есть что-то унижительное.

— Но Стигия — древнейшее из государств, — сказал Спрингальд, — ее история восходит к старинному Ахерону и таинственным легендам о сказочном Пифоне. По сравнению со стигийцами мы, гиперборейцы, — просто малые дети. Всего лишь несколько веков назад наши предки были дикими варварами. А история Стигии исчисляется тысячами!

— Это история порабощения и подавления свободы, — не сдавался Конан. — Лучше уж дикое варварство, каким бы жестоким оно ни было, чем господство колдунов.

— И тем не менее в Кеми мы должны зайти, — сказал Ульфило.

К ним на ют поднялся Вульфред.

— Вы говорили о Кеми? Должен вас предупредить, этот порт не такой, как другие. Стигийцы не любят чужеземцев, и в город им после наступления темноты выходить запрещается.

— Разве при таких ограничениях можно вести какую-нибудь торговлю? — спросила Малия.

— В гавани есть островок под названием Черепаший. Там и стоят иностранные суда. И лишь некоторым из них под неусыпным контролем разрешается выгружать свой товар в самом порту Кеми. А если чужестранца застанут в городе после захода солнца, его немедленно отправляют на смерть.

— Да, похоже, Конан прав: нрав у стигийцев недружелюбный, — заметил Ульфилло.

— Но зато они богаты, — сказал Вульфред. — Стигийские правители и знать всегда соблюдали свои интересы, и если к ним попадало что-то ценное, они его уже не выпускали из рук. На королевском погребальном наряде столько золота, сколько у других королей не было и за всю жизнь. — Вульфред, как истинный ванир, не мог без воодушевления рассказывать о большом богатстве. — Не имей их чертовы проклятья такой силы, я бы давно уже привел в Стигию несколько больших кораблей, просто чтобы разворошить эти гробницы.

— Жаль, что здесь так не любят чужестранцев, — заметил Спрингальд. — Я надеялся воспользоваться нашей остановкой в Кеми, чтобы воочию увидеть те чудеса, о которых читал в книгах. Я думал даже, что удастся получить разрешение подняться вверх по реке, до Луксура, туда, где храмы и усыпальницы своим великолепием просто поражают воображение.

— Мне кажется, чем раньше мы уйдем отсюда, тем лучше. — Малия поежилась. — Давайте побыст-

рее завершим все дела, наведем справки о моем муже и продолжим плавание.

— Это, несомненно, самое лучшее, что мы можем сделать, — согласился Конан.

— И кроме того, стигийцы просто не оставят нам другого выхода, — подтвердил Вульфред.

Охватив с обеих сторон грязные воды Стикса, в море врезались два темных скалистых мыса. На них сгрудились многочисленные приземистые постройки из черного камня, одни совсем старые и уже полуразрушенные, другие, наоборот, — полные жизни, окруженные оборонительными укреплениями, которые были снабжены специальными орудиями для потопления неудобных кораблей. «Морской тигр» спустил паруса, матросы взялись за весла.

Не успели они пройти первые форты, как им навстречу быстро двинулось красное судно с тараном в виде головы крокодила; в воду дружно погружались несколько пар черных весел.

— Они хотят нас потопить? — испуганно спросила Маля.

— Это просто таможенный корабль, — рассмеялся Вульфред, — просто очень безобразный на вид. Уж будь уверена, если когда-нибудь увидишь их настоящую военную галеру, сама схватишься за весла, чтобы только уйти поскорее.

Корабль приблизился, взрезая белую пену. «Морской тигр» сложил весла, и на его палубу перебросили трап, по которому с таможенного корабля поднялось несколько человек. В основном это были крепко

сложенные чернокожие, явно из низшего сословия, но среди них выделялся главный — высокий, темно-волосый и темноглазый, он отличался от остальных более светлым оттенком кожи.

— Предъявите ваше разрешение, — сказал он.

— Ты его уже много раз видел, — пробормотал Вульфред, протягивая ему медный диск с высеченными на нем иероглифами.

— Для меня все ваниры на одно лицо, — ответил тот. — Что ты, что любой другой рыжебородый. — Он оглядел всех присутствующих с таким высокомерием, как будто был не обыкновенным служащим, а каким-то знатным господином. Его взгляд задержался на Конане: — А ты из какой страны?

— Я киммериец, — ответил Конан. Скрестив на груди руки, он взирает на него сверху вниз.

— Никогда о таких не слышал. Какова цель вашего приезда?

— Мы направляемся к Черному Берегу за слоновой костью, пером и так далее, — ответил Вульфред. — А здесь мы хотим прикупить кое-что для торговли.

— Вы знаете, что расплачиваться можно только золотом и серебром? — спросил таможенник.

— Да, — ответил Вульфред, — я уже бывал здесь раньше.

— Но иностранцы — глупы и часто об этом забывают, — возразил таможенник, — а некоторые стигийские купцы готовы вступать с ними в незаконные сделки. Остерегайтесь таких. Наказание для

них — сурово, но ваше — еще страшнее. А эта тоже поедет к Черному Берегу? — Он посмотрел на Малию.

— Да, — ответила она.

Не обращая на нее внимания, таможенник опять заговорил с Вульфредом:

— Да она там просто умрет. Лучше продать ее прямо здесь. В наших землях такой цвет кожи — большая редкость, и за нее хорошо заплатят.

Малия вспыхнула. Ульфило схватился за эфес меча, но Конан и Вульфред опустили руки ему на плечи.

— Мы подумаем, — сказал Вульфред.

— Повернитесь, вам завяжут глаза, — приказал таможенник.

— Что? — воскликнул Ульфило в полном недоумении.

— Здесь такие законы, — сказал Вульфред. — В гавань корабль поведет лоцман-стигиец. Все дно утыкано железными брусьями и клешнями, и никто из чужих не должен знать, как между ними пройти. Каждый год эти ловушки расставляют по-новому, просто на всякий случай, а рабов потом убивают, чтобы не могли никому рассказать.

Им туго завязали глаза черными шелковыми повязками, и пришлось покориться. То же самое проделали и с матросами, которые теперь гребли вслепую. Почти целый час не было слышно ничего, кроме скрипа весел в уключинах и спокойного голоса лоцмана, который отдавал приказания. Но вот повязки сняли.

Щурясь от внезапного света, путешественники оглядывали гавань. Большая часть города располагалась на южной стороне, где над низкими портовыми строениями вздымались огромные башни. В северной же части под массивным каменным навесом — огромное, чем любой королевский дворец, — стояла на якоре добрая сотня военных галер.

Перед ними лежал Черепаший, бугорок суши не более ста шагов в длину, со всех сторон окруженный причалами, застроенный пакгаузами, тавернами, какими-то учреждениями. Лишенный каких бы то ни было украшений и величественных зданий, он, казалось, принадлежал совсем к другой стране.

— Здесь я вас покидаю, — сказал таможенник, направляясь к трапу. — Подчиняйтесь закону и добросовестно платите пошлину. — С этими словами он ушел, и все вздохнули свободнее.

— Еще никому не удавалось избежать смерти за подобное оскорбление в мой адрес, — сказал Ульфило.

— Но смерть этого человека означала бы смерть и для всех нас, — ответил Вульфред. — Боюсь, что есть люди, которых просто приходится оставлять в живых.

— Когда мы выйдем на остров? — спросил Спрингальд.

— Сейчас станем на якорь, я должен сам за этим проследить, — ответил Вульфред. — Потом поплывем на лодке к берегу.

Весь следующий час капитан был занят делами своего судна, потом он приказал спустить на воду

шлюпку. Корабль разрешалось покинуть половине команды, другая же должна была остаться на борту. Это не вызвало большого недовольства. В Кеми соблазнов гораздо меньше, чем в других местах.

Закончив работу на корабле, Конан окинул взглядом гавань. В основном здесь стигийские корабли — речные и прибрежного плавания. Есть один аргосский корабль, грязная посудина работорговца. Рядом с ним на якоре стоит зингарское судно, похоже пиратское. Во многих портах пиратские корабли — желанные гости, если только они не нападают на жителей. На борту у них обычно богатый груз, который продают дешево. Но внимание Конана привлек другой корабль. Явно стигийской постройки, но без обычных для здешних судов украшений. Это было низкое двухмачтовое судно, выкрашенное черной краской, с черными же свернутыми парусами. Конан никогда не видел таких судов у стигийцев, оно явно совсем новое. На борту никого не видно. Конан заметил, что и Вульфред пристально рассматривает этот корабль.

— Ну, что скажешь? — спросил Конан капитана.

— Первый раз вижу такое. Хотя на вид неплохой, чем-то похож на пиратский, но места для груза маловато.

— И для военного судна слишком мал, — добавил Конан. — О стигийцах разное говорят, но я никогда не слышал о пиратах-стигийцах, разве только это разорившиеся и высланные аристократы. Кто же выходит в море на таком судне?

— Хороший вопрос, — сказал Вульфред, — но, может быть, ответа лучше не знать.

На острове капитан отвел всех в лавку, где можно было купить бусы, игрушки и всякие пустяки для торговли с туземцами. Они кое-что купили. Коробки с товаром должны были доставить на корабль, и путешественники решили немного отдохнуть.

— В портовой таверне можно не только поесть и выпить, — сказал Вульфред. — Я хочу побеседовать там кое с кем о южных морях. Вот уже четыре года как я там не был, кто знает, что могло измениться за это время.

— Сколько мы здесь пробудем? — спросил Ульфило.

— Сегодня уже поздно, — ответил Вульфред, — а завтра утром я хочу запастись провизией и пресной водой. Еще нужно загрузить то, что вы сегодня купили, и мне, пожалуй, понадобится полотно на парус. Стоит нанять еще людей, потому что на юг дорога трудная. Все это займет, наверное, дня три.

— Отлично, — сказал Ульфило. — Нам надо найти какую-нибудь приличную гостиницу.

— С нормальной ванной! — горячо поддержала его Малия. — И с прачечной.

— Что ж, миледи, — усмехнулся Вульфред, — наслаждайтесь жизнью, пока есть такая возможность. Там, куда мы направляемся, ванну можно принять только во время дождя, а одежду и вовсе стирать не надо, потому что она быстрее сгниет.

— Так тем более надо побаловать себя сейчас.

Они шли по узкому переулку, зажатою с обеих сторон мелкими лавчонками. Вдруг Малия резко остановилась, затаив от страха дыхание.

— Что случилось? — в тревоге спросил Ульфило.

Она не могла раскрыть рта, просто махнула рукой. По мостовой, зловеще поблескивая, к ним ползло что-то длинное. Вот змея медленно приподняла голову размером с небольшой винный бурдюк и установилась на них немигающим взглядом своих черных глаз; из узкой щели рта то и дело выскальзывал длинный раздвоенный язык.

— О Митра! — воскликнул Ульфило. — Неужели змея?

— Огромный змей южных джунглей! — пояснил Спрингальд. — Великолепно!

Ульфило схватился за меч, но Вульфред его остановил:

— Когда-нибудь из-за тебя мы все погибнем! В Стигии многие животные священны, а змеи — все дети богов! Вот эти огромные — самые почитаемые.

— И даже если она нападет, нельзя защищаться? — спросил Ульфило.

— Не беспокойся, — вступил в разговор Конан. — Видишь вот эту шишку? — На длинном теле животного примерно в четырех футах от головы вздувался безобразный бугор. — Сегодня она уже что-то съела. Или кого-то. Сейчас она заберется к себе в берлогу и будет переваривать этот обед. На это уйдут недели. Такие твари едят редко.

— Как же она попала на остров? — спросила Малия, вновь обретая дар речи.

— Они прекрасно себя чувствуют и на суше, и в воде, — ответил Конан. — Стикс и другие крупные реки ими просто кишат.

Змея медленно ползла, а они стояли и смотрели; долго-долго свивались кольца, пока наконец у самых ног не промелькнул крошечный заостренный хвост.

— И какой же длины они могут быть? — спросила Малия сдавленным голосом.

— Стигийцы утверждают, что такие змеи растут всю жизнь, — сказал Спрингальд. — Этой, судя по длине, должно быть около ста лет.

— По берегам Зархебы попадались и длиннее, — сказал Конан. — Эта может проглотить человека, но есть и такие, что легко могут проглотить лошадь или буйвола.

Трое аквилонцев, казалось, не совсем поверили Конану, но после всего увиденного не решились вслух усомниться в его правдивости. После некоторых поисков путешественники нашли себе подходящую гостиницу, предоставив Конану и капитану искать пристанища на свое собственное усмотрение. Как раз такое заведение было обнаружено недалеко от берега. Чтобы уберечь здание от ежегодных разливов Стикса, его поддерживали высокие сваи. И вскоре перед моряками уже стояли высокие каменные кружки, наполненные пенным темным элем. Вульфред отхлебнул и облизнул губы:

— Да, стигийцы — высокомерные свиньи и злобные колдуны, но кроме них никто на всем юге не варит приличного эля.

— Да, — согласился Конан. — Они утверждают, что первыми стали выращивать злаки, и варить эль их научил кукурузный бог. Если это правда, то хоть один приличный бог у них все-таки есть.

Путешественники заказали обед. Предстояло обсудить многие важные дела.

— Как ты думаешь, — начал Вульфред, — что наши аквилонцы собираются делать здесь, в Кеми, пока мы готовимся к отплытию?

— Приходят в голову кое-какие мысли, — ответил Конан. — У них есть письмо этого братца, отправленное из Кеми, и вряд ли они упустят возможность навести здесь о нем справки. Если он и впрямь снаряжал здесь экспедицию на юг, об этом кто-нибудь да знает — что это был за корабль, какими товарами груженный, кого он с собой взял.

— Да. Наши наниматели опять молчат, как воды в рот набрали.

— Но что мешает нам самим задавать им вопросы? — заметил Конан.

— И заодно приглядывать за этой троицей.

— Шпионить? — переспросил Конан.

— А почему нет? Они для нас — чужеземцы. Нам явно не доверяют, так почему мы должны доверять им? Из-за их скрытности мы запросто можем погибнуть, поэтому имеем полное право знать, что они затевают. Но я занят на корабле. А ты мог бы последить за ними?

— Да, — сказал Конан. — Они вполне этого заслуживают. Не люблю, когда меня держат за дурака, которому нельзя ничего доверить.

— Вот и я говорю. — Они сдвинули кружки и залпом выпили.

В течение этого вечера Конан и Вульфред поговорили с другими моряками, которые заходили в таверну. Стигийцев среди них было совсем мало. В основном матросы из других стран, чьи корабли сделали здесь остановку. Черепаший был для большинства постоянным перевалочным пунктом. В ответ на вопросы о Марандосе они получали лишь бессмысленные взгляды.

— Все эти люди нездешние, — сказал Конан, — надо расспросить лавочников.

— И хозяин таверны тоже много лет здесь живет, — сказал Вульфред, — давай спросим у него.

Они пригласили хозяина за свой стол.

— Знатный аквилонец? — переспросил тот. — Был один такой на Черепашьем, около года назад, но не знаю, с какого он корабля. Он пробыл здесь пару дней, не больше, а потом я его не видел. Но никакой экспедиции он здесь не снаряжал.

— А что это за черное судно стоит здесь неподалеку? — спросил Конан.

— Здесь нет такого корабля, — ответил хозяин бесцветным голосом.

— Мы все поняли, спасибо за помощь, — сказал Вульфред. Когда хозяин отошел, он продолжал: — Как думаешь, может, в письме все вранье? Он разорился, но не хотел, чтобы семья об этом узнала?

Конан покачал головой:

— Но в письме сказано: он хочет, чтобы они последовали за ним.

— Это они так говорят. Ты это письмо читал?

— Нет, даже не видел. Но мог ли он снарядить корабль где-нибудь в другом месте?

— Где? — спросил Вульфред.

— В самом Кеми, а не на Черепашьем.

— Чтобы чужестранец снарядил корабль в Кеми? Думаешь, это возможно?

— А откуда у стигийцев черный пиратский корабль? Он в трех шагах отсюда, а люди делают вид, что ничего не видят. Это возможно?

На это ванирскому капитану возразить было нечего.

Глава 4

ЧЕРНЫЕ ПАРУСА

Стояла знойная душная ночь. Весь остров, казалось, был пропитан дыханием огромной реки. На узкой улочке друг против друга стояли два здания, соединенные на уровне второго этажа аркой, в этой арке и укрылся Конан-киммериец. Скрестив на груди руки, он стоял спиной к стене, неподвижный, как статуя. Необходимость того требовала, и Конан ждал с терпением охотника, с терпением, которому он научился среди родных кимирийских скал и в лесистых долинах Пустошей Пиктов.

Он наблюдал за гостиницей, в которой поселились трое аквилонцев. Днем следить за ними не составляло труда. Остров небольшой, и Конан легко замечал любое их движение, просто прогуливаясь по узким улочкам. А в темное время суток необходимо более пристальное наблюдение. Вчера ночью они ничего не предпринимали. Никто из них из гостиницы не выходил, но около полуночи появился какой-то стигиец в длинном черном плаще. В гостинице он пробыл меньше часа. Все это время в окне одной из

их комнат мерцал свет. Как только стигиец ушел, свет сразу же потушили. Конан прокрался за незнакомцем до самой воды, он видел, как тот сел в длинную черную лодку, в которой были четверо огромных гребцов; никто не сказал ни слова. Конан решил, что ничего больше выяснить не удастся, и вернулся к себе.

Назавтра он сделал кое-какие приготовления. Купил черный шелковый плащ с капюшоном, какие здесь носят люди всех сословий. Шелк в богатой Стигии на удивление дешев. Предполагая, что, возможно, понадобится красться тихо и незаметно, Конан снял меч и взял с собой только короткий кинжал, который обычно носил у пояса. В таком снаряжении он мог двигаться по темным улицам совершенно тихо и незаметно.

Вдруг Конан увидел, что дверь гостиницы открылась, он отступил в самую темноту. Вышло трое: кто-то высокий и крепкий, кто-то маленький и толстый, кто-то изящный и миниатюрный. На всех были точно такие же плащи, что и у самого Конана. Несколько минут они молча стояли в дверях. Конан знал почему. Ульфило с его солдатской предусмотрительностью ждал, пока глаза привыкнут к темноте. Опять Конан почувствовал к нему невольное уважение. Он не любил Ульфило, но не мог не признать, что тот настоящий воин.

Вот они двинулись, и Конан пошел следом. Он держался на расстоянии, идти совсем близко не было смысла. Остров крошечный, и видел варвар в темноте ничуть не хуже кошки. Слышал он их вообще

прекрасно. На ногах у обоих мужчин были ботинки, сам же Конан ради осторожности от этого отказался. Вообще-то он редко ходил босым по городу, но стигийцы — просто фанатики чистоты, и даже приезжих на Черепашьем заставляют скрести улицы каждый день.

Аквилонцы шли в том же направлении, что и вчерашний незнакомец. У реки их уже ждала черная лодка, в которой сидели те же гребцы. Стигийца не было.

Конан стоял совсем рядом. Когда они сели в лодку, он снял свой плащ. Тонкий шелк не составило труда свернуть и засунуть в маленький непромокаемый мешочек из кишок крокодила. Конан остался в одних коротких матросских бриджах, мешочек он шелковой тесьмой привязал на шею.

Когда они отплыли на достаточное расстояние, Конан легко взбежал на причал и осторожно, чтобы было не слышно плеска, опустил в воду. Его обнимали теплые волны Стикса; Конан поплыл, разводя в воде ноги по-лягушачьи и быстро работая руками, он знал, что так может продержаться в воде многие часы.

Мокрые волосы прилипли к голове, и теперь, если бы кто-нибудь мог увидеть Конана, его легко можно было бы принять за плывущего тюленя. В ту ночь лодка с тремя аквилонцами была на реке не единственной. На промысел вышли множество рыбаков. Для привлечения рыбы на лодках устанавливали горящие факелы, рыбу здесь ловили сетями или с помощью специальных крючков на леске, имелись

также обученные для рыбной ловли птицы, которые ныряли за добычей в воду. Мерцающие огненные пятна на темной воде являли собой зрелище одновременно жуткое и прекрасное. Киммериец хорошо понимал, что в самой реке кроме рыб есть и другие живые существа. Где-то здесь рядом — огромные речные змеи, совсем близко вдруг раздался хруст, по которому Конан понял, что это крокодил расправляется со своей жертвой.

Не обращая внимания на опасность, Конан следовал за лодкой. Неторопливые гребцы не слишком налегали на весла, поэтому плыть ему было легко. Они направлялись к южному берегу реки, туда, где в темном небе высились мрачные храмы и обелиски Кемии.

Как и ожидал Конан, плавание было недолгим. Лодка подошла к причалу, от которого по берегу поднимались несколько ступенек, ведущие в город. Лодку привязали за большое бронзовое кольцо, вделанное в стену, и трое пассажиров поднялись на берег. А там наверху Конан разглядел какую-то фигуру, очень напоминавшую того стигийца, что вчера приходил в гостиницу.

Такие причалы шли вдоль реки на расстоянии примерно пятидесяти шагов, и Конан направился к следующему. Он ловко, как зверь, выбрался из воды и вскочил на ноги. Поднявшись немного вверх по склону, он вытряхнул плащ из мешочка и одним движением руки накинул на плечи; легкий шелк мгновенно вздулся и упал, очертив прямые линии его мускулистой фигуры. Набросив на голову капюшон,

Конан поднялся по ступенькам. В таком одеянии в нем никто не узнает чужака.

Не теряя времени, он поспешил к соседнему причалу и поспел как раз вовремя — миниатюрная, ни с чем не сравнимая фигурка только что мелькнула за углом. Конан усмехнулся и свернул в переулок следом за ней.

Они долго блуждали по ночным улицам Кеми. Как и во многих больших городах Стигии, эти улицы сходились и расходились самым прихотливым образом, чего нет в более молодых государствах севера и запада. Рабов и торговцев уже не было, но улицы не выглядели безжизненными. Тут и там попадались бритоголовые послушники из разных храмов, от длительных постов и других необходимых воздержаний их худые лица были похожи на черепа. Совершенно иное зрелище являли собой пышнотелые шлюхи, которые прохаживались по улицам совсем голые, за исключением только сложных головных уборов, украшенных свечами, мерцание которых должно было освещать и подчеркивать их прелести. Жители пустыни, облаченные в полосатые черно-белые балахоны, вели своих верблюдов в сторону рынка, который откроется утром; некоторые мудрецы в лохмотьях, похожих на мешковину, продавали наркотики, запрещенные везде, кроме Стигии. Фокусники дрессировали своих зверей. Страшная, непонятная музыка доносилась из мрачных клетушек, за порогами которых раздавались внезапные взрывы смеха и крики ужаса.

Кеми — главный торговый порт Стигии, и здесь по сравнению с другими большими городами, такими

как Луксур, не столь велико засилье церковников, но это только по стигийским меркам. Конану же казалось, что каждое пятое здание здесь — храм, выстроенный в честь какого-нибудь стигийского божества, а ведь это всего лишь окраина города.

Вот те четверо остановились, и Конан тоже застыл на месте. Сопровождающий их стигиец жестом указал на дверь в черной стене трехэтажного здания. Сначала один за другим вошли трое аквилонцев, за ними последовал стигиец. Конан подобрался совсем близко и услышал, как дверь захлопнулась, потом раздался звук, в происхождении которого сомнений не оставалось — с той стороны задвинули засовы. Конан отступил на шаг и осмотрел дом. Как и у большинства зданий (за исключением храмов), у этого фасад был гладкий и ровный, дом плотно примыкал к соседним зданиям. По всему фасаду были вырезаны сцены из истории и мифологии Стигии, картины великих событий. В небольшом углублении над дверью в овальной раме красовался странный знак — длинный волнистый трезубец, концы которого соединялись полумесяцем. Может быть, это символическое изображение какого-то стигийского божества, но Конан о таком никогда не слышал.

На первом этаже окон не было, на остальных же двух — по три окна. Еще мельком осматривая здание, киммериец заметил свет в окне последнего этажа. Конан внимательно огляделся. Вот идут какие-то двое, судя по походке, пьяные. Они свернули за угол, улица опустела. Конан подбежал к дому и стал карабкаться по стене, как белка. Для того, кто вырос в

горах Киммерии, где мальчишки лазают по отвесным скалам просто ради удовольствия, да еще за птичьими яйцами, украшенная барельефами стена все равно что лестница. Стигийские боги и богини, особенно те, что со звериными головами, обеспечивали ему хорошую опору. И это, размышлял Конан, единственное благо, которое он получил за всю жизнь от стигийских божеств.

Время от времени Конан внимательным взглядом окидывал улицу. Он понимал, что, если затаиться, можно остаться незамеченным на фоне черной стены. Но движение привлечет внимание любого прохожего, если он случайно бросит взгляд вверх.

Вот он добрался до окна; Конан теперь двигался медленно, дюйм за дюймом. Из комнаты доносились голоса, Конану не терпелось узнать, о чем идет речь, но он понимал, что нетерпеливым движением можно погубить все. Он решил, что лучше не просто подтянуться к подоконнику, а вскарабкаться повыше и встать во весь рост, так, как будто стоишь за дверью, хотя вместо пола под ногами всего лишь камень в полдюйма шириной. Конан медленно наклонился к окну — стала видна вся комната и голоса слышались четче.

Но прежде чем что-либо увидеть или услышать, Конан ощутил какой-то резкий запах. Пахло дымом, но не тем, что дает дерево, или масляные факелы, или восковые свечи. Этот едкий запах не спутаешь ни с чем — так горит цветок черного лотоса, его лепестки, стебли, семена. Это очень сильное одурманивающее вещество, необходимое колдунам для их

мистических видений, когда они взывают к помощи потусторонних сил. Дым уже давно висит в воздухе, это запах, оставшийся от прошлых сеансов. Дурман так сильно чувствуется снаружи, значит, лотос жгли здесь не одно поколение и в больших количествах. Жечь черный лотос могли только верховные колдуны. Все остальные быстро сходили с ума от этого запаха. От таких мыслей у Конана по спине побежали мурашки.

Внутри, в потемневших от времени тяжелых креслах из резного дерева, сидели трое аквилонцев. За столом напротив Конан увидел стигийца, но не того, что их сюда привел. Это был настоящий великан, ростом даже выше Ульфило, с огромными плечами и широкой грудью. Его длинные темные волосы были аккуратно убраны золотой повязкой, в центре которой мерцал золотистый опал с выдавленным на нем символом трезубца-полумесяца. Его аккуратно подстриженная борода сходилась клинышком, черные глаза живо светились. Конан понял, что этот человек принадлежит к самой верхушке знати.

— Но что же он тебе сказал? — спрашивал Ульфило. В его голосе слышалась обычная суровая власть, но Конан заметил, что к своему собеседнику Ульфило относится с некоторой опаской.

— Он почти нашел то, что искал. — Из мощной груди стигийца вырывался сильный, глубокий голос. — В горах он уже видел знак, но оставшиеся в живых его люди заставили твоего брата повернуть назад.

— Как он выглядел? — в тревоге спросила Малия. — С ним все в порядке?

— Миледи, он только что вернулся из много-трудного путешествия, в котором погибли его соратники и которое для него самого чуть не стало последним. Все пережитое оставило на нем свой след. И все же он был готов вновь отправиться в путь. Никакие трудности его не останавливали. Ваш муж — человек решительный и мужественный.

— Мой брат бросает вызов любой опасности, — сказал Ульфило, — он не упускает ни одного шанса. Ты говоришь, он нашел то, что искал?

— О да, он был почти у цели. Знаки, которые встречались на его пути, не оставляли сомнений. И все же ему не хватило последнего звена в цепи, не хватило средств, чтобы снарядить еще одну экспедицию, вот поэтому он и пришел ко мне, и мы заключили сделку.

— И ваша сделка связывает также и нас? — мрачно спросил Ульфило.

— Да. — Стигиец подвинул к ним через стол тяжелый свиток пергамента. — Видите, ваш брат связал себя самыми страшными клятвами, которые переходят и на всю семью, до последних поколений!

Ульфило прочел пергамент, его лицо залилось краской.

— Немыслимо! Ни за какие блага в награду он не имел права связывать клятвами весь свой род!

— Богам неинтересны мелкие человеческие правила, — упрекнул его стигиец. — Для суда и присяжных эта бумага не является документом, по ней не

могут привлечь к ответственности. Она — свидетельство священных клятв, нарушение которых карается не штрафом или тюремным заключением, а страшными проклятиями, которые боги обрушивают на клятвопреступников.

У Ульфило уже сжимались кулаки, но тут вмешался Спрингальд:

— Добрый жрец Маата, мы здесь не для споров и угроз. Мы все знаем, какова будет награда за успешное плавание. Такое богатство буквально не поддается описанию. Если придется его разделить, что с того? Даже и часть этого богатства превзойдет все ожидания любого знатного аквилонца. Уверяю тебя, условия, оговоренные в этом документе, нас совершенно устраивают. Так давайте оставим любые подозрения и недоверие.

Стигиец едва заметно улыбнулся.

— Твой друг говорит мудрые слова, — обратился он к Ульфило. — С таким образованным ученым, с такой любящей и преданной женой, какую я вижу в лице этой женщины, с таким доблестным воином, как ты, — разве может ваш поход не иметь успеха? — Если и была в его словах ирония, то тщательно замаскированная.

— Конечно, ты прав, — сказал Спрингальд.

— Вы довольны своим кораблем и командой? — поинтересовался стигиец.

— Корабль хороший, — ответил Ульфило, — и хотя мы не сильны в этих делах, матросы, кажется, опытные и умелые моряки. Капитан-ванир очень напоминает пирата, да и вся команда, похоже,

отчаянные головорезы, но ведь, подыскивая людей в такое плавание, руководствуешься в первую очередь не мягким нравом. Они как раз то, что нам нужно. Для первого этапа мы нашли проводника-киммерийца, который хорошо знает побережье.

— Киммерийца? — встрепенулся священник.

— Да, бродяга-великан по имени Конан. Как сам говорит, наемник и пират одновременно, и к тому же бандит и преступник, я не сомневаюсь. Он не задумываясь перерезал бы нам всем горло во сне, если бы это было выгодно, но я не спускаю с него глаз.

— Я не согласен с такой оценкой, — заговорил Спрингальд: — Это суровый человек, прокладывающий себе путь в жестоком мире. Было бы странно ожидать, что сам он будет начисто лишен этой жестокости. Но я считаю, ему можно доверять, он — человек чести, по его варварским понятиям. Он будет нам хорошей поддержкой, когда мы отправимся в глубь побережья.

— Как хотите, — сказал священник. — Я могу предоставить вам своих слуг, людей, мне преданных, которые будут выполнять мою волю, а следовательно, и вашу.

Ульфילו хотел было что-то резко возразить, но Спрингальд быстро сказал:

— О, от всего сердца благодарим тебя, Сетмес, но появление твоих людей может вызвать большие подозрения у нашего капитана. Во всем, что касается корабля и команды, его власть безгранична. Боюсь, нам придется отказаться от твоего предложения.

— Поступайте как знаете. Когда вы отплываете?

— Наверное, завтра, — ответил Ульфило, — если наш капитан завершит все свои дела. Может быть, послезавтра.

— Скажи, Сетмес, — быстро заговорил Спрингальд, — то... звено, о котором ты говорил, можем ли мы его получить?

Сетмес развел руками:

— Но как? Я все передал ему, согласно нашему договору.

— Разумеется, — согласился Спрингальд, — но, может быть, у тебя сохранилась копия?

— Я вижу, при всей твоей образованности ты не знаешь некоторых вещей, касающихся церковных законов Стигии. Мы всегда — а особенно если речь идет о древности — храним и бережем оригинал и не признаем копий. Копия, какой бы точной она ни была, может передать лишь слова и символы. И все же она не равна оригиналу, потому что утрачивает его мистическую достоверность. Поэтому копии не имеют для нас никакой ценности.

— Понятно, — ответил Спрингальд. — Теперь, если ты ничего больше не хочешь нам сообщить, нам пора возвращаться.

— Мой слуга проводит вас к лодке, — сказал священник. — Без его защиты вас непременно убьют.

Ульфило презрительно засопел, как будто не мог и представить себе, что какие-то стигийцы окажутся сильнее, чем он. Но вслух ничего не сказал.

Конан не двигался. Свет в комнате потушили, через несколько минут дверь внизу отворилась и четыре закутанные в плащи фигуры вышли на улицу. Сейчас

следить за ними уже нет необходимости, он знает, куда они направляются. Теперь самое главное — выбраться из города незамеченным. Улица опять опустела, и Конан начал медленно спускаться по резной стене. Несмотря на всю его силу, пальцы на руках и ногах киммерийца ныли от усталости. Спускаться приходилось очень аккуратно, потому что пальцы от напряжения онемели. Вот почему он не успел увернуться, когда на уровне второго этажа из окна высунулись две огромные безобразные руки и сплелись у него на шее, как кольца питона.

Конан не успел ни вздохнуть, ни выругаться, как оказался внутри. Он чувствовал, что на шее у него сцепились не просто человеческие руки. Огромного, мощного киммерийца подбрасывали, как десятилетнего ребенка. С диким рычанием Конан наконец нащупал под собой землю и попытался тоже схватить противника за шею, но шеи у того не оказалось. Голова сидела прямо на покатых, покрытых щетиной плечах. Не теряя ни секунды, Конан схватил чудовище одной рукой за голову, а вторую просунул под острый подбородок. Воздух засвистел в сдавленном горле, и Конан начал закручивать уродливую голову. Он не мог бы точно сказать, кто его противник, — человек или обезьяна.

Возможно, чудовище не обладало даром речи, возможно, оно было уверено в своей победе и поэтому не поднимало тревогу. Они дрались в напряженном молчании, катались по комнате, переворачивая и разбивая все на своем пути. На полу раскололась ваза, и Конан понял, что, даже если чудовище не

проронит ни звука, к нему скоро подоспеет помощь. Он удвоил свои яростные усилия. Руки и плечи Конана напряглись так, что мышцы, казалось, вот-вот прорвут кожу; вдруг он почувствовал, что чудовище перестало сопротивляться, раздался резкий хруст. Оно несколько секунд извивалось у него в руках; человек не может умирать так долго, думал Конан. Безобразные руки отпустили горло, и Конан полной грудью вдохнул чистый долгожданный воздух. Так велико было пережитое напряжение, что какое-то время он мог только стоять на четвереньках и жадно дышать.

Внезапно дверь распахнулась, и Конана ослепил яркий свет высоко поднятого факела. Прямо перед ним, распростертое на полу, лежало ужасное тело. Это скорее человек, чем обезьяна, но его низкий лоб, огромная челюсть с выпирающими клыками, а также слишком длинные руки и короткие кривые ноги — все выдавало его родство с дикими обитателями джунглей. Все тело было покрыто короткими темно-рыжими волосами. Некоторое сходство с человеком ему придавали штаны из грубой кожи и кованые медные щитки, закрывавшие руки.

— Киммериец!

Конан заметил, что факел держит в руке священник Сетмес. Он осветил мертвое тело:

— Ты убил Тога!

— Иначе бы он задушил меня, — сказал Конан, потирая шею. За спиной жреца он разглядел еще по крайней мере две такие же обезьяноподобные тени. Потом факел оказался у самого лица Конана.

— И ты еще пожалеешь, что этого не произошло. Я ведь могу передать тебя в руки судей, а они будут несказанно рады заполучить Амру-пирату, которого, правда, уже давно считают погибшим.

— Но ты этого не сделаешь, — прорычал Конан.

— Эй, свяжите этого негодяя, — бросил тот через плечо.

Из-за спины хозяина показались две гориллы, но Конан уже пришел в себя. Силы неравны, одного такого вполне хватит на десятерых. Конан вспрыгнул на подоконник и через секунду уже был внизу. Ловко вскочив на ноги, он бросился к реке.

— Взять его! — прогремело сверху, и Конан услышал, как на землю следом за ним тяжело прыгают люди-гориллы. Конан бежал, мрачно усмехаясь на бегу, он знал, что на таких коротких кривых ногах, как у этих обезьян, не догнать стремительного и быстрого киммерийца, привыкшего к извилистым горным тропам. Он понимал также, что жители города беспомощны в ночной тьме, которая для него почти то же самое, что дневной свет.

Киммериец летел, стараясь избегать широких улиц, ныряя в переулки и темные проходы. Безошибочное чувство ориентации вело его к реке. Вот наконец и набережная. Тем немногим пешеходам, что попадались ему на пути, совсем не хотелось чинить препятствия могучему незнакомцу, который бежал что было сил. Не останавливаясь ни на секунду, Конан с разбегу бросился в реку и поплыл, рассекая воду резкими движениями. Он греб изо всех сил, черный плащ струился по волнам. Он не стал терять времени

на берегу, чтобы раздеться. Доплыв примерно до середины реки, Конан замедлил движение и обернулся к берегу, прикрывая голову складкой плаща, так, что оставалась только узкая щель для глаз. Он различил на берегу чьи-то смутные очертания. Они как будто старались что-то разглядеть на поверхности воды, но факелов не зажигали и не звали на помощь. Все это очень странно, и Конан решил, что жрецу Маата, кем бы ни был этот Маат, неинтересно привлекать к своим делам внимание властей.

Через несколько минут тени растворились в ночной темноте. Конан медленно поплыл к острову, но на берег подниматься не стал, а вместо этого направился к кораблю. Ночного часового чуть было не хватил удар, когда над планширом показалась черная фигура киммерийца.

— Конан! — чуть не задохнулся тот. — А я думал, это какое-то морское чудовище пришло по мою душу!

Скинув плащ, киммериец развесил его на рее. Ночной воздух приятно оведал тело.

— Почему ты не приплыл в лодке и не предупредил о своем приближении как полагается? — спросил часовой.

Конан не соизволил ответить.

— Я буду спать здесь, — сказал он вместо этого.

— Подрался с кем-то на острове, да? Ну что ж, устраивайся вон там, в рундуке. Если тебя кто спросит, скажу, что ничего не знаю.

Конан добрался до рундука и, приподняв тяжелую крышку люка, залез внутрь, где устроился на

свернутом парусе. Он попытался было обдумать все то, чему стал свидетелем, но усталость уже опустила на него свою тяжелую руку, и вскоре он крепко спал.

— Эй, Конан, ты здесь? — Казалось, он только что лег, но голову Вульфреда, маячившую над Конаном в квадрате люка, освещали яркие солнечные лучи, придавая его рыжей бороде и волосам сходство с нимбом.

— Да, здесь, — отозвался Конан. Его голос прозвучал тихим хрипом. В пылу драки и погони он и не заметил, как серьезно повреждено горло. Конан сел, и шея заболела так сильно, что он едва мог повернуть голову. Он наполовину высунулся из люка.

— Сколько мы еще здесь стоим? — спросил он.

— Мы почти готовы к отплытию. Я тебя ждал и уже начал терять терпение, но тут Махаба говорит, что ты ночью приплыл на корабль и спишь в рундуке. Куда же ты... О Имир! Тебя что, схватили и повесили? Шея у тебя точь-в-точь того же цвета, что и волосы!

— Я боролся с питоном, — ответил Конан. — Стигийский лоцман здесь?

— Еще не пришел. Я могу дать сигнал, что мы готовы к отплытию, и он будет здесь через несколько минут.

— Скажи-ка, а когда он покинул корабль? — спросил Конан, укрываясь в темноте люка.

— Да что все это значит? — В голосе капитана слышалось возмущение.

— Пока не могу тебе сказать, — ответил киммериец, — опусти люк.

С недовольным видом ванир повиновался, и Конан опять оказался в темноте. Он слышал, как с треском и скрипом заработала лебедка, поднимая якорь из мутной воды гавани. Потом по сухому скрежету он догадался, что к кораблю вплотную подошла лодка, в которой прибыли стигийский лоцман и его команда. Спустили весла, и корабль медленно поплыл. Конан слышал, какие приказы лоцман отдает гребцам, которые ничего не видят. Корабль медленно двигался, лавируя между подводными ловушками.

Через некоторое время весла убрали, и Конан ощутил легкий толчок — это к кораблю опять подошла лодка. Прошло несколько минут, и люк открылся снова.

— Они ушли, Конан, — сказал Вульфред. — Можешь выбираться отсюда.

Стараясь не повредить шею, киммериец осторожно поднялся на палубу. Корабль медленно плыл по волнам, а вся команда с любопытством уставилась на Конана. Не обращая на них внимания, Конан обернулся назад, желая удостовериться, что лоцманская лодка уже далеко. А она уже входила в гавань. Они оставили позади большой порт Кеми. Довольный этим, Конан огляделся вокруг, но аквилонцев нигде не было видно.

— Так ты объяснишь наконец, что все это значит? — спросил Вульфред.

— Потом, — ответил Конан. — Поднимайте-ка паруса, надо убираться отсюда.

Вульфред отдавал приказания, матросы схватились за весла. Конан и сам включился в работу, не жалея сил, так велико было его желание уйти отсюда как можно быстрее; и вскоре латинские треугольные паруса уже вились на мачтах, сначала безжизненные, потом — крепкие и упругие от наполнившего их бриза. «Морской тигр» продолжал свой путь на юг, к неизвестным берегам.

В тот же день из порта Кеми вышел длинный черный корабль. Оказавшись в открытом море, он поднял черные паруса и взял курс на юг. На вершине фок-мачты развевался золотистый флажок с изображением трезубца, заключенного между рожками полу-месяца.

Глава 5

КОРСАРЫ

«Морской тигр» был не единственным судном, бороздившим прибрежные воды у Черного Берега. Каждый день они могли различить на горизонте очертания чьих-то парусов. Однако слишком близко к ним никто не подходил. В тех водах все предпочитают сторониться друг друга. Единственным исключением стала сильная компания из пяти зингарских торговых судов, так уверенных в своих силах, что они шли совсем рядом, и матросы «Морского тигра» могли глазеть на горы бивней, сваленных на палубе, тюки роскошных перьев и вязанки экзотической древесины. Столько ценностей, что трюмы не в состоянии вместить их все. Наглядное доказательство того, как выгодна торговля в южных странах. Но это только для тех, кто силен духом и не боится испытать свою судьбу.

Другие суда хотя и не подходили так близко, но выдавали содержимое своих трюмов нестерпимой вонью, которую ветер разносил на многие мили вокруг. Это были работоторговцы, с трюмами, набитыми

сотнями несчастных, которых содержали в грязи и мерзости. Тяготы путешествия перенесет не более половины из них, а остальные, немного помытые и приведенные в порядок, принесут неслыханную прибыль на рынках рабов цивилизованного мира. Туземные царьки продают своих соседей так дешево, что огромные потери при перевозке в конечном итоге вполне приемлемы.

Они довольно быстро продвигались вдоль побережья. Конан был доволен как кораблем, так и погодой. Гораздо меньше ему нравились люди. Это сборище головорезов не стало более приветливым с начала путешествия, и Конану совсем не понравились новые люди, которых Вульфред набрал во время стоянки на Черепашьем острове. Полдюжины новичков были все как на подбор злобного вида негодяи. Одного только взгляда на них было достаточно, чтобы понять, что все они ходят под виселицей. Когда Конан спросил о новичках у Вульфреда, тот едва заметно пожал плечами:

— Мне пришлось довольствоваться тем, что есть. Нормальный матрос не пойдет в такой рискованный поход, да и вообще, на Черепашьем всегда не так уж много безработных моряков. Я убедился, что все они знают свое дело, а больше я ничего не могу от них требовать.

— Посмотрим, — угрюмо сказал Конан.

Что касается их качеств как моряков, то он сильно в этом сомневался. Их руки, в любую секунду готовые схватиться за нож, больше подходили для того, чтобы держать оружие, чем заниматься судовыми работами.

К счастью, на палубе пока почти не было работы, если не считать периодической настройки парусов на ветер, который исправно гнал их корабль на юг. Но почти с первого же дня далеко сзади начал маячить какой-то корабль. Присутствие его постоянно тревожило киммерийца, а теперь мысль о том, что кто-то следует за ними, совсем выводила его из себя. Сложив ладони рупором, Конан окликнул впередсмотрящего, который сидел на грот-мачте:

— Что там видно, по корме?

— Тот же самый корабль с черными парусами, — прокричал в ответ человек. — На самом горизонте. Я его уже третий раз сегодня вижу.

— Это еще что такое? — подошел Ульфило.

Все трое аквилонцев прохлаждались на верхней палубе.

— Я не знаю, и все это мне очень не нравится, — ответил ему Конан.

— Может быть, ничего страшного, — вмешался Вульфред. — На Черепашьем прослышали, что мы идем в дикие места, а эти ребята подумали, что мы нашли богатые места, и идут за нами, чтобы разнюхать туда дорогу.

— Все равно мне это не нравится, — не успокаивался Конан. — У нас много нехорошего впереди, и мне не хочется все время обращать внимание еще и на то, что у нас за спиной.

— А что у нас впереди? — спросил Спрингальд.

— Видишь те острова? — указал Конан на полосу, похожую на ряд клякс, едва различимых на горизонте. — Это Кровавые Острова. Каждое судно,

проходящее между островами и материком, подвергается жесточайшему налету пиратов. Местным жителям не остается ничего, кроме как молиться за проходящие корабли.

— А мы не сможем обойти их со стороны моря? — удивился Спрингальд.

— Ветер и течения там очень коварны, — пояснил Вульфред. — Для того, чтобы обойти острова с другой стороны, нам придется уйти из пределов видимости материка. А потом, стоит ветру немного поменять направление, и нас выдует далеко в море, а там уже течение подхватит нас и потащит еще дальше. А с внешней стороны островов масса опасных скал и рифов, так что, поверь мне, гораздо менее рискованно проскочить между материком и островами.

— Тогда нам надо братья за оружие, — бесстрастно сказал Ульфило.

— Но проблема, что нас кто-то преследует, все равно остается, — заметил Конан. — Я бы сказал, что нам надо дождаться темноты, тихонько прокрасться назад и взять его на абордаж, пока они не сообразили, в чем дело.

— На абордаж без предупреждения? — рассмеялся Вульфред. — Это уже пиратство!

Несколько матросов, которые околачивались вокруг и прислушивались к их разговорам, тоже негромко рассмеялись, вторя своему капитану.

— А чего нам об этом беспокоиться? — громко настаивал на своем Конан. — Навряд ли они затеют судебную тяжбу!

— Нет, — отрезал Вульфред. — Это мой корабль, и я говорю, что все свое внимание мы обратим на корсаров, которые поджидают нас впереди. А того, кто идет у нас в кильватере, мы пока оставим в покое. До более подходящего момента.

Капитан пошел в носовую часть, чтобы проследить за подготовкой корабля к бою, оставив раздраженного Конана тихо кипеть от злости. Подошел Спрингальд. Он положил руку на плечо кимморийцу:

— Это расстроило тебя, мой друг?

— И расстроило и озадачило одновременно, — ответил Конан.

— Как это?

— Во-первых, я считаю грубейшей ошибкой ввязываться с кем-то в драку, когда другой неприятель готов ударить тебя в спину. Эта тактика порочна. Во-вторых, я никогда еще не видел ванира, который отказывался бы от схватки. Почему этот человек так не хочет подраться с тем чужаком?

— Возможно, он прав. Наверное, за нами идет просто торговое судно, а Вульфред ходил здесь много раз, в конце концов. Мне кажется, мы должны на него положиться.

— У нас не такой уж большой выбор, — проворчал Конан.

— Пойдем, — тронул его за руку Спрингальд. — У меня и моих друзей есть к тебе несколько вопросов в связи с тем, что нам, похоже, придется сразиться с этими морскими волками.

Конан последовал за Спрингальдом на ют, где Ульфило уже пробовал ногтем острие своего меча.

— Если нас атакуют, — обратился Ульфило к Конану, — нужно знать, какова их тактика боя.

— Эти люди не промышляют далеко от родных островов, — ответил Конан. — Их плавсредства — это большие каноэ с множеством гребцов.

— А как они дерутся?

— В основном их оружие — копья, хотя некоторые предпочитают большие тесаки или короткие мечи. Есть у них и луки, но это не столь эффективное оружие. Их каноэ сильно качаются, и поэтому стрельба из лука весьма затруднена. Они стараются приблизиться как можно быстрее и, подойдя бортом к борту, завязать рукопашную. В ближнем бою они настоящие дьяволы. У них длинные и узкие щиты и никаких доспехов. Свои копья они метают крайне редко. В основном держат их в руках.

— Звучит не так уж и страшно, — сделал вывод Ульфило.

— Человек, который не боится за свою жизнь, всегда очень опасен, — напомнил Конан. — Я видел таких бойцов, которые вцеплялись зубами в глотку человеку, только что вспоровшему им брюхо. И будь осторожен, размахивая своим мечом. Если нас возьмут на abordаж, на палубе будет очень тесно, поэтому матросы и отдают предпочтение коротким мечам. И не пытайся действовать так, как будто ты находишься на твердой земле. В драке на корабле самое главное — равновесие, потому что палуба все

время в движении. Держи колени полусогнутыми и никогда не наноси удар, если чувствуешь, что теряешь равновесие. Ты просто не сможешь ударить в полную силу. Только совсем потеряешь равновесие. Блокируй удары, пока не поймешь, что крепко стоишь на ногах, — и только тогда бей.

Вид Ульфило показывал все негодование, с которым он выслушивал эти поучения. Спрингальд, наоборот, слушал очень внимательно. Малия, как всегда, вела себя сдержанно, но ее явно волновали эти приготовления и предстоящие события.

По мере приближения островов матросы становились все более напряженными и подавленными, однако все так же продолжали звучать их обычные хриплые песни и соленый юмор. Глаза их были непрерывно устремлены к горизонту, руки нежно поглаживали рукоятку старого испытанного меча, а большой палец руки проверял острие клинка. Первый и второй остров они миновали без происшествий. Третий остров был самым близким к континенту, и в тот момент, когда они шли по узкой полосе воды, отделяющей острова от большой земли, с мачты раздался вопль впередсмотрящего:

— Каноз! Каноз! Эти черные дьяволы несутся на нас!

— Где? — закричал Вульфред, подбежав к фальшборту.

— Справа по носу, выходят из-за той большой скалы, как раз напротив южной оконечности острова!

— Сколько? — прокричал Конан.

— Я вижу три, но, похоже, выходят еще!

Ульфило поднялся на верхнюю палубу, застегивая на себе доспехи.

— Сколько еще у нас времени? — проорал он.

— Это зависит от их гребцов, — пожал плечами Вульфред. — И от того, сколько мы сможем держать дистанцию. Если нашей скорости окажется достаточно, мы проскочим мимо них, прежде чем они успеют приблизиться к нам. Тогда им придется гнаться за нами.

— А если мы поработаем своими веслами, мы не добавим скорости? — спросил Спрингальд, тоже поднявшийся наверх.

Теперь на нем был стальной шлем с кольчужной задней частью, тело его также покрывала легкая посеребренная кольчуга. В одной руке он держал обнаженный меч, в другой — небольшой стальной круглый щит.

— Нет, — ответил Вульфред. — На таких кораблях, как наш, весла используются только для маневрирования при заходе и выходе из порта. Либо мы еще используем их в узких проходах, чтобы не напороться на камни. В любом случае меньше всего мне хочется измотать людей еще до того, как мы сойдемся врукопашную. В этом бою тоже есть свой расчет, как видишь. Чем дольше они будут гнаться за нами, тем тяжелее их людям будет вращать веслами, в то время как наши бойцы к моменту начала самого веселья будут полны сил.

— Великолепная мысль, — заключил Спрингальд.

Снизу показалась бледная, но спокойная Малия.

— А мне что делать? — спросила она без всякой дрожи в голосе.

— Оставайся внизу, — посоветовал ей Вульфред. — В своей каюте ты будешь в безопасности. Черные тебя там не достанут. Их каноэ не приспособлены для тарана. И в конце концов, им этот корабль нужен целым.

— Мы со Спрингальдом будем охранять трап вниз, — заявил Ульфило. — Если ты увидишь на трапе черного, — повернулся он к Малии, — значит, я мертв.

— Я готова, — произнесла она, похлопав по какому-то предмету, свисающему с шеи на золотой цепочке.

Конан разглядел, что это крохотный кинжал. Не собирается же она использовать его против корсаров?

— Как хочешь, — обратился Вульфред к Ульфило. — Только ты понимаешь, что если упадешь в воду, то доспехи сразу потянут тебя ко дну?

— С этого места я уйду только мертвым, — возразил Ульфило, опершись на длинную рукоятку своего меча.

— Как знаешь, — сказал капитан, с сомнением оглядывая оружие Ульфило. — Поосторожнее махай своим клинком.

— Нам уже все рассказали, — перебил его Спрингальд.

Конан, босой, одетый только в свои короткие матросские штаны, вскарабкался на мачту. Сначала он

посмотрел вперед. Теперь уже их было пять. Каноз стремительно приближались. Затем Конан повернулся и взгляделся в горизонт за кормой. Черные паруса никуда не делись, чужак держал дистанцию. Конан ругнулся и скользнул по ахтерштагу вниз, на палубу.

— Наши гости торопятся на встречу с нами, — сказал киммериец. — Уже пять каноз. Нам придется оказать им соответствующий прием.

Он поднял с палубы свой пояс с оружием и затянул его на талии. Затем он снял с пояса меч и освободил тускло мерцающий клинок от ножен. Ножны Конан пихнул в люк, ведущий на нижнюю палубу.

— До конца этой «вечеринки» ножны моему мечу не понадобятся, — заявил он аквилонцам. — Советую вам сделать то же самое. Болтающиеся ножны собьют вас с ног скорее, чем качающаяся палуба.

Спрингальд внял совету Конана. Ульфило же проигнорировал его.

По мере приближения неприятельских каноз матросы все более нервно бряцали оружием и обнажали зубы в злобных усмешках. Теперь у каждого из них в руках был короткий меч или топор и небольшой, сплетенный из прутьев и обтянутый толстой кожей щит. У некоторых на голове были стальные шлемы. Вдоль борта через равные интервалы были размещены связки дротиков и ящики с метательными камнями. Лучникам раздали луки и стрелы.

Конан выбрал себе один лук и натянул его, проверяя тетиву. Дешевое оружие — из тех, что корабли берут с собой на всякий случай. Стрелы были под стать луку, то есть не лучше. Наконечники из литого железа, обильно смазанные, оперение затянута на древке бечевкой. С клеем бы морской воздух быстро справился. Конан отобрал несколько стрел попрямее и сунул их за пояс.

— Ты не только с мечом управляешься, но еще и с луком? — спросил его Спрингальд.

— Точно. Это, конечно, не то, что я видел в Гиркании, но мне же не придется стрелять за сотню шагов со скачущей галопом лошади. И этим стрелам не придется пробивать доспехи. Так что против голых людей, с близкого расстояния — сойдет.

До них уже доносился рев дикарей. Это был низкий рокочущий звук, будоражащий кровь. Варвары приглашали на бойню. Этот рев выражал неудержимый восторг от предстоящего кровопролития, давал понять, что черные воины не удовлетворятся просто захватом пленников и продажей их в качестве рабов. Они перебьют всех, до кого доберутся.

Гребцы, стоя, вовсю надрывались, а остальные потрясали своими копьями и дружно вопили. Эти островитяне были высокими, с более светлой кожей, чем аборигены с материка. Их обнаженные тела блестели от масла, яркая раскраска бросалась в глаза. Их головные уборы состояли из разноцветных перьев, которые качались в такт дикарской песне. Длинные наконечники их копий представляли собой

куски грубо обработанного железа, что, впрочем, ничуть не уменьшало опасность этого оружия. Остро отточенные кромки этих грубых наконечников ярко сверкали на солнце, а короткие толстые древки были сделаны из прочнейшего черного дерева.

Ритмичный вой перешел в пронзительный боевой вопль. Черные знали, что добыча не ускользнет от них. С каноэ хлынул поток стрел, но пальмовые луки и тростниковые стрелы не смогли причинить много вреда. Даже легкие щиты матросов хорошо защищали их от летящих стрел. Стрелы, летящие с корабля в ответ, производили гораздо больший эффект. Пронзенные насквозь тела нападающих с криками опрокидывались в воду.

Конан натянул тетиву, пустил стрелу и увидел, как еще одно тело плюхнулось в теплую воду океана. Он работал очень быстро, особенно не утруждаясь выбором какой-то конкретной цели. Достаточно было прицелиться в плотную толпу неприятеля. На таком близком расстоянии от стрелка не требовалось никакой особенной меткости, главной задачей было уменьшить численное превосходство противника. На каждом из этих больших каноэ находилось по крайней мере сорок человек, и, если все они подойдут одновременно, черные просто завалят команду корабля своей массой. Теперь, когда расстояние между противниками сократилось до нескольких шагов, в ход пошли дротики и камни.

Нос каноэ с треском и скрежетом врезался в правый борт «Морского тигра». Через мгновение вы-

сокие чернокожие бойцы уже перевалили через планшир корабля, чтобы тут же встретиться с мечами и топорами матросов. Люди кричали, рубили и кололи, падали и истекали кровью. Теперь, когда и без того зыбкая палуба корабля оказалась залитой кровью и заваленной человеческими внутренностями, она стала ненадежной опорой.

Конан выпустил с полукота последние стрелы, схватил свой меч и прыгнул вниз, на основную палубу. Второе каноэ ударилось уже в левый борт, и киммериец подскочил к разбитому планширу, чтобы задержать атакующих. На первом была короткая накидка из леопардовой кожи. Лицо его обрамляли пурпурные перья. Черный высоко вскинул свое копье, но ударить не успел. Удар меча пришелся ему на пояс, и две отдельные половины его тела, разбрасывая внутренности, полетели обратно в каноэ. Когда остальные атакующие повалили было через планшир, меч Конана замелькал вдоль борта, отхватывая кому руку, кому голову. Практически в одиночку Конан не давал всему каноэ даже ногой ступить на палубу.

Но вот и все остальные каноэ сцепились с кораблем и выплюнули на его палубу толпу бойцов. Их было очень много, но матросы дрались яростно, прекрасно понимая, что дерутся за собственную жизнь. Звук врубающихся в тело мечей и топоров напоминал глухой барабанный бой, которому вторил рев черных воинов, еще оставшихся в каноэ и ожидающих своей очереди настигнуть какую-нибудь жертву или самим стать жертвой.

В тот день на охоту в море вышли не только представители рода человеческого. Треугольные плавники разрезали воду, устремляясь к месту битвы. Неожиданное обилие крови манило к себе всех хищных рыб. Этот зов был слышен за несколько миль. Хищники устремились на запах крови, как устремляются вороны к месту битвы.

Двое предприимчивых матросов кубарем скатились в трюм корабля и появились обратно, держа в руках массивный валун, из каких состоит балласт корабля. Их товарищи расчистили им дорогу к борту, и валун рухнул за борт, прямо в центр одного каноэ. Тяжеленный камень проломил тонкий деревянный корпус, и каноэ начало заполняться водой. Воины в каноэ завопили. Не от страха умереть в пасти акулы, а от мысли, что им придется погибнуть, не распотрошив ни единого врага. Матросы подхватили идею, и уже несколько человек скрылось внизу, чтобы вернуться с камнями.

Конан отступил от борта, чтобы отдышаться и осмотреться. Несколько матросов заняли его место. Киммериец увидел Вульфреда, который, весело распевая ванирскую боевую песню, свалил топором еще одного человека. Один на один, матросы вполне успешно могли стоять против яростных, но плохо вооруженных корсаров. Пираты были опасны в основном своим количеством.

Конан запрыгнул на полуют и обнаружил там Ульфило и Спрингальда, которые охраняли трап, ведущий в каюты. Теперь стало понятно, почему Ульфило не обратил внимания на совет относительно

ножен. Его ноги практически не двигались. Он выбрал себе место и не сходил с него все это время. Когда Ульфило махал своим огромным клинком, уворачиваясь и уклоняясь от смертоносных копий, его тело постоянно находилось в движении, но ноги прочно стояли там, куда он их поставил, однажды выбрав себе удобную позицию.

Его удары были мощны и хорошо рассчитаны. Впечатляющее зрелище. Тут же рядом был и Спрингальд. Конан сразу, как только впервые увидел Спрингальда, начал подозревать, что тот неплохо управляется со своим коротким мечом. Теперь он в этом убедился. Конан и раньше встречал ученых-воинов и знал, что занятия наукой вовсе не делают человека слабым. Спрингальд сражался не так сурово, как Ульфило, и не так яростно, как Конан, но изящно, с улыбкой на округлом умном лице. Киммериец усмехнулся. Эти двое явно нуждались в его помощи.

Каноз теперь на одно меньше, и матросы почти что вздохнули с облегчением. Не успел Конан об этом подумать, как один из матросов, пошатнувшись, упал на палубу. Из спины у него торчало копьё. А на борт уже с победными криками взбирался воин, держа в руках это окровавленное копьё. Он размахнулся уже, чтобы поразить следующего, но в эту секунду меч Конана описал сверкающую дугу и расколол напополам голову черного пирата. Клинок так глубоко застрял между ребер, что Конану пришлось его вытаскивать, упираясь ногой в мертвое тело.

Отшвырнув труп, Конан вскочил в каноэ и изо всех сил заработал мечом, крепко зажав его обеими руками. Окровавленная сталь описывала смертоносные полукружья, с каждым ударом разрывала кожу, мясо, кости. В море дождем падали ярко-красные капли. С радостными криками матросы последовали за Конаном. С боем они прокладывали себе путь по дну лодки. Чернокожие боролись до последнего, предпочитая смерть от меча, нежели от зубов разъяренных акул, которые уже взбивали морскую воду в кровавую пену.

Вернувшись на «Морской тигр», Конан и остальные успели заметить, как отступают оставшиеся каноэ, экипажи которых значительно поуменьшились. Потрясая над головой оружием, матросы подняли радостный крик. Вульфред подходил к каждому с теплыми поздравлениями, но вскоре вспомнил о своей главной задаче.

— За работу! — весело покрикивал он. — Трупы — за борт. Эй, возьмите-ка кто-нибудь ведра и смойте кровь с палубы, пока не засохло. Раненые, все на полуют, на перевязку. Оружие убрать. Не забудьте сначала почистить и смазать маслом.

Матросы бойко исполняли его приказы, не слишком, видимо, огорчаясь потерей товарищей. Через несколько минут палуба уже сияла чистотой, и корабль продолжал свой путь. Кук растопил на огне целый горшок смолы, для лечения серьезных порезов, а рядом с ним парусный мастер уже держал наготове иглу и нитку для тех случаев, где больше подходила штопка.

Конан опять взобрался на мачту и осмотрелся. Все так же на некотором расстоянии держится черный корабль. Во время стычки «Морского тигра» с корсарами он, должно быть, спустил паруса, теперь же Конан видел — они вновь наполнены ветром. Конан тихо выругался, не в состоянии понять, с какой целью ведется эта слежка. Если они хотят напасть, сейчас самое время, пока «Морской тигр» зализывает раны, утомленный недавним сражением. Но корабль и не собирался их догонять. Спустившись вниз, Конан пошел к юту, где расположились аквилонцы. Дрались они без малейшего признака беспокойства, теперь же, при виде мертвых тел, которые матросы сбрасывали за борт, слегка побледнели.

— Они что, просто швыряют своих товарищей акулам? — с негодованием сказал Ульфило. — А как же боги, как же почтение к усопшим? Они не боятся, что души мертвых будут их преследовать?

— На той родине, которую когда-то имел каждый из них, — ответил Конан, — у всех, я не сомневаюсь, есть свои обычаи, свои похоронные ритуалы, они знают, как успокоить души умерших. Теперь же единственная их отчизна — море. А море для матросов — лучшая могила. Спросите их, и большинство ответит, что акулы — это подданные морских богов, а значит, именно они принимают к себе души погибших моряков, которые найдут покой на дне океана. У моряков множество поверий, многие из них необычные, но страх перед мертвецами им неведом, потому что умереть в море — это

обычное дело, а остаться в живых — просто большая удача.

— Интересно, — сказал Спрингальд, — а ты, Конан, во что веришь?

— Киммерия не имеет выхода к морю, и у моего народа нет ни традиций, ни поверий, связанных с морем. Наш единственный бог — это Кром, Повелитель Гор. Кром мало что для нас делает, как для живых, так и для мертвых, если не считать, что он дает нам жизнь и мятежное сердце, которое ведет нас в битву. Мы просто стараемся остаться в живых. А где мы умираем, в море или на суше, — это значения не имеет.

— Мрачная философия, — сказал Спрингальд, — для очень угрюмых людей.

— Ладно, — прервал его Ульфило, утомленный этим разговором, — пойдем-ка лучше вниз, приведем в порядок себя и оружие. Ничто так быстро не съедает хорошую сталь, как кровь. И надо убрать пятна с одежды и доспехов.

— Солдат до мозга костей, да? — спросила Малия, показавшись на ступеньках трапа.

— Что такое? — вопросом ответил ей Ульфило, не почувствовав иронии.

Мужчины спустились вниз.

— Мой деверь — хороший человек, — сказала Малия, когда Ульфило и Спрингальд скрылись под палубой, — просто немного толстокожий и совершенно не воспринимает юмор. — Она окинула корабль внимательным взглядом. — И не подумает, что полчаса назад здесь была кровавая бойня. Все

выглядит так, как будто никаких корсаров и не было.

— Это заслуга Вульфреда. У него всегда корабль в отличном состоянии. А пираты слишком жаждали крови и поэтому проиграли.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Малия.

— В их обезумевших мозгах были мысли только о кровавой бойне. Если бы они были чуть-чуть умнее, то послали бы несколько человек с топорами, чтобы обрубить наш стоячий такелаж, завалить мачту и искромсать рулевое устройство. Тогда нам пришлось бы торчать здесь еще бог знает сколько часов. У них было бы достаточно времени, чтобы вернуться сюда еще раз с подкреплением и прикончить нас.

Женщину передернуло от таких предположений.

— Благодарение Митре, он не наградил их таким же разумом, как у тебя. — Она в который раз окинула Конана оценивающим взглядом. — Я слышала, как ты беседовал с моими компаньонами, перед тем как я поднялась наверх. Спрингальд уже несколько раз говорил, что киммерийцы славятся своей угрюмостью. Но ты ведь другой. Да, ты угрюм и не склонен к разговорам, но будучи в неплохом расположении духа — ты смеешься ничуть не тише, чем любой из нас.

— Я немного отличаюсь от людей моей расы, — пояснил Конан. — Киммерийцы — величайшие воины в мире, но жить среди них — это настоящая тоска, если только они не дерутся. Они презирают роскошь и удобства и ненавидят покидать пределы

своей страны или прощаться с жизнью среди чужаков. А я знаю, что с самого детства отличался от них.

— Почему это?

— С младенчества я слушал рассказы о путешествующих купцах и о тех немногих киммерийцах, что сражались в армиях чужих стран. Я страстно стремился увидеть великие города и путешествовать по дальним странам. Я могу вынести любые лишения и неукротим в драке, в этом я похож на своих родичей. Но я не выношу долгого сидения на одном месте, во мне просыпается бродяга. И еще я обожаю хорошее вино и еду, а также музыку. — Он осмотрел женщину с такой же откровенностью, с какой она только что изучала его. — Мне нравятся ласковые женщины, от которых исходит аромат духов, а не запах горелого торфа. Вот в этом я сильно отличаюсь от всех жителей моей страны.

Конан был одарен нежной улыбкой.

— Очень рада это слышать, — прозвучали ее двусмысленные слова, и она шагнула обратно вниз.

Не успела ее белокурая головка скрыться под палубой, как на полукюте объявился Вульфред. За ним вскарабкались два матроса. Опершись о кормовой поручень, эти трое принялись негромко беседовать.

— Каков же там приговор твоего мясника? — спросил Конан.

— Восемь человек кончились сразу, — ответил Вульфред. — И еще двое могут не дотянуть до следующего утра.

— Не так много, — неопределенно хмыкнул киммериец, — для той резни, что мы устроили пиратам. Однако в этих местах мы не сможем найти замену ни одному из наших.

— Точно. До самого пункта назначения мы себе не можем больше позволить подобных драк.

— Черный корабль все еще идет за нами, — заметил на это Конан.

— Знаю. Все, как я и думал. Это купец, который решил, что мы нашли где-то лакомый кусок. Его ждет немалое разочарование, когда он поймет, куда мы идем, — захихикал Вульфред.

Свое мнение Конан высказывать не спешил.

Глава 6

БЕРЕГ КОСТЕЙ

Морские волны хлестали по острым скалам, зеленая вода взбивалась в пену, и казалось, что это острые клыки какого-то морского чудовища, брызжущего слюной. У румпеля стоял Вульфред, проведсти «Морской тигр» в таком опасном месте он не мог доверить никому. В носовой части Конан и опытный лотовой занимались измерением глубины, они опускали в воду две веревки со свинцовым грузом и по узлам на этой веревке определяли глубину под килем. Когда один из них опускал веревку, другой в это время вытягивал свою, так, чтобы делать замеры как можно чаще.

— Две сажени, — пропел помощник Конана. Он говорил нараспев, получалась почти что песня. Этот человек был чернокожий с побережья, он утверждал, что хорошо знает эти места. На берегу путешественники немного пополнили свою команду, чтобы заменить тех, кто погиб в бою с корсарами, а также в предвидении новых потерь. В основном

это были люди из племени Луа, довольно мирный народ по сравнению с другими кушитами побережья, и к тому же неплохие моряки. Они часто нанимались служить на корабли, которые держат курс на юг, с тем чтобы на обратном пути их высадили на родной земле.

— Полторы сажени, — выкрикнул Конан. Матросы молча стояли у перил. Скалы вырисовывались совсем рядом, а эта опасность страшнее корсаров. Осадка у «Морского тигра» меньше сажени, но даже и небольшой острый камень на глубине трех-четырех футов может распороть его дно от носа до кормы, и судно в одно мгновение окажется под водой. И сильный пловец не сможет выбраться из водоворота, если корабль пойдет ко дну.

Внезапный толчок. Веревка луанца зацепилась за что-то под водой, он не смог удержать ее в руках. Люди стояли стиснув зубы, но толчков больше не было.

— Просто песчаный пережат, — сказал Вульфред, — был бы камень, нам пришлось бы хуже. — Голос его звучал спокойно, но на лбу выступили капли пота, и вовсе не от жаркого утра.

Конан в очередной раз вытянул веревку.

— Шесть сажений! — радостно воскликнул он.

Все вздохнули спокойнее. Они благополучно миновали каменную гряду и плыли теперь в глубоких водах лагуны. Вульфред отер пот со лба и передал румпель матросу.

— Ни за какие деньги больше не пойду здесь! — сказал он.

— И все же по крайней мере еще раз придется, — заметил Спрингальд. — А иначе как же ты отсюда выберешься?

— Пока мы будем здесь стоять, я вышлю лодку, — ответил Вульфред, — чтобы измерить глубину и проложить наиболее безопасный путь. Там, где мы сейчас шли, и шестидюймовый камушек мог бы стать погибелью.

Широкую тихую лагуну окаймлял белый песчаный пляж. А за ним стеной поднимались густые джунгли, их зелень ярко светилась на утреннем солнце. Стояла полная тишина, но Конан понимал, что это только кажется издалека. В джунглях никогда не бывает тихо, там раздаются птичье пение, жужжание насекомых, крики жертв в лапах хищников. А здесь, в лагуне, слышится только тихий шелест волн о скалы, которые уже остались позади.

Конан разглядывал берега, когда к нему присоединились аквилонцы.

— Никаких признаков жилья, — сказал Спрингальд. — Ни лодки, ни хижины, ни даже струйки дыма над лесом.

— Это обманчивое впечатление, — предостерет его Конан. — Борана здесь, они уже следят за нами. Все свои огни они погасили, как только нас заметили. Сейчас они нас взвешивают.

— Взвешивают? Зачем? — спросила Малия.

— Чтобы съесть, — усмехнулся Конан.

— Мы здесь в основном жесткие и костлявые, — заметил Спрингальд. — Самая вкусная, конечно же, Малия.

— Ты не должен говорить обо мне в таком тоне, — с негодованием воскликнула Малия.

— Да, нехорошо, — подтвердил Ульфило.

— Клянусь Имиром, — воскликнул Вульфред, — наш тон — самый дружеский.

— Как мы выберемся на берег? — спросил Спрингальд.

— Сначала выйдем лодку, нагруженную товарами, но торговцы будут вооружены до зубов, — ответил Вульфред. — Надо, чтобы они увидели, что с нами шутить опасно, но я не хочу, чтобы нас приняли за пиратов или работоторговцев.

— И ты пойдешь на этой лодке? — спросил Ульфило.

— Нет. — Ванир покачал головой. — Корабль — вот моя первейшая обязанность.

— Правильно, — подтвердил Конан. — Неизвестно, что нас ждет на берегу, а пока нет полной безопасности, капитан должен оставаться на борту. Я пойду на этой лодке.

— Я с тобой, — сказал Спрингальд. — Хочу поближе познакомиться с этими людьми и их страной.

— Как хочешь, — ответил Конан. — Но будь готов ко всему.

— Я с самой Аквилонии ко всему готов.

Корабль бросил якорь, и лодка с вооруженными матросами поплыла к берегу. Туземцы все не показывались. В носовой части на ящике с товарами сидел Конан, Спрингальд устроился рядом. У аквилонца, как всегда, была с собой сумка с книгами. Шестеро

сильных матросов сидели на веслах, седьмой правил рулем. Все они были вооружены до зубов.

— Вон река, — сказал Спрингальд, указывая туда, где в прогале между деревьями ленивый поток выбрасывал в небольшую бухточку зеленоватую пену. — На вид не очень приятная.

— Когда я здесь был в прошлый раз, она казалась еще грязнее, — заметил Конан. — Уровень воды был ниже, потому что стоял сухой сезон. А эту, наверное, и пить можно, если процедить пару раз.

— Хорошо, если так, — сказал рулевой. — У нас бочки почти пустые.

Вот киль коснулся песка, матросы выскочили из лодки и втащили ее на берег. Потом выгрузили ящики с товаром. Конан оглядел покрытый водорослями берег и выбрал подходящее место.

— Сложите все здесь, — приказал он, — сюда вода не поднимается.

Матросы исполнили его приказание. Когда все было готово, ящики открыли и стали выкладывать содержимое на расстеленные одеяла. Чего здесь только не было: разноцветные бусы, мотки медной и латунной проволоки, железные болванки, ножи, топоры, соколиные колокольчики, зеркальца, краска, рулоны яркой материи.

— Что дальше? — спросил Спрингальд, когда все было готово.

— Дальше будем ждать, — ответил Конан.

— Очень бы хотелось предпринять небольшую экспедицию, — сказал ученый, с жадностью вглядываясь в густоту джунглей.

— Сначала необходимо определить, в каких мы отношениях с дикарями.

Люди явно нервничали, не выпускали из рук оружия, как будто все время ожидали какой-нибудь опасности. Конан стоял скрестив на груди руки; спокойный как статуя. Ждать пришлось недолго. Внезапно по деревьям пронеслось какое-то движение. Матросы от удивления присвистнули.

— О Митра! — воскликнул Спрингальд, когда неизвестно откуда возникла добрая сотня воинов. — Здесь же никого не было!

— Они все время были здесь, — ответил Конан. — Я заметил некоторых, как только мы пристали к берегу. Они, как и пикты, мастера прятаться, умело используют тень и могут стоять абсолютно неподвижно. Для того, кто не привык к джунглям, они просто невидимы.

Там, где раньше только зеленели джунгли, стояли воины, вооруженные копьями и длинными щитами. Эти не похожи на корсаров-островитян — они крепкие, мускулистые, среднего роста, кожа у них очень темная, головы выбриты. Тела раскрашены зеленой и коричневой краской, так, что среди деревьев их совсем не видно. Не опуская щитов, они медленно приближались, глаза светились настороженно и подозрительно.

— Мы погибли! — пробормотал кто-то сдавленным голосом.

— Тихо, — оборвал его Конан. — Им просто интересно, а в своей силе они уверены. Работоторговцев, похоже, не было давно, иначе они бы встретили нас

по-другому — боевыми криками и копьями. Приказываю не доставать оружия, этим можно все испортить.

Воины остановились в десяти шагах, несколько человек подошли ближе. Они выглядели старше остальных, на них было больше украшений, у многих — шрамы, видимо, это вожди или старейшины. Не обращая внимания на белых, они подошли к одеялам и стали рассматривать разложенные товары, тихо переговариваясь. Конан в это время разглядывал остальных. Вид у них свирепый, но никаких признаков агрессии. Он знал, что непосредственно перед нападением они впадают в боевое неистовство с закатыванием глаз, скрежетанием зубов и тому подобным. И страха на их лицах незаметно. А это значит, что в джунглях еще много воинов, перед ним же — всего лишь небольшая разведгруппа. Для Конана это все к лучшему. Если нет страха и открытой враждебности, торговля пойдет успешно, и можно будет перейти к следующему этапу экспедиции.

— Кто говорит на торговле? — спросил Конан на плохом кушитском, этот язык по всему Черному Берегу использовался для торговых сделок.

— Я, — ответил туземец с кругами белой краски под глазами. — Я Ашко, вождь борана Зеленая река. Вы пришли торговать, не воровать или забирать рабов?

— Ты видишь, это все на продажу, — ответил Конан. — На корабле у нас есть еще. Если вы хотите торговать и клянетесь вести себя мирно, мы приведем еще.

— Что вы хотите взамен? — спросил вождь.

— Вы знаете, что ценится на севере, — сказал Конан, — слоновая кость, перья, золото, если у вас есть, хорошие шкуры, камни и тому подобное.

— А рабы? — поинтересовался Ашко. — У нас много пленников на продажу.

— В другой раз, — ответил Конан.

— Хорошо. — Ашко улыбнулся, показывая заостренные зубы. — Обещаю, мы будем торговать в мире, если от вас не будет насилия или оскорбления. — Он протянул руку, и они с Конаном пожали друг другу предплечья. — Мы расскажем про вас в деревне.

Воины немного расслабились и теперь рассматривали товары.

— Кажется, все идет хорошо, — сказал Спрингальд. На лбу у него выступили бусинки пота.

— Да, пока хорошо, — подтвердил Конан. — Ты понял, о чем шла речь?

— В основном, — ответил ученый. Для путешествия по Берегу Костей трое аквилонцев обучались кушитскому у новых матросов.

— Но будь начеку, — предостерег его Конан, — все может перемениться в одно мгновение. Они иногда прибегают к подобным уловкам. Клятва постороннему в этих землях ничего не значит. Она обладает силой только внутри племени.

— Понятно. Значит, все еще не так хорошо?

— Пока трудно сказать. Нужно время, чтобы присмотреться.

— Что мы должны делать? — спросил Спрингальд.

— Еще подождать.

Стали подходить жители деревни. Среди них были старики, женщины с грудными младенцами, маленькие дети, они то и дело пытались ухватить что-нибудь яркое и блестящее.

— Это уже о чем-то говорит, — заметил Конан. — Сюда пустили женщин и детей, значит, схватки можно не опасаться.

Он приказал матросам привезти с корабля еще товаров. Вскоре на берегу собралась целая толпа, начались приготовления к большому празднику. Под охраной воинов привели закованных в цепи пленников, они должны были выкопать в песке яму для костра. Вскоре из этой ямы уже вырывались языки пламени, а туземцы-повара разделявали мясо для жарки. Появились кувшины с вином и пивом, горы фруктов и лепешки.

Через некоторое время на берег приплыли Вульфред, Малия и Ульфилло. Увидев, как из-за деревьев появляются люди, пошатываясь под тяжестью своего груза, ванир просиял. Одни несли на плечах огромные звериные бивни, другие — какие-то узлы на голове. Вульфред подошел к Конану:

— Я вижу, ты неплохо поработал. Этот поход, кажется, принесет пользу, даже если мы не найдем блудного брата.

— Нас вовсе не интересует выгода, — сказала Малия. — Мы должны найти моего мужа.

Туземцы смотрели на аквилонку раскрыв рты, они никогда не видели такой белой кожи и светлых волос. Женщины стремились дотронуться до нее ру-

кой, они думали, что это белая краска. Малия терпела подобное обращение с аристократическим стоицизмом.

— А меня выгода как раз очень интересует, — заверил ее Вульфред.

— Надо их спросить о Рогах Шушту, — сказал Спрингальд.

— Нет. — Вульфред покачал головой. — Сначала придется усыпить их бдительность. Мы должны делать только то, чего от нас ждут, — торговать. Об экспедиции закинем удочки попозже, нам все равно понадобятся носильщики. А сейчас нужно выяснить, где здесь еще пресная вода, а то к вечеру всех свалит лихорадка.

— Я уже спрашивал, — сказал Конан. — Надо подняться немного вверх по реке, там в нее впадает ручей, который течет с гор. Вода в нем чистая и свежая.

— Отлично, — сказал капитан. — Итак, сегодня мы пируем с новыми друзьями. Завтра утром пошлем лодку за водой. А днем, когда все уже придут в себя, займемся поисками носильщиков.

Ванир отправился вести переговоры с деревенским старейшиной, следовало обсудить доставку товаров и вручение даров знатным людям.

— Надо спросить, не знают ли они чего-нибудь о моем брате, — сказал Ульфило.

— Потом, когда начнется пир. — Конан был осторожен. — Пусть они сначала выпьют и развеселятся. Но я и сейчас могу тебе сказать: здесь нет никаких следов его корабля. Твой брат, возможно, попал

в беду, когда вышел из Кеми. Он мог вообще не попасть на Берег Костей.

— Он добрался сюда вполне благополучно, — уверил его Ульфило. — Даю тебе в этом честное слово.

— Ты слишком много скрываешь! — воскликнул Конан с горячностью. — Если бы ты рассказал мне все, что знаешь, я мог бы лучше сделать то, для чего ты меня нанял.

— Потерпи еще немного, — сказала Малия. — Мой деверь не слишком-то приветлив, но уверяю тебя, у нас есть причины быть осторожными.

— Вам виднее, — ответил Конан. — Но из-за своей скрытности вы подвергаете опасности жизни всех на корабле. А проблем хватает и без того.

— Ты думаешь, и здесь нам угрожает опасность? — спросила Малия.

— На Черном Берегу вообще нет безопасных мест, — уверил ее Конан. — С этим народом никогда не знаешь, чего ждать. Драка или даже простое оскорбление могут окончиться настоящей бойней. Сейчас, возможно, мы в относительной безопасности, насколько вообще это возможно в здешних местах, но уверяю тебя, это еще ничего не значит.

Солнце село, торговля затихла, и все, за исключением рабов, приступили к еде. Все это время аквилонцы и матросы бродили вокруг ямы с костром, якобы для того, чтобы проверить, как готовят еду, на самом же деле, чтобы удостовериться, что потчевать их будут не человеческим мясом. К своему облегчению, они увидели только туши свиней, коз, птицу,

диких животных; от огня поднимался дразнящий аромат.

— Может, они и не каннибалы, — сказал Спрингальд. — Может, это все пустая болтовня.

— Может быть, они съедают только убитых в бою врагов, — заметил Конан. — И таким образом приобретают их мужество.

— Такие разговоры не способствуют аппетиту, — сказала Малия. Они сидели под деревом, а рядом с ними на земле были разложены большие листья. На листьях подавались дымящиеся куски мяса и другая еда, женщины-рабыни махали над листьями руками, чтобы отогнать насекомых. Остудить же еду в этом душном, влажном воздухе было почти невозможно.

К ним подошел капитан. В руке он держал наполненную пивом бутылку из тыквы; Вульфред подцепил свободной рукой кусок жареной птицы и с наслаждением принялся есть, запивая мясо большими глотками пива.

— Клянусь Имиром, если бы не мое благородство, я бы вернулся домой настоящим богачом! — заявил он.

— Каким же образом? — поинтересовался Спрингальд.

— Один вождь предлагает мне за Малию целую сотню рабов. Очень уж им нравится, какая она беленькая. Экзотика в здешних местах.

— Ты постоянно пытаешься меня уязвить, — холодно заметила Малия. — Мне это безразлично.

— Вы, аквилонцы, совсем шуток не понимаете, — проворчал Вульфред.

Вечер шел своим чередом. Вожди и воины были в хорошем расположении духа, потому что недавние стычки с соседними племенами завершились в их пользу и потому также, что уже давно здесь не было пиратов и работорговцев. Купцы тоже долго не показывались на их не очень-то гостеприимном берегу, а у них уже скопились товары на продажу, да и не хватало многих необходимых вещей, которых они сами сделать не могли. За металл, ткани и бусы туземцы платили хорошую цену и только жалели, что белые не хотят купить рабов, поскольку содержать своих пленников им становилось в тягость. Вульфред радостно их заверил, что по возвращении непременно прийдет на Берег Костей каких-нибудь опытных работорговцев.

Желудки наполнялись, вино лилось рекой, и Конан решил, что настало время поговорить о главном; он повернулся к Ашко, который с восторгом рассматривал серебряные бусы и короткий плащ из алого шелка — подарки своих новых друзей.

— Скажи, Ашко, — начал Конан, — не видел ли ты в этих краях одного белого, чем-то похожего на Ульфило? Он приплывал на ваш берег года два назад. Мы знаем, что один раз он точно здесь был, может быть, он приплывал еще? Он наш друг, и мы его ищем.

— А, этот сумасшедший? — переспросил Ашко. — У него еще желтые волосы на лице и на голове? Был тут один такой, он ничего не продавал, но и в драку не лез, говорил, что должен куда-то идти, в глубь страны, вроде он там что-то искал.

В первый раз привез с собой целую сотню, и черные, и белые, все хорошо вооружены. А вернулось их только трое, да и те страшные, как смерть. Потом он уплыл, сказал, что еще вернется и привезет богатые подарки.

Гостеприимство борана не могло обмануть Конана. Они — дикари, а возможно, и каннибалы. Марандос, брат Ульфило и муж Малии, поступил очень разумно, если взял с собой сильную команду. А на обратном пути они его отпустили только потому, что он пообещал подарки.

— И что же, он вернулся? — продолжал свои расспросы Конан.

— Да, с подарками, как и обещал. Привез с собой уже две сотни людей, да еще бумбана, и они ушли в джунгли. С тех пор мы их больше не видели.

— Что такое бумбана? — спросил Конан, но его перебил Спрингальд:

— Так когда ты видел их в последний раз, друг мой Ашко?

— Прошло уже шесть лун, а может, десять или двенадцать, — ответил вождь, пожимая плечами.

— У них нет четкого чувства времени, — сказал Конан. — Здесь ведь нет времен года, просто засухливые периоды и дожди, и иногда одно от другого отличить трудно.

— Да, очень жаль, — сказал Ульфило. — Но теперь мы по крайней мере знаем, что мой брат благополучно добрался сюда и во второй раз и отправился в глубь страны.

— Конан, — заговорила Малия, — спроси у вождя, почему он говорит, что Марандос сумасшедший?

Малия еще не очень хорошо владела местным торговым наречием, да и вождю может не понравиться, если к нему обратится женщина.

— На восток отправляются одни сумасшедшие, — ответил Ашко. — Туда никто не ходит, только шаманы, если они хотят набраться колдовской силы. За восточными горами обитают демоны и страшные духи, они пьют человеческую кровь. Из первого похода он принес назад только свою жизнь, да и то с большим трудом. А сейчас его и вообще не видно. — Вождь выразительно пожал плечами. — Конечно, он сумасшедший.

Пирушка кончилась, и путешественники вернулись в лагерь, который разбили на берегу. Выставили дозор, ведь место это беспокойное, как бы ни казалось на первый взгляд. Вульфред заранее выбрал людей, которым запретил прикасаться к спиртному, и сейчас они несли караул. Им это не очень-то пришлось по нраву, но перечить капитану никто и не подумал, к тому же они понимали, что возьмут свое завтра, когда все остальные будут работать. Так ваниру удавалось обеспечить бдительность и покой в своем отряде.

Прежде чем пойти спать, Конан опять отыскал Ашко, тот был вполне трезв.

— Ты все еще не спишь и крепко стоишь на ногах? — спросил вождь, обнажая в улыбке острые зубы. — Разве мы плохо тебя накормили и напоили? Или тебе нужна женщина?

— Нет, мой друг, все в порядке, я очень доволен вашим гостеприимством. Никогда еще так чудесно не отдыхал. Но я хочу тебя кое о чем спросить.

— О чем? — Вождь подошел к костру и хлопнул в ладоши. Тотчас же появилась женщина с парой кружек и деревянной бутылкой пальмового вина. Конан взял одну кружку и отхлебнул, чтобы не показаться невежливым.

— В твоём рассказе было одно слово, которого я никогда раньше не слышал. Ты сказал, что, когда сумасшедший приехал во второй раз, он привез с собой бумбана. Что это такое?

Ашко очень удивился:

— Разве у вас на севере нет бумбана? Нет, должны быть, ведь он привез с собой целый десяток.

— Может быть, я их знаю под другим названием, — сказал Конан. — Что это слово обозначает?

— Ну это люди-звери, люди-обезьяны, те, что живут в горах далеко на востоке.

— Понятно. А на каком корабле он приплыл?

— Корабли северян для меня все одинаковые. Первый был как твой, а второй очень похож на первый, только совсем черный, даже и весла, и тряпка для ветра.

— И еще, — сказал Конан. Он присел на корточки и веткой нарисовал на песке значок. — Ты раньше это где-нибудь видел? — Широкий полумесяц рождками наверх, которые соединяет волнистый трезубец.

Ашко утвердительно заворчал:

— Такая золотая картинка висела на самом верху большого шеста на том черном корабле.

Глава 7

НА ВОСТОК

Бурная торговля продолжалась еще два дня. Аквилонцев тяжело было удержать на месте, но Конан и Вульфред считали, что торопиться не стоит. Подходили жители дальних деревень, и, свернув так быстро торговлю, можно было вызвать их недовольство и гнев. Вечером на третий день путешественники собрали вождей. После обмена любезностями и вручения подарков заговорили о деле.

— Мы отправляемся по ту сторону восточных гор, — объявил Конан, — и дадим хорошую цену за лодки, они нам нужны, чтобы подняться вверх по реке, и заплатим носильщикам, которые понесут все наше имущество. Нам нужно по меньшей мере пятьдесят молодых сильных мужчин. Когда наши запасы еды иссякнут, носильщики небольшими группами смогут вернуться домой.

Ашко покачал головой:

— Мы, борана, — воины и не можем переносить чужие вещи, но у некоторых из этих вождей найдутся люди, которые подходят для такой работы.

— Почему бы вам не купить рабов? — спросил один из вождей, который привел с собой на цепи целую связку пленников и был очень разочарован, когда узнал, что человеческий товар купцов не интересует. — Они будут делать все, что прикажете, а потом вы можете их съесть.

Аквилонцы побледили, но тут в разговор вступил Вульфред:

— Ты знаешь не хуже меня, мой друг, что рабов обязательно надо стеречь. А охранять их постоянно мы не можем; если же заковать их в цепи, наше продвижение будет недопустимо медленным. Нет, нам нужны свободные люди, которые пойдут с нами по доброй воле.

После длительного обсуждения один из вождей согласился дать своих людей.

— Но вы должны понимать, — сказал он, — что они пойдут с вами только до подножия гор. Подниматься запрещено, потому что в горах живут духи. Вы должны подумать, кто понесет ваши вещи дальше.

— Надо принимать эти условия, потому что больше все равно ничего не добиться, — шепотом заговорил Конан. — Это боевой народец, но уж если они гор боятся, их никакая взятка не соблазнит. Будем надеяться, что жители предгорья не так сильно опасаются местных демонов.

— Что ж, если нет другого выхода... — тоже шепотом ответил Ульфило.

Ударили по рукам; было решено выйти на следующее утро. Туземцы из дальних деревень приплыли

в больших каноэ, выдолбленных из стволов деревьев, нагруженных слоновой костью и другими товарами на продажу. В этих лодках хватило места для путешественников и всей их поклажи. А носильщиков решено было нанять дальше, вверх по реке.

— По-моему, — начал Вульфред, когда все переговоры закончились, — мне следует пойти с вами, и матросов тоже надо взять. Вдруг вы не найдете в горах носильщиков, и это погубит всю экспедицию.

— А как же корабль? — спросил Ульфило.

— На «Морском тигре» останутся несколько человек. Да и Ашко согласился следить, чтобы все было нормально. В конце концов, он, да и другие вожди заинтересованы в моем благополучном возвращении, ведь я обещал прислать к ним работарговцев.

— А ты думаешь, твоим ребятам понравится эта идея — поход в джунгли в компании людоедов, да еще когда и не говорят, зачем туда идти? — подозрительно спросил Конан.

— Они меня боятся, — ответил Вульфред. — И сделают что прикажу.

На следующее утро трое аквилонцев, киммериец и два десятка хмурых, недовольных матросов сели в большие лодки.

В одной лодке с Конаном — она возглавляла колонну — плыли трое аквилонцев; киммерийца терзали подозрения. Еще когда они пристали к Берегу Костей, их черный попутчик исчез за горизонтом и с тех пор не показывался. Но Конан не сомневался, что это зловещее судно они еще увидят.

— Но здесь такой запах! — Садясь в лодку, Малия скорчила смешную гримаску. Из соображений практичности она сменила свой великолепный наряд на мешковатые матросские штаны, концы которых были заправлены в высокие, до колена, ботинки, и тунику с длинными рукавами, перехваченную широким поясом. От жгучего тропического солнца ее белую кожу защищала также большая соломенная шляпа с вуалью, спадающей до самых плеч, и шелковые перчатки. Ей не хотелось в паллящий зной надевать на себя так много, но Конан убедил ее, что в болотистых джунглях полным-полно ядовитых змей и жалящих насекомых, которые опаснее не только жары, но и диких хищников, и даже людей.

— Сюда, на побережье, — успокаивал ее Спрингальд, — река приносит всю грязь, собранную за сотни лиг. А вверх по течению вода будет чище. Правильно я говорю, Конан?

— Да, — согласился киммериец. — Но до самых гор чистой воды будет немного. Пить можно только свою, да, может быть, попадется где-нибудь чистый ключ. Но маловероятно. А запах... — он пожал своими огромными плечами, — к запаху привыкаешь. Есть вещи и похуже.

— Вот одна такая, — сказала Малия, безразлично смахивая с перчатки какую-то многоножку. Это очень развлекло гребцов-чужеземцев, которые на такие вещи не привыкли обращать внимания, ведь насекомое, хотя и противное на вид, совершенно безвредно.

— Мы еще покажем тебе ядовитых, — сказал Умгако, гребец, который сидел в носовой части лодки и задавал темп остальным. — А от этой только вонь, если раздавить.

— Великолепно! — пробормотала Малия. — Они не только жалят и кусают, но еще и пахнут отвратительно!

— Отчаливаем! — скомандовал Конан.

Погрузка закончилась, пора идти. Конан не очень полагался на матросов. В море они, конечно, отважны, как львы, но здесь они не в своей стихии и в непривычных обстоятельствах легко могут поддаваться панике. Пока корабль еще недалеко, они, вполне возможно, могут взбунтоваться и вернуться назад. На носу следовавшей за ними лодки стоял Уму, он одарил Конана жуткой, зловещей усмешкой. Конан понимал, что между ними скоро состоится выяснение отношений.

Первый день пути тянулся утомительно долго. В мутной от ила медленной реке оказалось бесчисленное множество крокодилов. А в тихих заводях грелись на солнце бегемоты. При виде этих смешных тяжеловесов Малия от восторга захлопала в ладоши, а ученый стал просить гребцов подойти к ним поближе, чтобы получше рассмотреть. Но туземцы в испуге отказались.

— Они правы, — сказал Конан. — С этими созданиями лучше не шутить. Они могут веселиться, как щенята, но на самом деле нрав у них капризный, и, если мы их потревожим, они легко перевернут лодку. Любуйтесь на них издалека. Мы еще много зверья увидим.

Вечером они стали лагерем на низком берегу и зажгли костры, чтобы разогнать тучи мошкар. Вокруг стеной поднимались джунгли, ночью доносились дикие крики хищников и их жертв.

— И как только здесь живут люди! — сказала Малия, осторожно приподнимая вуаль, чтобы отхлебнуть разведенного водой вина.

— Мало кто живет здесь по своей воле, — заметил Спрингальд. — Только те, кто слабее; их вытесняют в джунгли и в пустыню более сильные племена, чтобы захватить хорошие пастбища и пахотные земли.

— Да, — согласился Конан, — держу пари, что там, вверх по реке, обитает множество хорошо вооруженных и воинственно настроенных пастухов и земледельцев. — Но тут киммерийца отвлекли низкие голоса, доносившиеся от соседнего костра, вокруг которого сидели матросы. Слов Конан разобрать не мог, но по их взглядам и жестам он понял, что обсуждают знатных господ, которые сидят рядом с ним. Он различил рокочущий голос Уму, который то и дело бросал в его сторону презрительные взгляды; встретившись с ним глазами, Конан одарил верзилу злобной усмешкой.

На берегу молчаливая враждебность Уму уступила место открытой дерзости, но он всегда умел вовремя остановиться, не давая Конану возможности выяснить отношения до конца. Товарищи Уму, похоже, согласны с тем, что он сейчас говорит. Конан видел, как матросы усмеваются, проверяя большим пальцем острие ножа или поглаживая древко копья, купленного у туземцев, в усмешке

обнажаются кривые зубы. Это плохой знак, однако Конан не совсем понимал, что же движет этими людьми. Ведь закон джунглей непререкаем — небольшая группа должна держаться вместе.

Каковы бы ни были их мотивы, дальше терпеть нельзя. Лучше немного сократить отряд, чем иметь в подчинении людей, к которым страшно повернуться спиной. Жесткий урок хороших манер — вот, пожалуй, то, что нужно.

Они продвигались вверх по реке. Джунгли здесь подступали к самому берегу, к воде склонялись ветви деревьев, на которых в великом множестве обитали ядовитые змеи, и приходилось следить, чтобы какая-нибудь не упала прямо в лодку. Иногда на берегу попадалось несколько круглых земляных лагун, крытых соломой. Их обитатели собирались у реки, чтобы поглазеть на путешественников. Маленькие дети бегали по берегу в полном восторге при виде столь небывалого зрелища. Эти непонятные белые создания казались им привидениями, но где это видно, чтобы привидение являлось днем?

К вечеру Конан и его команда приплыли в одну большую деревню, расположенную вблизи великолепного водопада. Множество водных струй, стекавших с огромного утеса, свивались в один пенящийся поток, который разлетался бесчисленными брызгами, ударяясь об острые черные скалы. В этих брызгах не потухала радуга.

— Как красиво! — воскликнула Малия.

— Да уж, — криво усмехаясь, согласился Вульфред. — Прекрасный вид, но взбираться по этому

откосу никому не пожелаешь. Займет столько же времени, сколько мы шли по реке.

Жители деревни приняли путешественников с большой радостью, и еще больше обрадовались, когда увидели, что на лодках приплыли их воины и вождь племени. В водных брызгах царствовала освежающая прохлада; разгрузив лодки, все их содержимое перенесли в большую хижину, которую вождь определил для этой цели, он же распорядился отвести путешественникам место для ночлега. Он отдавал приказы, а люди суетились и сновали туда-сюда, делая приготовления к торжественному пиру.

— Опять эти пиршества и разговоры! — ворчал Ульфило. — Когда же мы наконец займемся делом?

— Но нам нужны носильщики, — сказал Конан. — И самые лучшие. У нас есть только один день, чтобы найти добровольцев и набрать из них подходящих. Не сомневайся, этим мы только выиграем время. Больные или хромые, они в пути помешают нам больше, чем недолгая остановка здесь.

— Я доверяю тебе, — сказал Ульфило все так же недовольно.

Конан заметил, что Спрингальд, как зачарованный, не сводит глаз с водопада.

— Что видишь ты в воде, друг? — спросил киммериец.

— Это он! Водопад Великана! Смотри, в «Плавании капитана Бельформиса» так и сказано: белые тонкие струи, которые потом сливаются вместе и, разбиваясь о скалы, разлетаются в дымку мелких брызг. И радуга не гаснет, как и написано в книге!

— Вот как? — сказал Конан. — А что еще твой древний капитан пишет об этом месте?

— Здесь и раньше была деревня, но люди жили другие. Они были выше, с более светлой кожей, как те, кого он видел на побережье, а жили они, он пишет, не в земляных лачугах, а в длинных бревенчатых домах.

— И что же, это значит, что мы почти у цели? — поинтересовался Конан.

— Пройти предстоит еще немало, но мы на правильном пути, в этом я уверен.

В тот вечер они набирали носильщиков, нужны были только самые сильные и выносливые. В деревне таких оказалось около тридцати, послали гонцов по соседним селениям, чтобы рассказать о том, что белые за очень хорошую плату нанимают носильщиков.

Когда с этим было покончено, вожди экспедиции вновь собрались у праздничного костра, предстояло о многом поговорить со старейшинами, расспросить их о той земле, что лежит за утесом водопада. Туземцы, однако, мало что могли им сказать, потому что на такие походы они не отваживались. В горы ходил только шаман, но он наотрез отказался говорить о том, что там видел, потому что место это проклятое и, чтобы туда идти, надо знать особые защитные заклинания.

Разговор был в самом разгаре, когда вдруг из-за деревьев появился какой-то незнакомец. Это был очень высокий человек, он явно принадлежал к какому-то другому племени. Его широкое красное одеяние спадало до самых колен, в руке он держал

топорик на длинной ручке. Крашенные охрой волосы были собраны в большой пучок, напоминавший те, что иногда украшают шлемы. Кожа незнакомца отличалась темной медью, двигался он медленно, с достоинством.

— Это еще кто? — спросил Конан, хватая незнакомца за руку.

— Это Гома, бродяга, у него нет племени. — В голосе вождя слышалось презрение. В тех местах человек без племени мало чего стоит. — Он здесь уже несколько лет, может быть, десять.

— Человек без племени живет здесь уже много лет? — переспросил Конан. — Как же он не погиб?

— От работы он отказывается, он может только воевать, и нанимается то к одному вождю, то к другому. Воевать он умеет, надо отдать ему должное.

Незнакомец посмотрел на собравшихся сверху вниз:

— Меня зовут Гома. Я слышал, вы, белые, собираетесь в горы. Я намерен пойти с вами.

Он говорил на торговом кушитском, но акцент выдавал в нем выходца из других мест.

— Нам нужны носильщики, — сказал Ульфило. — Сними одежду — мы посмотрим, достаточно ли ты сильный.

Незнакомец рассмеялся:

— Я ни перед кем не сниму одежды и не понесу ваш груз, как какой-нибудь раб или как эти презренные.

— В таком случае ты свободен, — ответил Ульфило. — Нам нужны только носильщики.

— Не спеши! — поднял руку Спрингальд. — Чем ты можешь быть нам полезным, Гома? Ты видишь, у нас много доблестных воинов и все хорошо вооружены.

— Вам нужен проводник. Из этих псов мало кто поднимался на вершину утеса. В горах был только старый колдун, а по ту сторону вообще никто не ходил.

— А ты был там? — спросил Ульфило.

— Был. В своих странствиях я заходил очень далеко. Я поднимался в горы, пересекал пустыню, что лежит за ними, и был в тех землях, что за пустыней.

— Он лжет! — прошипел шаман, потрясая посохом, на котором сухим треском застучали кости. Он так бурно жестикулировал, что на его впалой груди задрожало ожерелье из кистей человеческих рук. — Никто из людей не в силах вернуться оттуда живым!

— Но я вернулся! — Гома одарил его надменной улыбкой.

— Скажи, Гома, — обратился к нему Спрингальд, — известно ли тебе место под названием Рога Шушту?

— Да, известно. Это две вершины: одна — белая, другая — черная. Между ними — ущелье, которое ведет в долину.

— Он знает! — изумленно проговорил Спрингальд. — Он говорит правду, ту, о которой написано в древних книгах!

— Не говори больше ничего, Гома, — сказал Ульфило. — Ты будешь нашим проводником. Что ты хочешь в награду за свою службу?

Тем же самым взглядом, полным презрительного высокомерия, воин оглядел товары. Его прямые, аристократические черты придавали лицу выражение еще большей надменности. Он мог бы казаться красивым, если бы не множество мелких шрамов, нанесенных для украшения. Такими же шрамами испещрены и руки, и грудь. В порезы явно втирали сажу, и теперь на фоне бронзовой кожи четко выделялись толстые бугорки, похожие на блестящие черные бусины.

— Ничего, — ответил Гома спустя некоторое время. — Я пойду с вами просто ради своего удовольствия. — С этими словами он повернулся и пошел по направлению к лесу.

— Ну и ну! Очень странный, — заметила Малия.

— А как он тебе, Конан? — спросил Спрингальд.

— Похоже, он знает те места, куда мы направляемся, — ответил киммериец. — И я бы не стал отказываться от его услуг.

На следующий день путешественники заканчивали последние приготовления. Утром они отправились в путь, а таинственный Гома больше не показывался.

В мутном свете раннего утра они вышли из деревни, их сопровождали причитания и плач женщин, которые не знали, увидят ли они когда-нибудь своих мужчин. У подножия утеса, примерно в четверти мили от водопада, в гору поднималась узкая кривая тропинка.

Подъем оказался тяжелым, на это ушел целый день. По узкой петляющей тропе ходили очень мало,

поэтому местами она совсем заросла, а кое-где ее размыло дождями. Но для Конана, который вырос среди суровых скал, она была все равно что вымощенная дорога. Остальным приходилось тяжелее. Особенно страдали матросы. Они не привыкли много ходить пешком, и этот подъем стал для них суровым испытанием.

Киммерийца же устраивала любая дорога, если только она уводила из болотистых джунглей. Вынести можно все, только не эти отвратительные, зловонные топи. Какие бы места ни ожидали их впереди, хуже они не будут. Конан легко взбирался вверх по тропе, время от времени останавливаясь, чтобы откатить с дороги валун или расчистить путь сквозь заросли кустарника. На самой вершине перед ним открылась бескрайняя зеленая долина, окаймленная на горизонте серебристой нитью, — это море.

Деревья здесь другие, чем внизу. Они растут дальше друг от друга и гораздо меньше перевиты ползучими лианами. Низкорослые кусты уже не столь непроходимы, как внизу, а воздух — свежее и чище. Конан рассматривал открывшийся перед ним вид, когда из тени деревьев показалась знакомая фигура — Гома.

— А ты посильнее, чем твои друзья, черноволосый, — сказал проводник.

— Я горец, мне привычны такие подъемы, — ответил Конан. — Остальные скоро подойдут.

Гома стоял, опираясь на длинную ручку своего топора, в этой позе он напоминал городского денди, который вышел на прогулку с украшенной золотым

набалдашником тростью. Конан с любопытством рассматривал его оружие. Это не какой-нибудь тяжеловесный топор, какие любят на западе, он не большой, очень легкий, с полукруглым краем и с острым выступом-пикой длиной четыре дюйма с другой стороны. На конце тонкой ручки длиною в три фута, сделанной, по-видимому, из кости носорога, красовался шар размером с апельсин. Ручка топора прикреплялась к запястью кожаным ремешком. Такое оружие, думал Конан, может лететь с поразительной скоростью, а поскольку доспехи и тяжелые шлемы здесь встречаются редко, оно представляет собой достаточно грозную силу.

Один за другим подходили остальные. Первым появился Ульфило, он очень устал, но из гордости не подавал виду. Следом за ним поднялись Малия со Спрингальдом, оба едва дышали. Подошел Вульфред с матросами. Носильщики и кое-кто из моряков еще тянулись сзади.

— Наш новый друг снова здесь, — заметил Ульфило.

— А Конан похож на придворного, который только что вернулся после утренней прогулки в дворцовом парке, — упрямо сказала Малия. Конан перевел ее слова для Гома, которого они чрезвычайно развеселили.

— Больше пока подъемов не будет, — уверил он остальных, — но опасностей прибавится.

— Даже и для тебя, Гома? — спросил Вульфред.

— В пустыне, которая ждет впереди, даже такой человек, как я, должен бороться изо всех сил.

Вульфред долгим взглядом посмотрел на аквилонцев:

— Он и вчера говорил о какой-то пустыне. А вы об этом даже и не упоминали.

— Они вообще мало что рассказывают, — подтвердил Конан. — По-моему, настало время нам побольше узнать о том, куда и зачем мы направляемся. Ну, давайте, — в его голосе слышалось нетерпение, — цивилизация осталась далеко позади. Уж теперь-то вас никто не подслушает и не выследит! — Он обвел рукой первобытный лес, который стеной стоял вокруг, и бескрайний зеленый простор впереди.

Ульфило, казалось, немного встревожился.

— На отдых даю час, чтобы все могли восстановить силы. Потом выступаем, — распорядился он.

Носильщики опустили на землю свою поклажу, матросы в изнеможении бросились на траву. Кое-кто из них все еще не подошел.

— Конан, Вульфред, — обратился к ним Ульфило, — пойдемте со мной.

Все пятеро отошли в сторону. Гома остался стоять как стоял, рассматривая что-то вдаль на востоке, явно погруженный в размышления о том, чего остальные даже не видели. Трое аквилонцев, Конан и Вульфред устроились на тихой поляне. Спрингальд снял с плеча сумку. Достав оттуда какие-то книги и бумаги, он начал свой рассказ:

— Всю жизнь я изучал великие путешествия прошлых лет. И вот однажды, работая в старинной, полной загадок библиотеке аквилонских королей в

Тарантии, я наткнулся на несколько книг, в которых рассказывалось о походах мореплавателей из давно погибшего королевства Ашур. В одной из них я наткнулся на удивительные сведения: оказалось, что некий капитан Бельформис в прозаической попытке разведать новый торговый путь в глубь Черного Берега обнаружил там многочисленные следы древней цивилизации, которая исчезла многие тысячи лет назад. Это была империя Ахерон. В горах к востоку отсюда капитан Бельформис находил некоторые вещи, характерные именно для Ахерона и его богов.

— Ахерон! — произнес Вульфред. — Имя из легенды. Но ведь эта страна находилась гораздо севернее, если только сказания не лгут.

— Не лгут, — ответил Спрингальд. — Я думаю, что знаю об этом древнем государстве не меньше, чем любой другой ученый муж, а все сказания сходятся в одном: ахеронцы — ближайшие родственники стигийцев, они тоже были сказочно богаты и погибли от мечей гиперборейцев, наших предков, которые потом основали государства Аквилонию, Гиперборею, Немедию, Бритунию, Коф, Аргос, Пограничные Королевства и Коринфию. И когда многие века спустя гиборейцы захватили баснословную столицу Ахерона, сказочный Пифон, ахеронцы бросились бежать, — они искали спасения у своих родителей в Стигии, за южным берегом Стикса. Земли своих предков им отвоевать было не суждено, и они смешались с народом Стигии.

Падение Ахерона обросло множеством легенд, в которых по-разному рассказывается о последних

днях Пифона. Среди них множество обыкновенных сказок, есть и сухие официальные отчеты. Эти последние все сходятся в одном: никто не знает, что стало с богатством пифонских королей.

— Королевские сокровища так просто не исчезают, — заметил Вульфред. — Разве правитель не забрал их с собой, когда бежал в Стигию?

— Я прочел все документы, какие только мог найти, — сказал Спрингальд. — Думаю, я ничего не упустил. Последним пифонским королем был Агмас Двадцать Седьмой. Понимая, что долгая война близится к концу и скоро ему придется бежать, он отдал соответствующие распоряжения, касающиеся судьбы сокровищ. Он слишком хорошо знал, что коронованные родственники в Стигии, охотно предоставив ему убежище, очень скоро обогатят свою казну и его сокровищами.

— Умный человек, — заметил Вульфред, кивая головой. — Если речь идет о богатстве, доверять нельзя никому.

— Точно, — согласился Спрингальд. — Незадолго до падения Пифона из города под покровом ночи вышла целая флотилия кораблей, они держали курс на юг. И с тех самых пор о них ничего не известно. Многие историки считают, что на этих кораблях и было вывезено все богатство Пифона.

— А почему же этот король Агмас не потребовал свои сокровища назад, когда спасся из города? — спросил Конан.

— В том-то и дело, что он не спасся, — продолжал Спрингальд. — Когда пришел конец, он не

торопился оставлять город. Отослав семью, он сам взял в руки оружие. Люди сражались за каждую улицу пурпурно-каменного Пифона, и город был полностью разрушен. И во время последней битвы уже в самом дворце, несмотря ни на какие уговоры, Агмас отказался покинуть своих верных воинов. Отбросив королевские регалии, чтобы враги не пытались захватить его в плен, он погиб как простой солдат, защищая Рубиновые Ворота дворца.

— Вот как должен умирать король, — провозгласил Конан. Ульфило согласно кивнул.

— Несколько поколений его потомков, которые жили в Стигии, еще претендовали на ахеронский престол. Но потом, когда стало ясно, что гиборейцы прочно обосновались в северных землях, стигийцы перестали оказывать поддержку этим уцелевшим, и мало-помалу о них и вовсе позабыли. Что случилось с последним, неизвестно.

— И никто из них не знал, где Агмас спрятал сокровища? — спросил Вульфред.

— Видимо, так. Те корабли, вероятно, исполнили все строгие королевские распоряжения, и ни один человек из экипажа назад не вернулся. Если Агмас и рассказал о сокровищах кому-нибудь из приближенных, то этот человек, видимо, унес тайну с собой в могилу.

Глотнув из бурдюка, который протянул ему Вульфред, Спрингальд продолжал свой рассказ:

— Меня очень заинтересовала история капитана Бельформиса. Путешественник явно не понял, что именно он обнаружил, его находки казались ему

просто любопытными безделушками. Эти старинные книги были очень пыльные, и, чтобы прочистить от этой пыли горло, я прямо из Королевской библиотеки отправился в ближайшую таверну.

— А книги захватил с собой? — поинтересовался Конан.

— Видите ли, меня к тому времени уже хорошо знали в библиотеке, и служители мою сумку на выходе не проверяли, да и, в конце концов, к этим книгам по крайней мере лет двести никто не притрагивался, поэтому глупо было бы...

— Не беспокойся, книжник, — рассмеялся Вульфред. — Мы тебя в воровстве не обвиняем. Давай дальше.

— Вот, а в таверне мне повстречался молодой капитан, наемник, с ним только что рассчитались за последний поход. Молодой красавец был так мрачен, а меня так взволновало мое открытие, что, сидя с ним за одним столом и попивая вино, я не удержался и все ему рассказал. Этого капитана, как я узнал, звали Марандос, он был самый младший потомок одной древней знатной аквилонской фамилии. Видов на будущее — никаких, да и служба наемника казалась ему, как и многим другим благородным воинам, занятием недостойным. И кроме всего, у него была... — Спрингальд в некотором замешательстве взглянул на Малию, — несколько сумасбродная молодая жена.

— Это неправда! — с жаром воскликнула Малия. — Это он хотел, чтобы я наряжалась в шелка, он сам дарил мне драгоценности, о которых я и не просила!

— Как бы там ни было, — усмехнулся Вульфред, — нашего юного солдата эта идея заинтересовала, да, Спрингальд?

— Ты прав. Мы беседовали, вино лилось рекой, и он все больше и больше загорался желанием самому посмотреть на те места, которые так подробно описывает капитан Бельформис. Признаюсь вам, что я сам о поисках сокровищ тогда еще не думал. Ведь я — всего лишь ученый, но он был профессиональным авантюристом. И его вовсе не пугала мысль о том, что за этими богатствами предстоит отправиться в далекое путешествие, полное невзгод и лишений, ведь все это было ему уже знакомо, а в награду за труды он получал самую обычную солдатскую плату. И что такое страх невзгод, да и самой смерти, когда можно заполучить сокровища древнего царства?

— Это понятно, — заметил Конан, — но он снарядил целый корабль и набрал команду. Уж наверное, не на деньги, полученные за труд наемника.

— Конечно, нет, — сказал Ульфило, — он обратился ко мне впервые за все те годы, что ушел из дома. Мой брат Марандос — очень гордый человек, он придет ко мне за помощью только в том случае, если предприятие сулит выгоду нам обоим. Сначала я был настроен скептически, но когда Спрингальд объяснил все подробно и показал свои находки, я решил, что ради такого дела можно и рискнуть.

— Это еще не все, — опять вступила в разговор Малия. — Рассказывайте все до конца!

Ульфило подчинился, хотя и с явной неохотой.

— Да, речь шла не только о том, чтобы помочь брату. Для нашей семьи настали тогда тяжелые времена. Король Аквилонии Нумедидес к нам не благоволил, наши земли за десяток лет стали уже не столь плодородными. Богатых урожаев не было, войны тоже большой добычи не приносили. И мы решили, что таким образом сможем поправить семейные дела.

— Я пыталась убедить их, что это бессмысленно, — заметила Малия, — но ни мой муж, ни его брат не обращали на мои слова никакого внимания. Этот сумасшедший план стал просто навязчивой идеей, они говорили только о кораблях и матросах, о маршрутах и морских картах.

— Вы что-то слишком быстро доверились этому книжнику, которого видели первый раз в жизни, — сказал Вульфред.

— Спрингальд с самого начала предоставил нам залог своей честности, — ответила Малия.

— Какой же это был залог? — спросил Конан. — У книжников обычно нет ни земель, ни особняков, ни даже скота.

— Я заложил единственное, хотя и не очень ценное имущество, которое с полным правом мог назвать своим, — сказал Спрингальд. — Я им пообещал, что если Марандос не найдет того, о чем говорится в переведенной мною книге, то Ульфило получит мою голову.

Последовала пауза.

— Ты поставил свою голову? — переспросил Конан, не скрывая искреннего изумления.

— Должен признаться, такой залог показался мне несколько необычным, — сказал Ульфило, — но в этом случае, по крайней мере, не приходится сомневаться в искренности всех его клятв.

— Похоже, вы все слегка с приветом! — Вульфред от всей души рассмеялся. — Но полет у вас высокий! — Он веселился вовсю. Ванир вообще воспрянул духом, как только произнесли слово «сокровища».

— Расскажите еще о письме, которое Марандос послал вам из Кеми, — сказал Конан.

Его слова, казалось, слегка смутили аквилонцев.

— В свое первое плавание, — начал Ульфило, — мой брат не нашел сокровищ. Но он видел то место, где они спрятаны, только в последний момент обстоятельства заставили его повернуть назад. Вернувшись в Кеми, он искал возможности снова отправиться в путь. Через какое-то время он познакомился с одним знатным стигийцем по имени Сетмес, который и согласился снарядить для него корабль и набрать команду.

— Не припомню, чтобы стигийцы в вопросах денег проявляли особую любезность, — сказал Вульфред. — Твой брат ведь, наверное, добрался до Кеми настоящим оборванцем. Как же ему удалось уговорить этого Сетмеса?

— Во-первых, — сказал Ульфило, — аквилонца знатного рода другой благородный человек всегда узнает, будь он хоть в лохмотьях.

Конан при этих словах едва сдержал улыбку. В наемных армиях разных стран он вдоволь

насмотрелся на эту разорившуюся знать, которую в основном отличало только высокомерие и надменность.

— Но кроме того, — продолжал Ульфило, — при помощи некоторых сведений мой брат сумел доказать, что на самом деле подошел совсем близко к сокровищам; он принес этому человеку тайные клятвы и получил все необходимое для второго путешествия. Как раз тогда он и послал письмо, в котором звал нас немедленно следовать за ним, снарядив свой корабль и набрав надежную и сильную команду, поскольку тяготы и опасности такого путешествия непредсказуемы, а награда в случае успеха — несметные богатства.

— И какие же клятвы он принес этому Сетмесу? — поинтересовался Вульфред.

— Это к делу не относится. Это касается только Сетмеса и моей семьи. Будьте уверены, что свою долю вы получите сполна. А Сетмес остался в Стигии и не имеет к нашим делам никакого отношения.

По этому поводу у Конана возникли сильные сомнения. Аквилонцы все еще о многом умалчивают. Чего-нибудь от них добиться — это все равно что продираться сквозь многочисленные двери, препоны и ловушки, заграждающие путь к королевской казне. Но Конан твердо решил разузнать все до конца, и в самом недалеком будущем.

— Мне кажется, мы уже неплохо здесь отдохнули, — сказал Ульфило. — Думаю, если у вас нет вопросов, можно идти дальше. До наступления темноты мы еще успеем пройти пару лиг.

— Нет, вопросов нет, — отозвался Вульфред. — Теперь я знаю, что мы ищем сокровища, и в них есть и моя доля!

Радостные восклицания ванира не могли ввести Конана в заблуждение. У него тоже возникли серьезные подозрения, это ясно, но пока он решил оставить все как есть.

Гома встретил их усмешкой:

— Ну что, белые люди, готовы ли вы увидеть мир таким, каким его создал Нгай?

— Готовы, — ответил Конан. В нем заговорило желание увидеть новые земли, что бы ни ожидало впереди. — Покажи нам дикие края. Жду не дожусь, когда над головой зашумят другие деревья.

Носильщики взвалили на плечи свой груз, и под предводительством Гомы отряд двинулся в бездорожную глушь неизведанных земель.

Глава 8

РАВНИНА

Лес тянулся на много лиг, то густой и почти непроходимый, то открытый и солнечный; но путешественники поднимались все выше по склону, и лес постепенно редел. На пути им встречалось огромное количество лесных жителей, но в основном это были небольшие древесные животные. Поначалу каждый новый экземпляр бесконечного разнообразия птичек, обезьян и диких кошек Малия встречала восторженными восклицаниями, но вскоре само это разнообразие стало утомительным.

Множество мелких оленей и лесной птицы давали путникам свежее мясо. Есть обезьян северяне отказывались, зато для туземцев такая еда была настоящим деликатесом. Конан шел впереди, не забывая про свой лук и рогатку, и свою добычу он развешивал на ветвях деревьев, чтобы ее подобрали те, кто шел следом.

Несмотря на всю непредсказуемость такой жизни, Конану она нравилась. Он уже слишком долго скитался по большим городам. Условности цивили-

зации всегда его раздражали, а сейчас все складывалось по-другому. Конан первым ступал на неизведанную землю, и в нем просыпалось нечто первобытное и необузданное. Каждый день Гома вкратце рассказывал ему, какой путь им предстоит пройти сегодня, какие ждут препятствия и трудности, и Конан уходил вперед.

Настоящая лесная душа, он легко шел и без дороги, преодолевая ежедневно огромные расстояния, часто отклоняясь в сторону от маршрута, разведывая, что таит лес, всегда начеку, готовый к встрече с любой опасностью, особенно к встрече с людьми, которые и были в этих лесах самой враждебной силой. Но на пути ему попадались лишь остатки охотничьих костров. Иногда это были целые очаги, выложенные из больших камней. Конан решил, что такие кострища оставлял после себя Марандос.

Насекомых здесь уже не такое множество, как в болотистых джунглях, поэтому на третий день Конан, чтобы двигаться совсем неслышно, отказался от рубашки и штанов. И вот так, облаченный только в набедренную повязку и сандалии, привязав у пояса меч и кинжал, перекинув через плечо лук и колчан со стрелами и взяв в руки туземное копье, он каждое утро неслышно, как дух, исчезал в гуще леса.

При виде того, как грозный Конан, суровый воин, превращается в лесное существо, более дикое и первобытное, чем сами туземцы, его товарищи приходили в некоторое замешательство. Чернокожие

привыкли к племенной жизни, вдали от своего клана они страдали и чахли, а в лес отваживались выходить только группами. Конан же, казалось, наслаждался одиночеством своей новой жизни. Из всего отряда эти метаморфозы улыбкой встречал только Гома, потому что ему известны были о киммерийце некоторые вещи, которых не знали другие.

Но Конан их недоумения не замечал, а если бы и заметил, то не обратил бы внимания. Ему казалось, что впервые за много лет он живет настоящей жизнью. Лес требует от человека предельного внимания и настороженности, и все чувства Конана были напряжены до предела. Информацию об окружающем мире он впитывает всем своим существом, на это не способен никто из его товарищей, потому что их чувства притуплены цивилизованной жизнью. Любой едва ощутимый запах, любой звук, любое незаметное движение, даже колебания воздуха, которые он чувствовал кожей, — все это сообщало ему о жизни вокруг, о том, что впереди, и о возможной опасности.

Дети цивилизации научились отгораживаться от всех этих звуков, запахов и ощущений, чтобы они не отвлекали от главной сиюминутной цели. И поэтому люди стали на три четверти слепы и глухи. Конан, хотя и старался подавить в себе такую тонкость ощущений, когда жил в цивилизованных землях, но никогда не терял ее окончательно. Выслеживая лесную лань, он одновременно успевал заметить и полет птицы над головой, и запах травы, примятой пробежавшим зверем, и змеиное посвистывание в

десяти шагах, ни на секунду не упуская при этом из виду свою добычу.

На девятый день вечером, возвращаясь в лагерь, Конан почуял пряный запах жареного мяса. Увидев неизвестно откуда возникшего киммерийца, часовой, как обычно, подпрыгнул от испуга.

— Клянусь Сетом, Конан, — с упреком сказал матрос, который нес в это время службу, — неужели ты не можешь, подходя к лагерю, что-нибудь крикнуть? Носильщики говорят, что ты на самом деле лесной дух в облике человека, и я уже начинаю им верить.

— Если тебе нужно предупреждение, значит, ты не справляешься со своими обязанностями, — ответил Конан.

Трое аквилонцев сидели у костра, внимательно рассматривая карту Спрингальда. При появлении Конана они подняли головы. Из мешочка, который висел у него на поясе, Конан вынул какой-то предмет и бросил его Ульфило. Тот стал внимательно разглядывать находку, которая оказалась маленькой медной пряжкой со сломанным язычком.

— Зингарская работа, — сказал аквилонец.

— Да, — подтвердил Конан. — Видимо, сломалась, и ее выбросили. Я нашел ее недалеко от кострища. Может быть, это твоего брата?

— Таковую мог купить и туземец, — заметил Спрингальд.

— Нет, — покачал головой Конан, — ни один туземец не выбросит хороший кусок металла. Он бы сохранил его, чтобы сделать потом что-нибудь нужное. Металл здесь ценится.

— Значит, мы на правильном пути, — сказала Малия. При мерцающем свете костра она незаметно рассматривала киммерийца. Он теперь совсем не похож на того грубого пирата, с которым они познакомились в Асгалуне. Это полудикое существо сродни тем рыжеватым пятнистым кошкам, которые в таком множестве рыщут по лесу. Под упругой кожей скользят и перекачиваются огромные мышцы, этим он немного напоминает танцора, а бесшумная грация и ловкость делают его похожим на большого сильного хищника. И даже во взгляде его светящихся голубых глаз сквозит какая-то львиная свирепость.

— Сколько еще идти? — спросил Спрингальд. — Эти карты несколько туманны, а в описаниях говорится в основном о том, что происходило в пути, и никаких подробностей путешествия нет. Вот, например: «На этой неделе мы заходили во многие деревни, где по очень выгодной цене покупали слоновую кость». Но сколько лиг они прошли — две или сотню, — непонятно, и в каких деревнях побывали — в четырех или в двадцати.

— Гома говорит, что завтра мы выйдем из леса, — сказал Конан. — Потом тянется обширная саванна, а за ней — пустыня. Впереди еще долгий путь, а такой большой отряд, как наш, идет медленно, со скоростью самого слабого носильщика.

— Будем надеяться, что осталось не очень много, — сказала Малия. — Матросы уже начинают роптать. Они говорят, что нанимались не для длительных переходов.

— Вот как? — переспросил Конан. — Это они все так говорят или только один, которого зовут Уму?

— Он, несомненно, — главный вдохновитель, — сказал Спрингальд. — Не понимаю, как Вульфред все это терпит.

— Я тоже об этом думал, — ответил Конан. — В таких местах нельзя иметь рядом ненадежных людей, и если Вульфред не наведет порядка, этим займусь я сам.

Конан воткнул копье в землю; сняв лук и колчан со стрелами, он положил их рядом.

— И что ты собираешься делать? — в тревоге спросила Малия.

— Скажу им пару слов, — ответил Конан. Он не спеша направился к другому костру, у которого, тихо переговариваясь между собой, сидели матросы. Уму бросил в его сторону что-то презрительное, хотя слов разобрать было нельзя, но на лицах его приспешников Конан различил усмешки. Вульфред наблюдал за всем происходящим с холодным любопытством.

— Приветствую вас, братья, — обратился к матросам Конан. — Вы всем довольны? — Он не смотрел на Уму. Остальные избегали взгляда киммерийца и молчали.

— Смотрите! — взвизгнул Уму. — Этот голый дикарь соблаговолил нас заметить! Клянусь Иштар, этот киммерийский горный козел совсем одичал, еще хуже, чем черномазые туземцы!

— Ты плохо следишь за порядком, Вульфред, — заметил Конан.

— Слово капитана — закон в море, а не на суше. — Уму стоял, злобно ухмыляясь. — Такая уж у моряков традиция. А тебя-то уж нам чего бояться, киммериец! Ты же варвар без роду и племени. Да и не моряк, потому что какой моряк может, как зверь, жить в лесу? — Он оглянулся на остальных, желая найти поддержку, но люди стояли молча. Конан понимал, что все это значит: они долгое время работали и сражались плечом к плечу, но сейчас, когда речь идет о первенстве, они останутся в стороне и будут ждать, кто победит, если только кто-нибудь не откажется сам бросить вызов сильнейшему.

— А ты, гнусная обезьяна, — не остался в долгу Конан, — что ты там замышляешь за моей спиной, зачем подбиваешь моих товарищей на предательство?

Безобразное лицо Уму залилось краской.

— Я бросаю тебе вызов, киммериец!

— Давно пора, — ответил Конан. — Такая свинья, как ты, сколько бы ни пыталась, все равно не заговорит по-человечески.

Издав какое-то нечленораздельное рычание, Уму выхватил свой длинный тяжелый нож, на лезвии которого зловеще заиграли отблески костра. Меч Конана тоже был наготове, и два клинка замелькали с такой быстротой, что со стороны их движения сливались в одно огненное мерцание. Носильщики возбужденно переговаривались, а матросы криками подбадривали сражающихся. Такой экзотический вид спорта доставил удовольствие всем, кроме аквилонцев.

— Неужели их нельзя остановить, капитан? — воскликнула Малия.

— А зачем? — отозвался Вульфред. — Если люди жаждут крови друг друга, им лучше не мешать.

Меч Конана был длиннее и чуть легче, чем нож Уму, но это неравенство вполне компенсировали длинные руки матроса. Уму был силен и на удивление быстр, чего трудно ожидать от человека его комплекции. Ни один из бойцов не обладал ни особым искусством, ни знанием тонкостей и хитростей. Зато оба не уступали друг другу в силе, быстроте и выносливости. В конце концов благодаря выдержке, быстроте реакции и все той же выносливости равновесие нарушилось в пользу киммерийца. Уму, не имея привычки к подобным упражнениям, уже пыхтел и задыхался. А дыхание Конана было по-прежнему ровным, руки работали четко, и, несмотря на огромные усилия, не было видно никаких признаков усталости или дрожи. Клинок Уму взлетал не так легко и уверенно, как раньше, удары утратили свою смертоносность, и Конан одним резким движением пронзил тело противника. Выдернув меч, он ударил его опять, на этот раз по самому горлу. Острие прошло сквозь язык, вонзилось в мозг, и Уму грузно повалился, как подрубленное дерево.

Конан смотрел на матросов, с его меча стекали капли крови. Его кожа блестела от пота, но дыхание было все таким же ровным.

— Ну, кто хочет занять место Уму? — спросил он.

— Он никогда не был моим другом! — Один из матросов плюнул на мертвое тело.

— Не был, — подтвердил другой, — я за тебя болел, Конан!

Все остальные тоже поспешили уверить Конана в своей преданности.

— Вот и отлично, — сказал киммериец, — мы опять будем друзьями. И никаких больше разговоров о том, что болят ноги. Назад вы вернетесь такими богачами, что до конца дней уже ходить пешком не придется. А теперь оттащите-ка эту падаль подальше. Бросьте где-нибудь в кустах, к утру от него ничего не останется.

Вытерев меч о траву, Конан вернулся к своему костру. Ульфило дружески похлопал его по плечу — неожиданное проявление чувств от строгого аристократа.

— Великолепная схватка, Конан, — сказал он.

— Да! — воскликнул Спрингальд. — Теперь эти мошенники больше не посмеют перечить!

— Наверное, — ответил Конан, — пока не появится кто-нибудь другой. А что сегодня на обед?

Назавтра деревья кончились. Лес оборвался резко и сразу, как заканчивается за забором фруктовый сад. Конан стоял теперь на самом гребне горы. С другого же склона не росло ничего, кроме высокой травы, местность плавно шла под уклон, и до самого горизонта тянулась огромная равнина. Перемена полная и разительная. Среди высокой травы лишь изредка попадаются деревья, да и те не обвитые лианами лесные

великаны, а низкорослые, прижимающиеся к земле растения со странно плоскими верхушками. Был и кустарник, но тоже совсем непохожий на лесной. Если там он стелился повсюду, образуя как бы нижний ярус растительности, то сейчас среди травы попадались лишь отдельные островки площадью не более нескольких сотен ярдов. Но не растительность привела киммерийца в полный восторг. Опершись на свое копьё, он стоял и смотрел целый час, пока вслед за Гомой на гребень не поднялись аквилонцы и капитан. Несколько минут они лишь молча таращили глаза. Первой пришла в себя Малия.

— О Митра! Неужели это не сон? Так не бывает!

— Бывает, — зачарованно отозвался Спрингальд. — Я слышал много рассказов, но и представить себе не мог, как на самом деле это великолепно!

А открылась им вот такая картина: добрых двадцать тысяч голов диких парнокопытных паслось на равнине. Буквально в сотне шагов мирно щипали траву антилопы с витыми рогами, и до самого горизонта были видны многочисленные стада; издалека животные казались крохотными букашками.

Эти создания удивляли не только своим числом, но и бесконечным разнообразием видов. В Северных и Западных землях все иначе, там в одном стаде пасутся одинаковые животные, здесь же с явным дружелюбием ходят рядом совсем разные. Среди них всевозможные антилопы, от маленьких, нежных созданий с рогами в виде лиры до огромных тяжеловесов размером с боевого коня. Множество самых разных животных, названий которых они не знали, хотя

Конану было известно, как их называют туземцы. Высокими изящными башнями возвышались среди них высокие жирафы, они ходили маленькими семейными группками.

Не поднимая от земли своих грязных носов, вокруг ходили черные буйволы-тяжеловесы с закругленными рогами, а на их блестящих спинах беспечно резвились мелкие птички, выискивая в блестящих шкурах животных насекомых.

В огромном множестве паслись разномастные дикie лошади, но преобладали среди них ослепительно полосатые зебры. Были и другие, у которых полосатой была только задняя часть туловища. Пятнистые карликовые лошади размером не больше собаки не давали прохода мордастым свиньям, а бабуины из враждующих стай кидали друг в друга палками и камнями. Не зная себе равных, медленно двигались огромные, похожие на серые скалы слоны. У некоторых стариков бивни были такие большие, что животным приходилось откидывать назад голову, чтобы не скрести ими по земле.

— Как их много! — воскликнула Малия. — И так все спокойно! Как в храме!

В отличие от лесных обитателей жители саванны редко давали волю крикам, реву и мычанию. Лишь изредка слышался пронзительный недовольный визг бабуина или птичий выкрик, а вообще все это собрание издавало меньше звуков, чем небольшая группа людей на городской площади.

— Сколько же здесь травоядных! — заметил Ульфило. — А где же хищники?

— Главные любители мяса — львы и леопарды, — ответил Гома, — но они выходят на охоту ранним утром или же после наступления темноты, некоторые даже ночью. Днем, пожалуй, только быстрый как молния гепард может пуститься в погоню за добычей. А так все звери обычно в это время могут спокойно и мирно пастись.

К этому времени подошли и остальные. При виде открывшейся картины матросы не скрывали своего изумления. Им привычнее видеть впереди необъятные горизонты, а не простирающиеся насколько хватает глаз бесконечные стада. Чернокожие недовольно ворчали. Они — жители джунглей — привыкли к закрытым и затененным местам. А эта распахнутая бесконечность, населенная бесчисленным зверьем, вовсе им не нравилась.

— Далеко еще вон до тех гор? — спросил Вульфред, показывая туда, где на востоке у самого горизонта виднелись дымчато-серые очертания. — Клянусь Имиром, в этом океане травы нет никаких ориентиров!

— Не бойся, белый человек! — ответил Гома. — Я могу провести тебя и не по таким местам. — Он одарил всех еще одной надменной улыбкой. — Зверей вы тоже не должны бояться, у меня есть топор, чтобы защищаться от них. — Демонстрируя свое искусство, он прокрутил это орудие над головой с такой быстротой, что показалось, будто на мгновение над ним вспыхнул светящийся металлический круг.

Гома двинулся вперед, остальные последовали за ним.

— Если бы этот черномазый не был нашим проводником, он бы дорого заплатил за свое нахальство! — ворчал Вульфред.

— Что поделаешь, его трогать нельзя, — сказал Ульфило.

— Он очень странный, — заметила Малия, — не похож на остальных туземцев. Я имею в виду не цвет кожи и не шрамы. Он — всего лишь дикарь в набедренной повязке, и все его имущество — один топор, но вид у него такой же гордый, как и у тебя, деверь. А может, и больше.

— Это обыкновенная наглость, — ответил Ульфило, — но, по своим первобытным понятиям, он, может быть, считает себя знатным и благородным.

Спрингальд захотел побеседовать с вожаками отряда экспедиции, но, чтобы не отставать от Гомы и Конана, ему приходилось теперь работать своими короткими ножками изо всех сил.

— Скажи, Гома, — спросил он, — а людей мы здесь можем повстречать? Трудно представить, что среди этого травяного царства, да еще в соседстве со всем этим зверьем, могут жить люди.

Не обращая никакого внимания на коротышеклюдей, мимо них гордо прошествовало семейство жирафов. Такие прежде не попадались, кожа у них цвета сливок, вся в мелких пятнышках. А рога — тяжелые и ветвистые, как у большого лося, а не те, что у обычных жирафов, — маленькие и с шишечками на конце.

— Здесь часто пасут свои стада фашода, — сказал Гома. — Они хорошие воины и то и дело дерутся

за скот, это их единственное богатство. И бог у них тоже покровитель скота. Копьем они владеют искусно, а вот танцевать не умеют. Может быть, нам встретятся зумба, те, у которых большие щиты и короткие копья. Они совсем черные. Тоже умелые воины. Еще они пахнут землю и разводят коз. Дома у них бедные, однако они любят яркие украшения и прекрасно танцуют.

— Как они к нам отнесутся? — спросил Спрингальд.

— В этих местах любой чужой — враг, но, если они увидят, что мы сильны и хотим только торговать, они нас не тронут.

— Они людоеды? — спросил Конан.

— Нет! — Гома с отвращением сплюнул. — Человечину едят только на побережье. А здесь, в землях Нгая, что простираются до самого горизонта, люди — это люди, а не дикие звери! У моря живут такие, как вон те, — он показал на стайку робких пятнистых гиен, — а жители равнины — как львы, смелые и гордые.

— Приятно слышать, — заметил Спрингальд, — может быть, нас и убьют, но уж точно не съедят.

— Все не так просто, — усмехнулся Гома.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Да, люди вас не съедят, это правда. Найдутся другие охотники. Помнишь того человека, которого убил Конан? Так вот, тела мертвых здесь не гниют в земле и не предаются огню. Их просто оставляют где-нибудь в кустах, а потом они возвращаются во владения Нгая как пища для его зверей. Звери едят

траву, люди едят зверей, а потом другие звери едят людей. Так угодно Нгаю.

— Это радует, — опять усмехнулся Спрингальд.

Чудеса на их долгом пути попадались часто. Среди травы бегали смешные страусы. У них были длинные мускулистые ноги, шарообразные туловища и крошечные головки на длинной шее. Тут и там виднелись твердые как цемент земляные столбики, по форме напоминающие сталагмиты. Малия спросила, откуда берутся такие загадочные постройки.

— Это работа термитов, — объяснил Конан. — Они очень прожорливы. Зарой в землю палку толщиной с руку, а через неделю тронь — рассыплется, потому что внутри одна труха.

— Удивительная земля, — сказала Малия. — Она напоминает сон. Птицы величиной с пони, а термиты строят замки. А вон чудище, какое и во сне не приснится, щиплет травку рядом с пугливой ланью! Если бы мне рассказали, что такое возможно, я бы не поверила.

Невдалеке огромный носорог ошипывал листву с куста, под которым, совершенно не опасаясь его огромного рога, похожего на четырехфутовую косу, паслась крошечная антилопа величиной не больше зайца, ее тонкие ножки-соломинки оканчивались крошечными копытцами размером с самый маленький женский ноготок.

— В здешних краях есть вещи и поудивительней, — заверил ее Конан. — И не такие безобидные.

Уже вечерело, когда на их пути встретилась стая львов. Огромные звери лениво развалились на траве, зевая и потягиваясь, поглядывая на незнакомцев своими хищными желтыми глазами, впрочем, без особого интереса. Потом животные вставали и медленно брели прочь, не из страха, конечно, а потому, что им, наверное, не понравился человеческий запах.

— Внимательно смотрите под ноги, — предостерег Конан. — Особенно сейчас, когда темнеет. — Он наклонился и поднял какую-то веточку. Она вся была усеяна зловещего вида шипами длиной не меньше шести дюймов. — Такие колючки есть везде, на деревьях, на кустарнике. Может вполне ступню проколоть.

— Да-а, суровые места, — сказал Спрингальд, — а для тех, кто здесь впервые, в особенности.

Когда сгустились сумерки, путешественники развели костры и под руководством Гомы соорудили из колючих веток нечто вроде ограды, которую проводник назвал «бома».

— Это защита от львов? — спросил Вульфред.

— От больных или раненых. На человека только такие нападают. Человек слишком мал для взрослого здорового льва, не говоря уже о целой стае. Но те, кто не может охотиться на сильных и быстрых, не побрезгуют и человеком. И еще от гиен.

— От этих трусливых пожирателей падали? — Вульфред фыркнул. — Да им хватит и горстки камней!

— От перевала до Рогов еще один переход, — заметил Гома. — Он более трудный.

— По пустыне? — спросил Вульфред.

— По пустыне.

Они продолжали свой путь. У самого подножия горной гряды им впервые за все путешествие повстречались люди.

Сначала, правда, путники увидели скот. Это были крупные, сильные животные с длинными рогами, окрашенные во все оттенки, какие только возможны в бычьем племени. Были и пятнистые, и в крапинку. Людей вдалеке едва можно было различить, хотя солнечные лучи играли на остриях копий и вспыхивали на их продолговатых белых щитах.

— Что скажешь, Конан? — спросил Ульфило, когда пастухи их заметили и двинулись в сторону отряда.

— Они, должно быть, хорошие воины, если разводят скот в таких диких краях. Постоянная угроза хищников, да они еще, если верить Гоме, отбивают скот друг у друга, как и у меня на родине. При такой жизни любой научится держать в руках оружие.

По команде Вульфреда матросы взялись за мечи, а носильщики опустили на землю свою поклажу. Их было уже намного меньше, чем в начале пути. Некоторые поворачивали домой, когда заканчивались припасы, некоторые заболели или поранились шипами, — а такое случалось часто, — и тоже вернулись домой. Двое умерли от укуса змеи. Один ушел ночью за ограду, и с тех пор его не видели. Решили, что его съели хищники. Еще один просто свалился замертво,

и никто не мог понять почему. Оставалось около сорока человек.

— Это фашода? — спросил Конан у Гомы.

— Да. Видишь, все молодые. У фашода скот пасут в основном совсем мальчишки. Их охраняют молодые воины. Те, кто старше, охраняют деревни.

— Молодые всегда лезут в драку, — проворчал Конан. — Эти, надеюсь, не очень агрессивны?

— Они агрессивны, Гома? — спросил Спрингальд, теребя рукоять своего меча.

— Заранее никогда не узнаешь, — ответил проводник.

Вскоре перед ними выстроилась целая сотня молодых воинов. Их суровые лица застыли; в руках они держали копья с необычайно широкими наконечниками. Их тела покрывали замысловатые многоцветные узоры. Длинные волосы были туго стянуты на затылке, на лоб спадала челка. У них были правильные черты лица, а тела — гибкие и ловкие, как у хищников саванны, одежды на дикарях не было.

— Они очень симпатичные, — с интересом заметила Малия.

— Для дикарей, — добавил Ульфило.

— Они так все похожи, что можно подумать, будто все они братья, — заметил Спрингальд. — И черты лица, и цвет кожи, где не закрашено, телосложение одинаковое, и разница в росте самое большое лишь на пару дюймов. Это признаки близкого родства. Они, наверное, женятся только на женщинах из своего племени.

— Их обычаи нас сейчас должны интересовать меньше всего, — сказал Вульфред. — Как они построены? Враждебно?

Матросы нервно теребили ножны, кое-кто уже доставал из колчана стрелы.

— Мы должны сделать все, чтобы избежать столкновения! — рявкнул Ульфило. — Не забывайте, возвращаться назад нам этой же дорогой. Даже если мы сейчас и прорвемся, они успеют собраться с силами и будут поджидать нашего возвращения во всеоружии.

— Да, — согласился Конан. — Но они — скотоводы и поэтому вряд ли нападут первыми, хотя и гордые, — если, конечно, мы не проявим агрессивности. С другой стороны, эти еще совсем молоды и многого не знают. Они, возможно, среагируют на любую провокацию, поэтому надо быть осторожнее.

— Ты для варвара настоящий дипломат, — не удержалась Малия.

— Я когда-то тоже был молодым. Я знаю, что это такое. Киммерийские горы и долины на юге — там в общем-то все то же самое. — Конан не отрываясь следил за дикарями. Его поразило их спокойствие и полная бесстрастность. Никаких выкриков и ритуальных танцев, которые так любят некоторые племена перед началом битвы. Конан понимал, что таким своеобразным способом они хотят запугать возможного противника, но он также видел в этом и проявление строгой дисциплинированности. Если воинов с самого раннего возраста приучают соблюдать спокойствие, значит, они не так-то легко под-

даются истерии битвы и начинают рубить кого попало. На головах у многих красовались повязки из львиных шкур, украшения из зубов хищников — это свидетельствует о том, что воины доблестно охраняют свои стада от кровожадных хищников.

Вот один начал говорить. По обличью он ничем не отличался от остальных. Гома переводил.

— Он спрашивает, кто вы такие и что вам нужно.

— Скажи ему, что мы торговцы, — ответил Ульфило, — направляемся в горы. Скажи, что мы не сделаем им ничего плохого, что у нас есть хорошие товары и дары для вождей.

Гома перевел. Воины внимательно его выслушали и ничего не сказали. Вскоре появилась еще одна группа, люди более старшего возраста. От молодых их отличал более скромный узор на теле да еще одежда, похожая на одеяние Гомы. Было и несколько совсем седых, они двигались медленно и с достоинством, опираясь на длинные, украшенные причудливой резьбой посохи. Оружия у них не было, как не было и ни краски, ни украшений, зато с головы до ног они были закутаны в широкие накидки.

— Чем выше ранг, тем меньше украшений, — заметил Спрингальд.

— И больше одежды, — добавила Малия.

— Воинам разрешается носить украшения, — пояснил Гома, но они не имеют скота. Скот привилегия старших, они же владельцы и хозяева. И в их стадах — богатство и честь племени.

Прибыли вожди, и началась торговля. Развязали тюки, разложили товары. Воины-дикари чувствовали

себя совершенно спокойно в окружении чужаков. С матросами они вели себя учтиво, к носильщикам же выказывали явное презрение. Человека, который переносит чужую поклажу, воин-пастух считает просто рабочей скотиной.

— К моим носильщикам следует относиться с уважением, — настаивал тем не менее Ульфило. Гома переводил.

— Мы не причиним вреда чужому скоту, — пожал плечами старейшина. — Что они нам? Не думайте только, что мы станем считать их за людей.

Фашода очень заинтересовались железными брусками, которых у путешественников все еще было достаточно. Им понравились ткани, бусы, вещи из меди и бронзы. С недоумением они разглядывали рыболовные крючки и спрашивали, что это такое. Когда им объяснили, они долго смеялись. Рыба, оказывается, считается здесь непригодной в пищу.

Из близлежащей деревни принесли в кувшинах легкое пиво, вожди и торговцы начали переговоры. Старейшины чувствовали себя немного сконфуженно, потому что у них не было привычки заранее собирать что-нибудь для продажи, как это делали жители лесов; но их очень заинтересовали товары белых, особенно железо.

— Последние несколько лет были для нас благоприятны, — говорил старик с морщинистым лицом. — Трава росла хорошо, ни люди, ни скот не болели, и мы отразили все вражеские нападения. Многие юноши требуют, чтобы их произвели в воины, и нам нужны копья, чтобы хватило на всех.

— Что же нам делать? — спрашивал Вульфред. — Их скот нам не нужен, а вдруг они решат захватить силой то, что не могут купить?

— Наша цель — сокровища, а не выгодная торговля, — заметил Конан. — Сейчас главное — обеспечить себе безопасный обратный путь. Пусть берут все, что хотят. И собирают шкуры и слоновую кость. Мы, когда будем возвращаться, заберем.

— Прекрасно, — согласился Ульфило. — Гома, скажи им.

Вождей очень обрадовало это компромиссное решение, потому что у молодых воинов при виде такого изобилия железа, меди и бронзы уже текли слюнки. Из деревни приходили и женщины, они с восторгом ахали над разнообразием пестрых бус.

— Все могло бы обернуться гораздо хуже, — говорил Ульфило, когда они вечером сидели у огня, пили из деревянных кружек пиво и ели жареную птицу. — Но нам повезло, и теперь путь назад безопасен.

— Надо выяснить, может быть, они видели Марандоса. Он, наверное, тоже шел этой дорогой, — сказала Малия. К ее неопишуемому восторгу, женщины принесли молоко, фрукты и плоские лепешки. Такая перемена в еде несказанно ее обрадовала, но теперь она опять встревожилась о судьбе мужа.

— Долина большая, и отряд вроде нашего вполне мог пройти где-нибудь поблизости, но все же в стороне от этого места, — сказал Гома. — Но я спрошу.

В течение нескольких минут проводник беседовал с вождем, потом он повернулся к Малии:

— Они говорят, что пасли свои стада далеко к северу отсюда. С тех пор не прошло еще шести лун. Эти люди не сидят долго на одном месте. Говорят, что жители одной деревни, которая отсюда в трех днях пути, видели некоторое время назад каких-то людей, похожих на привидения. Может быть, был бой, но они точно не знают.

— Да, не много мы узнали, — разочарованно произнес Ульфило.

— Придется этим довольствоваться, — сказал Конан.

Глава 9

ГОРНЫЙ ПЕРЕВАЛ

Переход к основанию гор шел гладко, ведь теперь у них был эскорт из нескольких молодых фашода, которые воспринимали эту обязанность как своего рода каникулы, отдых от нудной работы — выпаса деревенского скота. Но природа еще хранила для них свои самые замечательные сюрпризы.

Все началось с появления странной твари. Белые, увидя ее, громко засмеялись. Одиноким самец во главе беспорядочной кучки своих сородичей. Фашода принялись тыкать в его сторону копытами и что-то возбужденно лепетать.

— В чем дело? — недовольно пробасил Ульфило.

— Эти воины говорят, что мы должны остановиться, — перевел Гома. — Потому что это кхну.

Первый звук в этом названии напоминал щелчок и не встречался ни в одном из северных языков.

— Остановиться? — озадаченно спросил Ульфило. — Вот из-за этого?

В самом деле, тварь уже была неподалеку и смотрела на них невероятно глупым взглядом. Она скорее

могла рассмешить, чем внушить опасения. Размером с большую антилопу, козлиные голова, борода и рога. Все остальное, казалось, было взято еще от нескольких разных животных.

— Да, да, — отвечал ему Гома. — Мы могли бы пока здесь отдохнуть. Говорят, что когда Нгаи создавал мир, у него остались кое-какие неиспользованные части, из которых он и создал кхну: голова — козла, передняя часть тела — топи, зад — дикой лошади и страусиные мозги. Но чтобы восполнить все недостатки внешности и разума, Нгаи одарил их одним замечательным свойством, в чем вы вскоре и убедитесь. Устраивайте лагерь, белые люди, сегодня мы больше никуда не пойдём.

Озадаченно ворча, они последовали совету. Час спустя небольшая кучка странных созданий превратилась в громадное стадо. Тысячи и тысячи животных, которые продвигались на север. Еще до заката вся равнина, насколько хватало взгляда, уже была покрыта темными точками, словно ковром. Как и упомянул Гома, твари были совершенно безмозглыми. То и дело некоторые из них, без всякой на то причины, внезапно поворачивали и брели обратно на юг. Другие, сбитые с толку, начинали метаться в разные стороны, а третьи плотной толпой носились по кругу, пока, обессиленные, не валились с ног.

Путешественники забили несколько животных на мясо, но их сородичи не обратили на это абсолютно никакого внимания, невозмутимо продолжая свою миграцию на север.

— Во всем мире не может быть столько тварей! — воскликнула Малия, пораженная зрелищем.

— И тем не менее, — заметил Спрингальд, — Гома говорит, что это не единственное стадо. Таких стад сотни, и каждый год они совершают свою миграцию с юга на север, а потом назад, по мере того как засушливые сезоны сменяются сезонами дождей.

— Хорошо еще, что мы путешествуем пешком, — сказал Ульфило. — Будь у нас лошади, они бы подошли с голоду после такого нашествия.

Конан стоял у края огромного стада и наблюдал за его движением. Вскоре к нему присоединился Гома. Еще некоторое время оба они молча смотрели на колышущуюся массу, затем абориген заговорил:

— Каково тебе это зрелище, меченосец?

— Я всю жизнь был бродягой. Вечно покидал насиженные места, стремясь увидеть что-то новое. Меня утомили северные королевства с их бесконечными войнами. А в мирное время там еще скучнее. Когда эти трое сумасшедших предложили мне участвовать в их дурацком предприятии, я согласился не из-за денег. На самом деле мне хотелось посмотреть на дальние страны, увидеть что-то новое. Но такого, — Конан кивнул в сторону бескрайнего стада животных, — я еще никогда не видел. И сама эта равнина, с таким разнообразием всевозможных тварей, тоже удивительная вещь. Много лет назад я уже видел здесь кое-что, но настоящую сущность этой земли мне разглядеть не довелось.

Однако о том путешествии я никогда не стану жалеть.

Гома усмехнулся:

— Искатели приключений всегда одинаковы. Я среди своего народа единственный такой бродяга. Я был во многих странах и видел много такого, что непривычно глазу моих соплеменников. Я рад, что все это видел, хотя многое было по-настоящему ужасно. Но иногда человек должен возвращаться и домой, правда?

— Возможно, — ответил Конан. — Сам я, с тех пор как еще мальчиком покинул свою родину, бывал там несколько раз, но никогда не оставался надолго. И ты, Гома? Ты сейчас идешь домой?

Конан оценивающе посмотрел на высокого чернокожего воина, но в ответ тот лишь снова усмехнулся:

— Как ты сам сказал, белый человек, возможно и так.

Великая миграция продержала их на месте целых два дня. Поток животных был нескончаем, и люди начали уже думать, не движется ли стадо по кругу, проходя мимо них снова и снова. Но в конце концов поток начал уменьшаться, и вот уже можно было разглядеть противоположный его край. Прошло еще немного времени — и от стада остался лишь жалкий ручеек, состоявший из медленно бредущих старых, больных и ослабленных животных. Эти несчастные твари просто помирали от голода, потому что прошедшие перед ними сородичи выщипали абсолютно всю траву, до последнего клочка.

Когда путешественники вновь тронулись в путь, вся долина была подстрижена так, что мог позавидовать любой дворцовый садовник. Кроме того, земля была обильно унавожена пометом, который послужит хорошим удобрением для травы следующего сезона. Долина наполнилась шакалами, гиенами и другими всевозможными хищниками, которые тут же набросились на трупы животных, в изобилии лежащих повсюду.

У самых гор путешественники столкнулись еще с одним племенем аборигенов. Эти были слегка пониже фашода, но мускулистей и крепче на вид. Их блестящая кожа была такой темной, что цвет ее приближался к абсолютно черному. И никакой раскраски на теле. Одежда их состояла из неостриженных коровьих шкур на теле и коротких кожаных юбок. Руки повыше бицепсов и ноги ниже колен украшены повязками из превосходного обезьяньего меха. Из деревушки, состоявшей из круглых хижин, навстречу путешественникам хлынул поток устрашающего вида воинов, которые образовали двойную заграждающую шеренгу.

— Ну что, опять? — вздохнул Ульфило.

— Похоже на то, — откликнулся Спрингальд.

— Вытаскивай подарки. Гома, что они говорят?

Седой воин со щетинистой бородой говорил что-то вышедшему вперед фашода.

— Предводитель племени зумба спрашивает: «Вы пришли, чтобы украсть наш скот и наших женщин?» Фашода ответил: «Ваш скот тощий, женщины отвратительны, а настоящим воинам нечего делать

с козами. Мы сопровождаем этих белых людей в горы».

Теперь предводитель, качнув тремя страусиными перьями на голове, повернулся к чужакам. Гома снова заговорил:

— Предводитель говорит: «Опять белые?»

Малия схватила руку Ульфило:

— Они видели Марандоса!

— Осторожнее, — сказал Конан. — Они могли тогда и схватиться с этими зумба.

Но зумба, похоже, не были настроены враждебно. Они больше опасались фашода, чем бледнолицых чужестранцев. После небольших переговоров было решено устроить обмен товарами и торговлю. Зумба занимались животноводством и посему могли выставить для обмена большое количество разнообразной еды. Как и упоминал Гома, своими музыкальными наклонностями зумба сильно выделялись среди всех соседей. В вечернем воздухе зазвучали их сложные, гармоничные песни, которые сопровождались неистовыми танцами под аккомпанемент барабана и дудочки. Фашода же, опершись о свои копыя, держались в стороне.

В самый разгар веселья неизвестно откуда возник человек очень странного вида. При его появлении песня стала быстро затихать, танец замедлился, а последний удар по барабану прозвучал совсем глухо. Незнакомец был невысокого роста, весь увешанный бусами из костей, клыков, перьев и резных украшений. Такие же украшения повязывали и на посохе, который он держал в руке. Его

лицо покрывала белая краска, на фоне которой ярко выделялись глаза, что придавало ему сходство с черепом. При его приближении зумба расступились, а он замахнулся своим посохом на путешественников.

— Вы направляетесь в горы! — заговорил он на торговом жаргоне, который был знаком путешественникам. — Вас там ожидает смерть! Это священное место, где обитают боги. Вы не должны туда ходить! Никому из зумба я не позволю идти с вами!

— Кто это? — спросил Ульфило.

Гома поговорил с вождями и кое-что разузнал.

— Это Умбасо, верховный шаман всех племен зумба. Он живет далеко отсюда. Непонятно только, откуда он узнал о нашем приходе.

— Он может запретить дать нам носильщиков? — спросил Ульфило.

— Сейчас узнаем, — ответил Гома.

Шаман заговорил с дикарями, и выражение тревоги на их лицах сменилось неподдельным страхом.

— Вряд ли среди этих дикарей найдутся настоящие колдуны, — усмехнулся Спрингальд. — Ведь книгопечатания они не знают. А как иначе, если не искусством письма можно хранить и передавать магические знания?

— Но они боятся его проклятий, — презрительно заметил Конаң, — а этого уже достаточно. И не важно, что он не умеет вызывать духов и не знаком с высшей магией. Они верят, что он может

сделать их слепыми, хромыми, что стоит ему захотеть — и рука или нога засохнет и отвалится, а этой веры уже достаточно, чтобы повелевать людьми.

Один из вождей стал что-то быстро говорить Го-ме, а тот переводил для остальных.

— Он говорит, что, поскольку Умбасо против, он ни за что не даст нам своих людей. Они не станут чинить нам препятствий, но мы должны идти одни и полагаться только на себя.

Ульфилло схватился за рукоятку меча.

— С каким огромным удовольствием я завалил бы сейчас этого грязного шарлатана, — угрожающе проворчал он в сторону шамана.

— Я тоже, — поддержал его Конан. — Но не советую этого делать. Возможно, дальше нам придется двигаться почти без вооружения. Как ты считаешь, Гома, наша затея невыполнима?

Гома пожал широкими плечами:

— Настоящие мужчины могут вынести все. Те, кто не может идти по жизни, не имея при себе всех благ цивилизации, не должен пускаться в авантюры, достойные только настоящих бойцов.

— Похоже, теперь нам и придется это проверить, — сказал Спрингальд.

— Лично мне здесь не нужны никакие слуги, — сказал уязвленный Ульфилло. — И я, как и любой другой, могу тащить поклажу.

— А что с женщиной? — сказал Вульфред.

— Я когда-нибудь жаловалась? — заносчиво спросила Малия.

— Да, — ответил Конан. — Но в основном насчет насекомых. Ладно, Вульфред, как насчет матросов?

— Они мне подчинятся, — убежденно заявил тот.

Однако у Конана были определенные сомнения в этом. Если головорезы готовы выносить такие лишения, то это означает только одно: Вульфред наметнул им что-то про сокровища, а это уже плохо.

— Мы идем дальше, в горы, — обратился Конан к вожаку сопровождающих их фашода. — Вы идете с нами?

— Мы не боимся ни этого колдуна зумба, ни его заклинаний, — ответил ему человек.

Киммериец, однако, уловил некоторую неуверенность в его словах. Остальные же воины косились на шамана, не желая выказывать открытого страха перед ничтожным зумба. И тем не менее они были напуганы.

Конан поднялся и вплотную подошел к Умбасо.

— Почему ты мешаешь нам идти в горы? — громко спросил киммериец.

— Я не говорил, что вам нельзя идти в горы, — хитро усмехнулся колдун. — Кому какое дело до чужестранцев? Боги тех мест не нуждаются в моей защите. Они сделают с вами все, что им заблагорассудится. — Его глаза зловеще засверкали. — Но своему собственному народу я не позволю их оскорблять.

— А почему в горах и за ними другие боги, не такие, как здесь, на равнине? — спросил Конан. — Ведь здесь они на нас не обижаются.

— Силы тех мест чужие и этой земле, и этим людям. — Шаман потрянул своими побрякушками и понизил голос до полупшепота. — Давным-давно в эту землю пришли люди и полулюди. Они перешли через горы и ушли дальше. С собой они принесли нового бога, ревнивого бога, который не терпел чужаков. Когда эти люди и полулюди умерли, их превратили в духов, охраняющих землю нового божества. Если вы столкнетесь с ними, они убьют вас и съедят ваши души. — Он снова улыбнулся. — Но кто я такой, чтобы отказывать им в жертвоприношении?

— А еще, белые люди, такие же, как мы, ушли туда и перешли через горы. И некоторые вернулись и снова ушли назад. Непохоже, чтобы они сильно боялись духов и богов, — сказал Конан.

Улыбка превратилась в кривую усмешку.

— Да, белые люди ушли туда, а вернулись совсем немногие, и они стали совсем не те, что раньше. А теперь они заманили и своих друзей в запретные земли. Наверное, духи наслаждались вкусом жертв, и им захотелось еще.

— А как зовут этого чужого бога? — спросил Конан.

— Его зовут Маат, — ответил Умбасо.

Услышав, как он произносит это имя, аквилонцы нервно дернулись.

Конану не нравилось все это колдовство и разговоры о богах и плотоядных духах, но у него было огромное желание заглянуть за гряды гор и посмотреть, что там творится. Улучив момент, Конан отвел в сторонку Спрингальда.

— Колдун назвал этого бога Маат. Ты когда-нибудь слышал о таком боге? — спросил его киммериец.

— М-м, да. Маат — это бог Стигии, один из самых древних богов той земли. В отличие от других богов, у Маата нет облика. Его никогда не сравнивали ни с человеком, ни с животным. Это самый загадочный бог. В старейших рукописях говорится, что Маат повелевает мертвецами, определяя судьбу каждого. Если Маат доволен покойником, то дарует ему вторую жизнь, похожую на ту, какой он наслаждался на земле, но совершенно без страданий и неудобств земной жизни.

— А когда Маат недоволен? — спросил Конан.

— Ну, души негодников скармливаются чудовищу по имени Пожиратель Душ. — Он покашлял. — И все же нельзя так расстраиваться, послушав какого-то немытого, увешанного костями туземного лекаря. Что он может знать, кроме пошлых племенных предрассудков да нескольких игрушечных заклинаний? Все эти рассказы могут быть простыми байками, которые разносят по округе местные туземцы. Наконец, эти люди — полукочевой народ и, несомненно, были далеко отсюда, когда пал Пифон.

Он говорил так, как будто пытался убедить самого себя.

— Возможно, и так, — заметил Конан. — Но теперь это уже не просто поиски человека или охота за сокровищами, как было с самого начала. Больше таких сюрпризов я не потерплю, господин ученый!

— Я вполне понимаю твоё негодование, мой друг, и могу тебя уверить, что ты можешь больше не опасаться неприятных открытий! Слушай, да сама мысль о том, что какое-то древнее стигийское божество может до сих пор охранять сокровища, не говоря уже о его слугах, которые начали свои бдения по поводу великого богатства, имея несчастье уже быть к этому моменту мертвецами, — полная нелепица по всем канонам современной науки, с точки зрения как естественного, так и сверхъестественного миров.

— Спрингальд, — с угрозой в голосе сказал Конан, — стоит тебе стать моим врагом — и я убью тебя только за твой длинный язык.

На следующее утро, когда начался очередной переход, все были подавлены, за исключением носильщиков с равнины, которые знали, что вскоре смогут вернуться по своим домам. Остальные выглядели удрученными, кто в меньшей, кто в большей степени, за исключением всегда бодрого Вульфреда. Конан был просто мрачен, а аквилонцы выглядели встревоженными. Самыми угрюмыми из всех по-прежнему оставались матросы. Они опять бросали по сторонам сердитые взгляды и о чем-то бурчали между собой. Конан начал размышлять, как скоро понадобится устраивать очередное показательное убийство.

Два дня спустя они уже стояли у подножия горы. Огромный скалистый хребет нависал высоко над ними. Подножие хребта было густо покрыто зеленью, вершины же его оканчивались голыми не-

приступными скалами. Носильщики вырыли яму для товаров, которые невозможно было нести с собой дальше. Покончив с этим делом, они повернули свои стопы назад, к дому. Их сопровождали фашода, которые с большой неохотой согласились сопровождать носильщиков до границы их территории.

Значительно поредевший отряд с мрачной решимостью обзирал горы.

— Здесь нам больше делать нечего, — сказал Ульфило. — Идемте.

— Да, — согласился Вульфред. — Таким, как мы, не нужны палатки и прочие безделушки. Оружие понесем как всегда, а для остального хватит и обычных носилок. А больше нам ничего не нужно. — Матросы, казалось, не разделяли оптимистической уверенности своего капитана, но его суровый взгляд заставил их молчать.

— Веди нас, Гома, — сказал Конан.

Проводник усмехнулся:

— Да, я вас поведу туда, где мы простимся с легкой жизнью, там начнется работа для настоящих мужчин. — И он отправился вверх по склону.

Разница между зеленой равниной и густыми лесами гор была резкой и неприятной. Деревья, хотя и не такие великаны, как в джунглях, росли очень густо, попадались какие-то совсем незнакомые. И звери тоже помельче — обезьяны, некрупные олени и множество диких свиней. И великое разнообразие хищников, которые ими питаются. В тени деревьев таились дикие кошки — пятнистые, полосатые, с

разводами, а по ветвям сквозь завесу листвы скользили огромные змеи.

Их путь лежал по древнему руслу реки, и подниматься по его скалистым уступам, перепрыгивая с камня на камень, было все равно что карабкаться по исполинской лестнице. Не прошло и часа, как их ноги уже ныли от усталости, и Ульфило пришлось объявить привал.

— Неужели нет дороги получше? — обратился он к Гома.

— По этой дороге мало кто ходит, — уверил его проводник, — даже и звери ее не любят. А человеческих следов и подавно не видно. Но ведь любому путнику известно, что вода всегда выбирает самый лучший путь.

— В основном он прав, — сказал Спрингальд, тяжело дыша. Его ноги просто дрожали от усталости. — Но этот путь, хотя и самый прямой, не всегда идеально подходит для человеческих ног.

— И все же мы пойдем этой дорогой, — сказал Гома. — Потому что другой на склоне нет. Вдоль леса под ногами такой же камень, но идти опаснее. Потому что легче поскользнуться и упасть и потому что там множество ядовитых змей.

— Мы наняли его, Ульфило, потому что он знает дорогу, — сказала Малия. — Пока что он ведет нас хорошо. — Из уважения к ее полу и знатности Малии выдали самый легкий груз, поэтому она была не столь обессилена, как остальные. Но все ее тело тем не менее покрывали ушибы и царапины.

— А ты что скажешь, Конан? — обратился к нему Ульфило. В отличие от всех остальных киммериец был свеж и бодр, как будто он только что встал с постели после хорошо проведенной ночи.

— Я вырос среди таких гор, — ответил он. — Хотя, конечно, и не столь зеленых. Гома прав. Я хочу пойти вперед и обследовать, что по сторонам дороги, как в джунглях. Может быть, обнаружится что-нибудь важное, мы ведь не знаем, шел ли Марандос этой дорогой... — Он пронзил аквилонцев взглядом. — Или знаем?

— Он упоминает в письме только горы, — сказал Ульфило, — а не свое путешествие по склонам.

— Прекрасно, — сказал Конан. — Я пойду вперед, сразу после привала. — Он повернулся к Го-ме: — На этих склонах есть подходящее место, чтобы разбить лагерь?

— Есть, хотя удобным оно вам вряд ли покажется, но вполне сносное.

— Удобства нас не интересуют, — сказала Малия. — Главное — это поскорее добраться до цели.

Что-то в ее словах заставило Конана задуматься. Она говорит о цели, а не о своем муже. Может быть, просто оговорились, или же сокровища волнуют ее больше, нежели супруг? Но она уже не первая из жен, кто выстраивает свою систему ценностей именно в таком порядке.

Не дожидаясь, пока остальные наберутся сил, Конан пошел вперед и вскоре скрылся в лесу. Сравнительно невысокие деревья пропускали на землю солнечные лучи, и внизу тоже буйствовала зелень.

Повсюду росли кусты и травы, из-за чего киммерийцу приходилось ступать с большой осторожностью, потому что за каждым листом могла притаиться смерть.

Дважды ему встречались гориллы, огромные, человекоподобные обезьяны, которых в сказаниях наделили свирепостью и жестокостью. Но эти казались тихими и дружелюбными. Они ходили группами, и, увидев Конана, вперед выступал большой самец, который сурово рычал, нахмутив густые брови, а остальные в это время скрывались за кустами. Потом самец поворачивался и тоже уходил вслед за остальными. Конан прекрасно понимал, что такая необщительность не имеет ничего общего со слабостью. У горилл любая самка сильнее человека, а у взрослого самца в одной руке силы больше, чем у киммерийца во всем теле.

Над головой среди ветвей развились обезьяны помельче, в зелени листвы мелькали их почти человеческие лица. При виде незнакомца поднимался крик и улюлюканье, но страха в них не чувствовалось, они считали, что это вяло бредущее по земле существо не способно причинить им вреда.

Повсюду в изобилии паслись дикие свиньи. Конан хорошо знал, что эти твари, если их разозлить, ничуть не менее опасны свирепого льва. Кривые клыки кабана проткнут человека в мгновение ока, а у этих клыки сравнительно небольшие, значит, животное очень проворно и его трудно остановить.

Тигров и львов не понадалось, но однажды, к своему удивлению, Конан наткнулся на небольшое

стадо носорогов. Откуда в горах эти жители равнин, Конан так и не узнал; еще он обнаружил следы слонов — значит, и крупные животные не избегают высоких горных склонов.

Но более всего его интересовали следы пребывания здесь человека. Он знал, что в лесистых горах живут племена пигмеев, которые охотятся на дичь отравленными стрелами, их загнали сюда те, кто сильнее, кто умеет воевать. Гораздо более опасны преступники, наказанные за нарушение чужой территории изгнанием из племени. Среди этих заросших лесом склонов они ведут почти животную жизнь. С ними справиться значительно труднее, чем с дикарями из племени, потому что их поведение не подчиняется традициям и обычаям и нет вождя, который мог бы ими руководить. Конан и сам был изгнанником и хорошо знал эту породу.

Обследуя окрестности, он встречал только следы небольших охотничьих стоянок. Попадались остатки кострищ, в основном уже многолетней давности. Конан находил кремневые наконечники стрел, но не встретил никаких следов похода Марандоса.

К концу дня он вернулся к своим, которые за это время продвинулись совсем немного. Подъем по крутым склонам оказался намного труднее, чем все предыдущие испытания. И даже Вульфред морщился от боли, разминая сведенные судорогой мышцы своих атлетически крепких ног.

— Эй, ты, горный козел! — закричал он Конану. — Кто позволил тебе являться сюда с таким

видом, как будто ты просто доохотился в горах на уток?

— Были времена, когда и ваниров считали горным народом, — ответил Конан. — Морские утесы Ванахейма просто кишели людьми, они охотились на птиц, собирали яйца и гагачий пух.

— Да, но после двадцати лет на корабельной палубе я разучился прыгать по кустам.

— Что-нибудь нашел, Конан? — спросила Малия. Она тоже выглядела усталой, но старалась держать себя в руках.

— Кругом одни голые камни. Никаких следов человека, кроме охотничьих стоянок.

— Здесь, на нижних склонах, кроме горилл никого не встретишь, — сказал Гома. — Вот выше — другое дело.

— Изгнанники живут ближе к вершинам? — спросил Спрингальд.

— Да, и изгнанники тоже. Или что-нибудь похуже, — мрачно отозвался Гома.

После ночного отдыха на наклонной поверхности люди проснулись разбитые и измученные. В этот день они прошли еще меньше, чем в предыдущий, но потом стали постепенно привыкать к суровым условиям, и даже матросы воспряли духом.

Они поднимались все выше, и растительность менялась до неузнаваемости. Вместо крупных деревьев с широкими листьями им попадались теперь огромные папоротники и цветы причудливой, неземной окраски. Мрачный пейзаж напоминал начало сотворения мира, когда все живое еще едино, цельно.

Вот цветы растут как будто на голом камне. Вот какие-то кристаллы, напоминающие растения. Вот двадцатифутовый ствол, покрытый корой, но на самой верхушке — мясистые лапы и колючки, как у кактуса.

Небо заволокло тучами, которые, казалось, нависали почти над головой и сыпали мелким непрекращающимся дождем. Превратившаяся в лохмотья одежда просто расползлась на куски, а оружие приходилось постоянно чистить, чтобы защитить от ржавчины. Но позади осталось каменистое русло. Между причудливыми растениями и острыми скалами простиралась ровная, мягкая от моха земля, она ласкала натруженные и иссеченные порезами ноги путников.

— Как ты можешь все это выносить, Конан? — обратилась Малия к киммерийцу, который шагал рядом с ней. В утреннем тумане она вся дрожала от холода, а он, казалось, ничего не чувствовал. — Одежды на тебе меньше, чем на танцовщице Шади-зара, но у тебя такой вид, как будто ты в Тарантии, а вокруг — жаркое лето. Мы всю ночь стонали, потому что не могли найти мягкого уголка, где бы отдохнули кости, а ты просто свернулся калачиком на камне и спал как младенец. Силы уже у всех на исходе, а ты и в Асгалуне не выглядел таким бодрым и свежим!

— Я из суровой страны, — ответил он. — То, что для вас трудности и тяготы, — для жителя Киммерии — нормальная жизнь.

Она вся дрожала.

— Мне казалось, я уже встречала на своем веку закаленных людей, солдат, воинов, путешественников. Ты же открываешь мне, каким в действительности должен быть закаленный человек. — Она смотрела на него в упор и видела много привлекательного. Глядя на то, как уверенно и быстро он шагает, ей и самой хотелось пуститься вдогонку, но по скорости и изяществу движений с ним не сравнится и лучшая скаковая лошадь. В его теле работал каждый мускул. А у других все движение сосредоточивалось лишь в усталых ногах и в измученных лицах. Ноги, казалось, тащили за собой всю инертную массу тела. Конан на них совсем не похож. Несколько недель пути уничтожили и без того небольшие запасы подкожного жира, и теперь ясно просматривались крупные, круглые мускулы и бугорки маленьких мышц, которые, когда он шел, находились в непрерывном движении. И даже его отросшие волосы развевались от легкого ветерка. Его кожа, за исключением бесчисленных шрамов, была гладкой и упругой, как будто обработанная лучшими кордавскими мастерами. На бронзовом от загара лице орлиным взглядом светились ярко-голубые глаза.

По физической силе Конану равнялся только Гома, но дикарь держался особняком и редко появлялся на глаза, так что казалось, что его нет совсем. Конан же, наоборот, был повсюду. Его напряженное внимание, его чуткость к любому звуку и шороху делали его особенно заметным в отряде.

Однажды Малия заметила, как из-под ног киммерийца порхнула стая птиц, похожих на фазанов.

Инстинктивным движением, четким и быстрым, как хлопок стальной ловушки, он выбросил вперед руку и схватил птицу за шею. Малия смотрела, как он повесил добычу у пояса, и думала о том, что никогда бы не поверила, если бы не увидела своими глазами. А на отдыхе он старался расслабиться, не дергался и не суетился, как другие. Его движения в эти минуты всегда минимальны и абсолютно точны. Такие приятные размышления Малии оборвались, когда Конан вдруг поднял руку.

— Стой! — сказал он тихо, но уверенно.

— Что случилось? — спросила Малия. Он замер на месте, раздувая ноздри и вглядываясь в даль, переводя взгляд с одной точки на другую. Подоспели остальные.

— Что случилось? — спросил Ульфило. Он быстро восстанавливал силы и дышал уже ровно. Спрингальд и Вульфред подошли вместе с Гомой.

— Видишь? — обратился Конан к проводнику.

— Вижу, — ответил тот.

— Что «видишь»? — раздраженно проговорил Спрингальд.

— Знак того, что мы здесь не одни, — сказал Конан. — Теперь пойдем медленно, приготовьте оружие.

— Иди сзади, Малия, — сказал Ульфило, доставая из ножен свой длинный клинок. Она подчинилась. Освобождаясь из дерева и кожи, шуршала сталь.

Конан и Гома пошли вперед, на расстоянии примерно двадцати шагов. Крутящие головой из стороны

в сторону, они были похожи на двух охотничьих собак, которые учуяли добычу. Остановившись у сооружения, похожего на каменную пирамиду, они подождали остальных.

— Оружие можете убрать, — сказал Конан. — Их здесь уже давно не было.

— Давно не было? — переспросил Ульфило. — О Митра! — воскликнул он в ту же секунду.

Вокруг пирамиды тянулся ров, в котором разводили огонь, а там, среди золы и пепла, белели чисто обглоданные кости. Человеческие кости. Кости валялись и повсюду вокруг.

— Вот что я тогда заметил, — сказал Конан. — А потом и камни.

— Большие разгрызали, чтобы добраться до мозга, — с дрожью в голосе проговорил Спрингальд. Он был бледен как полотно. — Здесь пировали каннибалы.

— Нет, не каннибалы, — сказал Конан, — а бумбана.

— Кто такие бумбана? — спросил Вульфред.

— Полулюди-полуобезьяны. Их множество обитает в этих горах, не брезгают любой добычей. Умеют разводить огонь, но человеческая речь им незнакома.

— Теперь понятно, кто здесь пировал, — сказал Спрингальд, постепенно приходя в себя. — Но кто же жертвы, ставшие пищей на этом пиру?

— Ищите, не осталось ли среди костей каких-нибудь опознавательных знаков, — приказал Конан. — Они лежат здесь уже много месяцев, и то только

потому, что гиены и другие пожиратели падали так высоко не забираются. Дерево и ткань уже, конечно, сгнили, но, может быть, найдем что-нибудь металлическое.

Все, кроме Спрингальда, принялись рыться в траве. Ученый муж занялся костями.

— Смотрите! — воскликнул матрос, держа в руке что-то блестящее. Все столпились вокруг него и рассматривали находку, передавая ее из рук в руки. Это была брошь, но очень необычной формы.

— Интересно, из какой она страны, — сказал Вульфред взволнованно. — А ведь через мои руки проходили сокровища многих земель.

— Должно быть, эти люди пришли сюда из-за гор, — сказал Ульфило.

— Они, наверное, путешествовали через те места, — сказал Спрингальд. — Но они не могут быть выходцами оттуда. Пойдемте, я что-то вам покажу.

Спрингальд устроился на уступе пирамиды, сложив у ног груды костей, а остальные стояли вокруг. Он поднял одну, напоминающую по форме полусферу. На выпуклой части ее прорезаны четыре желоба, образующих квадрат. Внутри этого квадрата кость была мягче, тонкая и пористая.

— Это, как вы видите, верхушка черепа, которую сняли, скорее всего, чтобы добраться до мозга, ведь он у бумбана считается деликатесом. — Не обращая внимания на сдавленные звуки, доносившиеся оттуда, где стояла Малия, он продолжал: — У этого человека произвели трепанацию черепа. Это

значит, кость вскрыли, чтобы уменьшить давление на мозг, вызванное болезнью или ранением. А такую операцию могут провести лишь очень опытные немедийские хирурги. Кость разрезают специальной шелковой нитью: нить обрабатывают алмазной пылью, и получается гибкая пила, с помощью которой можно вырезать небольшие участки кости. Операция была проведена много лет назад, и успешно. А теперь взгляните на это. — Он взял в руки челюстную кость. В одном месте блеснуло золото. — Этот парень лишился трех зубов, и ему их восстановили на стигийский манер. Вырвали у кого-нибудь, скорее всего у раба, три зуба и отпилили у них корни. Потом соединили вместе тончайшей золотой проволокой и такой же проволокой закрепили на соседнем, здоровом зубе. Я думаю, что перед нами останки кого-нибудь из экспедиции Марандоса.

— Но из какой экспедиции? — спросил Ульфилло.

— И чьи это останки? — в испуге сказала Малия. — Неужели здесь может быть и мой муж?

— Об этом трудно судить, — задумчиво проговорил Спрингальд, рассматривая свою коллекцию. — У Марандоса были какие-нибудь ранения или хирургические операции, оставившие след на костях?

— Никаких, — подавленно произнесла Малия.

— Что за дурацкие вопросы! — послышался голос. Он принадлежал одному из матросов, настоящему морскому волку с кольцами в ушах и с рубиновой серьгой в носу. Выгоревший на солнце платок покры-

вал голову, а лицо искажала злобная усмешка. — Какая нам разница, кто они такие? Мы в этот поход нанимались не для того, чтобы пойти на корм каким-то гориллам!

Его поддержали и другие. Конан и Ульфило уже доставали из ножен мечи, но к ним подошел Вульфред.

— Я разберусь, — сказал он вполголоса. Он шагнул к говорившему, свирепый, как вожак стаи, чье превосходство осмелился оспаривать молодой волк.

— Что это значит, Бламат? Ты что, хочешь быть капитаном, ты, подлое отродье? Ты что, решил сам повести «Морской тигр»? — Он презрительно рассмеялся. — Да ты и полулиги от берега не отойдешь, как все вы будете кормить рыб на дне!

— Послушай, командир, — зарычал тот в ответ, — я не бунтую, но мы ведь матросы, а не какие-то сухопутные ящерицы. Так какое нам дело до всего этого и зачем тащиться через проклятые горы? Только потому, что так хотят эти аристократишки?

— Какое нам дело? — проревел Вульфред. — Какое дело, говоришь? — Он сунул матросу в лицо блестящую брошь. — Этого для тебя недостаточно? Ты что, не хочешь еще такого найти? Да эта побрякушка стоит столько же, сколько тебе заплатят за два года службы! Еще несколько таких вещей — и тебе в жизни больше не придется к мачте подходить! Разве это не стрит того, чтобы немного потерпеть, а? А что, морская жизнь легка и безопасна,

что этот небольшой поход тебя совсем испугал? Никогда еще не было на моем корабле трусов, за что же морские боги меня так наказали? — На его лице появилось выражение полукомического ужаса, а матросы уже бросились к своему капитану, доказывая свою верность и готовность пойти за ним куда угодно.

— Веди нас, капитан! — сказал костлявый зингарец с лицом, рассеченным шрамом от лба до самого подбородка. — Веди нас к сокровищам!

— Да! — подхватил кушит, зубы которого напоминали акульки. — Веди нас туда, где золото и драгоценности, и мы не пощадим твоих врагов и насытимся их кровью!

Хмуро подошел и Бламат. Он признался, что сказал не по делу.

— Так-то лучше! — примирительно ответил Вульфред. — Теперь я вижу, что все еще ваш капитан. А сейчас — на поиски, несите сюда все, что может оказаться полезным. А если кто попытается утаить что-нибудь ценное, я с того шкуру спущу! На море вора нет пощады. Все, идите. — Люди с таким рвением бросились исполнять его приказание, как будто они поднимали паруса на мачте. Капитан вернулся к собравшимся у пирамиды.

— Просто мастерски! — с восхищением произнес Спрингальд.

— Да, все прошло неплохо, — сказал Вульфред. — Но эти ребята как дети малые, никогда не знаешь, чего от них ждать. Такое может еще не раз повториться.

— С каждым днем пути все больше и больше претендентов на сокровища, — мрачно заметил Ульфило.

Вульфред усмехнулся:

— Слушай, друг, неужели ты и вправду думал, что эти морские волки найдут с тобой сокровища, вывезут их на своих спинах, а потом и уйдут ни с чем? Да такого глупца во всем свете не сыщешь.

Ульфило залился краской, но ничего не сказал.

— Он прав, — сказала Малия. — Придется дать им немного, или они будут драться за все целое. И потом, кто-то ведь должен вести корабль!

Поиски не дали больше никаких результатов, и через час путники уже двигались дальше. Люди теперь не разбредались, как раньше, на большие расстояния, а держались тесной группкой, в любую минуту готовые выхватить оружие. Остатки праздничного обеда на всех произвели жуткое впечатление.

Сбившись в кучки вокруг костров, матросы вздрагивали от любого шума. Аквилонцы же если и чувствовали страх, то хорошо скрывали свои чувства. Конан обошел вокруг лагеря, но ничего не увидел и не услышал. Тем не менее этой ночью он спал более чутко.

На следующий день они добрались до вершины и увидели впереди горный перевал. Это не просто проем в цепи гор. В некие далекие времена гора раскололась, и по обе стороны перевала поднимались гладкие, почти вертикальные каменные стены.

За тысячелетия сюда нанесло земли, на которой, правда, почти ничего не росло, потому что в разлом проникало совсем мало света.

— Наконец-то! — сказал Вульфред. — Совсем немного пройдем по этому перевалу и начнем спускаться!

Одобрительно посмеиваясь, матросы с легким сердцем ступили в этот разлом. Конан и Гома, осторожные как и всегда, пошли вперед. У киммерийца за плечами трудная, полная приключений жизнь, и он прекрасно понимает, что если перевал на первый взгляд кажется легким, то это вовсе не значит, что он такой и есть на самом деле.

— Мне тоже нравится прямая дорога, на которой нет препятствий, — говорил Конан своему товарищу, — но я не люблю узких проходов, где некуда повернуться и остается только пробиваться любой ценой вперед или же бежать назад.

— Да, это мудрые слова, — согласился Гома. — Но есть места еще похуже этого. Здесь можно хотя бы размахнуться топором или мечом.

— Да, это... Что это? — Конан показал на высокую скалу. На ней было что-то высечено, но изображение испортила вода, стекающая по отвесным стенам.

— Какой-то знак на камне, — ответил Гома, пожимая плечами. — Ну и что?

Немного приподнявшись, Конан смог дотянуться рукой до изображения. Края успели раскрошиться за бесчисленное множество лет, поросли лишайником, но рисунок разобрать еще можно — в овальной рам-

ке был вырезан волнистый трезубец, соединенный полумесяцем.

— Что ты там нашел? — спросил Спрингальд, когда с ними поравнялись остальные.

— Нечто такое, что требует разъяснений, — горячо заговорил Конан. — Скажите, что вы делали все втроем... — Его слова заглушил резкий, дикий, нечеловеческий вопль. Конан так увлекся своей находкой, что не заметил приближения врагов.

— Бумбана! — воскликнул он. С восточного края перевала на них надвигалась бесформенная волосатая масса.

— Это каннибалы! — закричали матросы. — Бежим!

— Нет, они и сзади! — заорал Вульфред. — Мы должны прорваться вперед или умереть здесь! За оружие, псы!

Коротко размахнувшись мечом, Конан пронзил грудь одного из этих чудовищ. Он все состояло из мускулов, клыков и удушающей вони. Огромная туша повалилась на него, и киммерийцу пришлось на несколько шагов отступить, пока он вытаскивал свой меч.

Гома легким топориком поразил двоих, не терял времени и Ульфило. Вульфред, изо все сил работая клинком, затянул ванирскую боевую песнь. Иногда он подталкивал кого-нибудь из матросов вперед, если надо было помочь вожакам. Остальные же предпочитали прятаться во втором ряду и бить копьями оттуда. Все в отряде были искусными бойцами, но потерь избежать не удалось. У бумбана

исполинская сила и нечеловеческая выносливость, им не составляло труда выхватить кое-кого из матросов и разорвать их на части голыми руками. Из оружия у них были только грубые дубинки. Некоторые держали в своих корявых лапах обтесанные камни.

Постепенно под натиском отряда бумбана отступали, фут за футом. Запах крови и распотрошенных внутренностей заглушал вонь самих горилл. Раздался крик, это огромные руки схватили матроса, и жуткие челюсти уже впивались в его тело. Сосед этого матроса погиб тихо, ему просто свернули шею, и он не успел издать и звука.

Вскоре, однако, эти твари выбились из сил. Как одно огромное волосатое существо, они развернулись и побежали прочь. Они унесли с собой всех погибших, и своих, и людей. В пылу драки люди бросились за ними, взбешенные сражением да и судьбой тех, кого унесли с собой бумбана. За считанные минуты преодолев перевал, они успели только увидеть, как бумбана исчезли в густой чаще леса, раскинувшегося на восточном склоне. Прямо перед ними простиралось голое каменное плато длиной около десяти шагов, на которое и бросились совершенно обессиленные люди.

Малия громко всхлипывала. Участия в драке она не принимала, но до полного изнеможения ее довел животный ужас. Немного придя в себя, она накинулась на Вульфреда:

— Ты напугал меня! Я думала, мы в ловушке! Но сзади ведь не было горилл.

Он пожал плечами:

— Если бы мои ребята об этом узнали, они бы бросились бежать. Должен же был я как-то их заставить идти вперед.

— Нам очень повезло, что у них не хватило ума зайти с обеих сторон, — сказал Конан.

— Да, — согласился Ульфило, который в это время методично чистил свой залитый кровью клинок. — Если бы они догадались, мы бы все погибли.

— Посмотрите туда! — сказал Спрингальд, показывая на восток. В первый раз за все это время они огляделись вокруг.

Сразу за каменной платформой, на которой они расположились, дорога уходила резко вниз, так резко, что им видны были верхушки ближайших деревьев. Тянулся обширный горный склон, за которым раскинулось огромное пространство коричневого песка.

— Пустыня! — устало проговорила Малия.

— Нет! — воскликнул Спрингальд. — Еще дальше!

Там, куда он показывал пальцем, люди едва могли различить две каменные глыбы, почти симметричные, слева — снежно-белую, а справа — глухого черного цвета.

— Это Рога Шушту!

— Так, значит, это правда! — сказал, помодчав, Ульфило.

— А ты что, сомневался? — скрипучим голосом спросил Спрингальд. — Древним книгам нельзя не доверять.

— Да, — сказал Вульфред, похлопывая ученого мужа по плечу, отчего тот едва не потерял равновесие. — Я в тебе никогда не сомневался.

— Кажется, что совсем недалеко, — заметила Малия. — Уж отсюда, по крайней мере, их видно.

— Не будь наивной, — сказал Конан. — С такой высоты видно на многие дни пути. Гома, там есть источники?

— Да, есть немного, — проводник кивнул. — Все опасные, многие пересыхают.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил Ульфило.

— Некоторые — просто углубления, в которых собирается дождевая вода. Они в основном безводны, рассчитывать на них нельзя. В некоторых местах наружу выбиваются подземные ключи, они тоже часто пересыхают. Существует один большой источник, в котором всегда есть вода, и он же самый опасный, потому что к нему сбиваются животные на многие мили вокруг, а значит, там в больших количествах водятся хищники.

— Львы? — спросила Малия.

— Да, и дерзкие гиены, и большие кошки, и такие, каких больше нигде не встретишь. А каннибалы пустыни — еще более свирепые, чем жители равнины. К тому же они, скорее всего, отчаянно голодают, а значит, могут нападать на людей. Такому зверю для охоты нужны обширные территории, поэтому львы и другие хищники вытесняют друг друга с хороших мест. Проигравший часто получает в этом бою раны и не может охотиться за

антилопой или быстрой серной. И ищет поэтому добычу слабую и легкую.

— То есть нас, — закончил Спрингальд.

— Даже противно пахнувшая человечина становится мясом, если льву от голода подвело живот, — сказал Гома.

— Здесь нам больше делать нечего, — сказал Ульфило своим обычным, не допускающим возражений тоном. — Все уже пришли в себя? Серьезные раны есть?

Все, как оказалось, уже отдохнули, опасных ран нет.

Ульфило убрал меч в ножны:

— Так веди нас, Гома.

Взвалив на плечи свою поклажу, люди двинулись вниз по склону.

Глава 10

ПУСТЫНЯ

Восточные склоны гор оказались еще более крутыми. Непроходимый лес вставал стеной, так что иногда приходилось прокладывать себе путь мечом и топором. Деревья здесь были гораздо выше, чем на западных склонах, а внизу раскинулись заросли бамбука, густой травы с острыми краями и колючего кустарника с плоскими мясистыми листьями, чем-то похожими на кактусы. Все это очень затрудняло движение; люди шли медленно, то и дело приостанавливаясь, чтобы прорубить себе путь в зарослях; в солнечных лучах, что пробивались сквозь зеленый навес, вспыхивали ярким светом их клинки. Это движение очень не нравилось лесным жителям, повсюду слышались испуганные птичьи выкрики и пронзительные голоса недовольных обезьян.

— Что это за страна такая, — жаловался один из матросов, отирая пот со лба, — виданное ли дело: спускаться с горы труднее, чем подниматься?

— Тебе что, понравилось драться с этими гориллами? — отозвался Вульфред. — Вместе кровавой

бойни у нас всего лишь славная прогулка, так что ты должен радоваться.

Матросы ворчали вполголоса, но слушались своего капитана. В такой день, как этот, даже перспектива несметных богатств не могла поднять их дух. Настоящие морские волки, они страдали в этом долгом походе, не похожем на их морскую жизнь.

Конан возобновил свои разведывательные вылазки, он прочесывал территорию по обеим сторонам колонны на этот раз с определенной целью: высматривал, нет ли где засады бумбана. Поблизости никого не было, но Конан знал, что они где-то рядом. Быстро и неслышно он скользил сквозь заросли, не оставляя после себя никаких следов. В юности его обучили лесным премудростям пиктов, и теперь это умение, незаменимое в Пустошах Пиктов, пригодилось ему и в тропических джунглях.

Восточный склон весь был изрезан глубокими крутыми оврагами. Подъем был трудным, но эта часть пути — опаснее. Несмотря на кажущуюся твердость, рыхлая земля рассыпалась под ногами, идти приходилось с большим трудом. Вдоль лощин бежали ручьи, которые потом внезапно обрывались вниз, и вода обрушивалась на дно оврага. Во всяком случае здесь, в горах вдоволь чистой питьевой воды, думал Конан.

На его пути встречалось и кое-что пострашнее засады бумбана. Тут и там попадались следы животных, которых он никогда не видел. Мягкая глина хранила огромные отпечатки, по форме напоминавшие человеческую руку, и Конан подумал, что это

следы гигантской обезьяны. В другом месте он обнаружил следы когтей огромной птицы, а рядом — осколки скорлупы, которая могла бы вместить цтенчика размером не меньше слоненка. Трудно сказать, чьи это следы — птичьи или же какой-нибудь рептилии, но в любом случае размеры этого существа огромны, и, судя по следам коготков, питается оно вовсе не травой.

Высматривая пададь, в вышине лениво кружились огромные грифы. Им, похоже, редко приходится ждать долго. Вскоре Конан заметил, как не меньше двух десятков птиц медленно опустились на землю на расстоянии примерно сотни ярдов от того места, где он стоял; поднялся страшный шум. Далеко-далеко он различил струйки дыма, это, должно быть, бумбана готовят свой кровожадный пир. Конана передернуло от одной только мысли, но идти и выяснять он, конечно же, не собирался. Мертвые уже мертвы, а сейчас главное — сохранить жизнь тем, кто еще жив. Его отряд заметно поредел, а до цели еще очень далеко.

Внезапно раздался резкий, пронзительный крик, и Конан бегом бросился назад, к колонне. Он двигался с быстротой молнии, но ни один листок не шелохнулся, пока он пробирался сквозь заросли. Конан увидел, что люди стоят у края обрыва и смотрят вниз, на дно глубокого оврага.

— Что случилось? — спросил он.

Вульфред указал на острые скалы внизу. Там неподвижно лежало тело.

— Бугнар поскользнулся на лиане и свалился с обрыва. Мы ничем не могли ему помочь.

Конан оглянулся на остальных. Никогда еще они не были столь серьезны. От двух десятков, что начинали с ним путь, осталась лишь половина. Скольких еще заберут горы и пустыня, и что ожидает их у Рогов Шушту?

— Впредь, — объявил он, — Гома и я будем идти на расстоянии не более двадцати шагов, чтобы все могли нас видеть. О любой опасности впереди мы будем вас предупреждать, будьте начеку. Если увидите впереди море, не расслабляйтесь! Горы этого не любят.

С этими словами он повернулся и пошел вперед, Гома последовал за ним. Остальные хмуро молчали, но исполняли его приказ в точности.

Спуск занял еще три дня. В некоторых местах приходилось спускаться по веревке, перепрыгивая с уступа на уступ. Однажды без всякой видимой причины на них напали огромные, размером с человека птицы. Гома решил, что они, вероятно, прошли совсем близко от гнездовищ этих тварей. Однажды на тропу упала темная тень, люди остановились как вкопанные. Это была обезьяна, не такая крепкая, как горилла, но ростом добрых девять футов. Взглянув на людей своими крошечными красными глазками, она оскалилась и издала боевой клич. Они уже держали наготове копья, но обезьяна, решив, видимо, что этот противник не представляет опасности, просто свернула с дороги обратно в лес. Все облегченно вздохнули, и отряд двинулся дальше, но люди еще долго бросали встревоженные взгляды на зеленые заросли.

Когда наконец они достигли подножия горы и ступили на ровную землю, радости не было предела. Под ногами расстилались мягкие травы, орошаемые горными ручьями, которые, однако, все уходили под землю. Через полдня пути это зеленое царство кончилось.

— Здесь начнется пустыня, — сказал Гома, стоя у края небольшого озера шириной не более двадцати футов, сквозь прозрачную воду которого проглядывало каменистое дно. — Мы должны наполнить бурдюки, надо взять как можно больше воды. Несколькими днями источника больше не встретится.

— Сколько дней? — спросил Ульфило.

— Может быть, три, — пожал плечами Гома. — Может быть, пять, десять или даже больше. Все зависит от того, с какой скоростью мы пойдем и сколько источников уже пересохло. До ручья, который никогда не пересыхает, примерно десять дней пути, это если у нас не будет раненых или не случится в дороге чего-нибудь еще.

Ульфило посмотрел на солнце:

— До утра отдохнем. Пока не стемнело, приведите в порядок себя и оружие. Пейте как можно больше. Завтра на заре выступаем.

У воды разбили лагерь, палаток не ставили, и это много времени не занимало. Некоторые отправились на поиски дров, остальные занялись починкой одежды, надо было почистить и поточить копыя, требовали внимания и стоптанные башмаки. Конан и Гома отправились на охоту и еще до наступления сумерек вернулись с парой газелей, которых голодные матро-

сы быстро освеживали и бросили на тлеющие угли. По настоянию Ульфило все путешественники старались напиться как можно больше, каждый по нескольку раз подходил к озеру и пил сколько мог. Раздувшись от выпитого, они отползали в сторону и засыпали мертвецким сном.

Конан подошел к костру, у которого сидели аквилонцы и ванир; они говорили о трудностях предстоящего пути. Чуть поодаль стоял Гома, опираясь на ручку своего топорика, он был погружен в какие-то глубокие раздумья и не отрываясь смотрел на восток, как будто мог разглядеть что-то в неведомой дали.

Киммериец присел у огня и взял в руки вертел с мясом. Он постарался внимательней присмотреться к своим товарищам. Трудности пути оставили на каждом свой отпечаток. Малия была похожа на привидение, на лице остались только огромные глаза, черты заострились. Но красота ее от этого не пострадала. И у Вульфреда поубавилось солидности, а на его широком ремне появилось несколько новых дырочек, свидетельствовавших о том, насколько стройнее стал капитан. Спрингальд тоже похудел. Меньше других изменился Ульфило, потому что всегда был подтянутым и сильным.

— Во время перехода, незадолго до нападения этих горилл, — начал Конан, — я обнаружил вырезанный в стене рисунок.

— Рисунок? — с непонимающим видом переспросил Спрингальд.

— Да. А что в этом удивительного? Разве эти рисунки не попадались и Марандосу?

— Откуда тебе об этом известно? — с негодованием набросился на него Ульфило. Его рука сама собой потянулась к мечу, но Спрингальд примирительным жестом удержал его.

— И что же ты видел, Конан? — обратился к нему книжник.

— А, Конан? — вступил в разговор Вульфред. — Что это было?

— Вот такой формы, — ответил киммериец. И он вертелом нарисовал на песке полумесяц и трезубец.

— Вот как, очень интересно, — заметил Спрингальд.

— Да, интересно, — отозвался Конан. — В той деревне на побережье вождь племени рассказал мне, что этот знак украшал мачту на корабле Марандоса. И точно такой же я сам видел в Кеми, на стене одного дома.

— Так ты следил за нами, подлая собака! — Ульфило вскочил на ноги и на этот раз успел обнажить свой меч.

Конан смотрел на него холодным взглядом:

— Следил, а что в этом такого? Если бы только я знал, какие вы все двуличные и скрытные, никогда бы с вами не пошел. Вы ни слова не сказали правды о том, за чем идете. Все, что я узнал, узнал вопреки вашим секретам. Если это и называется «честью благородных», то я горжусь тем, что я варвар и бандит, каким вы меня и считаете!

— Я не потерплю этого от подлого дикаря! За оружие!

— Перестань, — презрительно произнесла Малия. — Он говорит чистую правду. Разве мы играем в

открытую? И я вполне его понимаю, он не мог не следить за нами. Интересно только, как ему это удалось.

— Наш Конан ловок и умен, — заметил Спрингальд. Несмотря на усталость, его глаза светились.

Ульфилло медленно, неохотно убрал меч.

— Я с этим не смирюсь, — пробормотал он.

— Я тоже, — отозвался Конан. — Во всяком случае, пока не буду знать всего, что должен, о нашем путешествии и его целях и о том еще, кого кроме нас, бездомных бродяг, вы впутали в это дело.

— Да, и мне это тоже интересно, — сказал Вульфред. — Когда в конце пути маячат сокровища, я на все согласен, но в омут с закрытыми глазами кидаться не намерен, особенно если остальные что-то знают и молчат. — И следа не осталось от его недавней веселости. Взгляд сверкал северным льдом, а рука лежала на эфесе меча. Матросы же в блаженном неведении молчали.

Ульфилло упорно не произносил ни слова, и Малия не выдержала:

— Это попросту глупо! Послушай, деверь, мы вполне можем все им рассказать. До дома — тысячи лиг, впереди — безжизненная пустыня, и в этих мрачных местах мы от них полностью зависим. А если они повернут назад? Пора этому положить конец! Давай им все расскажем!

Ульфилло неохотно кивнул:

— Хорошо. Спрингальд, давай, у тебя это лучше получится.

— По крайней мере, не так коротко, — сухо заметил Вульфред.

— С чего начать? — спросил Спрингальд со вздохом.

— Начни с того, как Марандос после своей первой неудавшейся экспедиции приехал в Кеми, — предложил Конан. — Расскажи о всех его делах со жрецом Маата.

— Хорошо. С теми, кто остались в его команде, Марандосу удалось все же добраться до Кеми, но они попали в бурю, судно было совсем старым, и поэтому, когда они бросили якорь на Черепашьем, стало ясно, что больше на этом корабле выходить в море нельзя. Корпус капитан продал на дрова и стал искать какое-нибудь другое судно, чтобы предпринять еще одну попытку. Через несколько дней к нему обратился один человек, который сказал, что представляет интересы одного богатого купца из Кеми. Его хозяин интересуется выгодными предприятиями, связанными с походами в южные моря, и хочет переговорить с Марандосом. Этот человек принес ему пропуск в город, и они договорились о встрече.

Когда Марандоса привели в дом этого купца, над дверью он увидел знак. Точно такой же он видел и во время своего путешествия. Он почувствовал неладное, но помощи ждать было неоткуда и выбирать не приходилось. Он вошел в дом. Так он познакомился с Сетмесом, верховным жрецом Маата. Священник принял его весьма гостеприимно и тепло. Его рассказ он выслушал с неослабевающим вниманием. К удивлению Марандоса, он, казалось, многие вещи знал наперед, как будто ему тоже знакома история странствий капитана Бельформиса.

Марандос рассказал ему и о Рогах Шушту; жреца вовсе не удивило, что его отряд не сумел преодолеть этот горный переход и выйти в долину, что лежит за ним.

— Не сумел? — переспросил Конан.

— Да. Видишь ли, пифонцы приняли кое-какие меры предосторожности, которые, кажется, действуют и по сей день. Чтобы пройти это место, надо знать определенные заклинания.

— Заклинания? — рявкнул Вульфред. — Так, значит, здесь и колдовство замешано?

— А почему же ты не знал об этом раньше, ведь ты все досконально изучил? — спросил Конан.

— Потому что некоторые страницы из всех книг были изъяты.

— Изъяты? — переспросил Конан. — Разве это возможно?

— Помнишь, я тебе рассказывал, что около двухсот лет назад эти книги были отправлены в Стигию на переплетные работы?

— Да, помню.

— Так вот, наверное, как раз тогда кое-какие страницы и изъяли. Когда пришло письмо от Марандоса, я еще раз внимательно изучил книгу и понял, что так и есть. Повествование идет гладко. Читателю кажется, что капитан Бельформис дошел до Рогов, полюбовался долиной внизу, а потом просто повернул назад. Не забывай, он не знал, что идет по следу сокровищ. Он только искал новые торговые пути и на знаки, которые ему встретились, не обратил внимания.

— Как же ты догадался, что страниц не хватает? — спросил Конан.

— Есть одна хитрость. Вот, смотри. — Он протянул Конану древний том. — Бич всех книголюбов — книжный червь. Эти прожорливые, пусть и ученые твари прогрызают дыры и в страницах, и в переплете. Даже один такой червяк в состоянии прогрызть целую полку с книгами. И по этим дырам на обложках можно без труда составить книги в том порядке, в каком они стояли первоначально на полке владельца.

— Чего только не узнаешь от этих книжников! — проворчал Вульфред.

— Давай дальше, — торопил рассказчика Конан.

— И даже если червь продвигается под углом, то дырки на соседних страницах все равно расположены достаточно ровно, и получается длинный узкий канал. Вот смотрите. — Раскрыв книгу, он зажал между ладонями полдюжины листов и поднял их к свету. Сквозь крошечные дырки пробился яркий лучик.

— Понятно, — сказал Конан.

— Так вот, — продолжал Спрингальд, — когда я осмотрел интересовавшие меня страницы, я обнаружил несоответствие. Вот здесь Бельформис описывает восхождение к Рогам, а на следующей странице — уже возвращение обратно. — Соединив эти листы, он поднес книгу к огню. Свет не проникал. — И мне стало ясно, что, когда книгу переплетали, несколько страниц просто вынули.

— Не проще ли бы спрятать саму книгу? — спросил Конан.

— Те, кто этим занимался, побоялись, наверное, что потерю обнаружат. В конце концов, все эти книги — из хранилища Королевской библиотеки, они имеют немалую ценность, поэтому и были посланы в Стигию для переплетных работ. А библиотекари прошлых поколений работали, наверное, добросовестнее, чем их коллеги в наш век упадка. А если вырвать всего лишь несколько страниц, то этого точно никто не заметит.

— И этот Сетмес снабдил Марандоса и кораблем, и командой, и всем необходимым. Ясно, что он тоже искал выгоды, и немалой. В чем заключалась их сделка и как они собирались преодолеть этот горный переход?

— Ты прав, — продолжал Спрингальд, — доброта и бескорыстие — не самые частые добродетели стигийцев. Видишь ли, жрецу были известны все заклинания, которые необходимы, чтобы благополучно преодолеть переход между Рогами Шушту.

— Откуда он мог их узнать? — поинтересовался Вульфред.

— Когда пал Пифон, королевские сокровища доверили именно верховному жрецу Маата. И сейчас богатства охраняют чары этого самого бога.

— Не вижу никакого смысла, — не удержался Конан. — Если жрец Маата спрятал сокровища, то его теперешний приемник должен знать, где они находятся. Зачем он будет помогать тому, кто хочет найти их и присвоить?

— Этот жрец в некотором роде... вероотступник. На протяжении многих веков тайна сокровищ

поверялась служителям Маата, но сами они этими богатствами воспользоваться не могли. Сокровища должны храниться до возвращения правящей фамилии и возрождения королевства. Сетмес понимает, что королевства больше нет и не будет. Давным-давно умер последний из претендентов на престол. Уменьшился и культ Маата, пока наконец не остался только один Сетмес.

— Но в Стигии ничего не исчезает просто так, — заметил Конан.

— Но Маат никогда не принадлежал к стигийскому пантеону, — пояснил Спрингальд. — Пока при местном дворе состояли претенденты на пифонский престол, этот культ еще терпели. А без официальной поддержки и помощи все вскоре сошло на нет. Сетмес, — последний из претендентов, он считает, что сокровища по праву принадлежат ему, и хочет на старости лет насладиться беспечной жизнью.

— И ему понадобилась помощь? — спросил Конан. — Кто-то, кто бы добыл для него эти сокровища?

— Именно так. Он уже собирался снарядить экспедицию и строил свой собственный корабль, когда вдруг в Кеми объявился Марандос со своей историей о путешествии к Рогам Шушту. Сетмес увидел в этом знамение, как будто сам Маат дает ему понять, что пришло время отдать сокровища тому, кто так долго хранил и берег их тайну. Так почему не поручить это предприятие человеку, который уже знает и водный путь, и земли в тех краях? Потребовав от Марандоса определенных... клятв, он согласился снарядить его второй поход.

— Каких клятв? — спросил Вульфред.

— Он требовал всего! — резко сказал Ульфилло. — Если сокровища не будут найдены, он требовал наших земель, наших титулов, даже его жену!

— Это правда? — Конан повернулся к Малии.

Она высоко вскинула голову, но подбородок у нее дрожал.

— Да. Если Сетмес останется хоть чем-то недоволен, я становлюсь его собственностью.

Вульфред презрительно фыркнул:

— Эта клятва незаконна, а значит, не имеет силы, потому что он был не вправе требовать от вас таких обещаний. Почему вы просто не рассмеялись ему в лицо?

— Боюсь, что эта клятва — несколько иного рода, — ответил Спрингальд вполголоса. — Какой-то совсем необычный стигийский договор, полный страшных проклятий. Марандос подписал его собственной кровью, а поскольку кровь у братьев общая, то они оба связаны этой клятвой.

— А Малия? — спросил Конан. — Она ведь не родня по крови?

— Это всегда можно обойти. Короче говоря, она тоже связана этой клятвой.

— А ты сам? — поинтересовался Конан.

— Ведь именно благодаря мне они вообще здесь, значит, я тоже несу определенную ответственность. И потом, — он выразительно пожал плечами, — сокровища здесь, и я хочу получить свою долю.

— Это-то я как раз могу понять, — заметил Вульфред, — хотя все остальное очень меня смущает.

— А теперь, если вам все ясно, — сказал Ульфилло, — пора расходиться, впереди — пустыня, и завтра рано выступать.

— Все ясно? — переспросил Конан. — Далеко не все. Но на сегодня достаточно.

Путешественники устроились на ночлег.

На следующее утро Конан проснулся раньше остальных. Солнце еще не встало, и только серая полоска далеко на востоке предвещала зарю. Он встал, потянулся, с удовольствием вдыхая прохладный утренний воздух. У тлеющего костра, опираясь на копье, дремал часовой. Конан осмотрелся в поисках Гомы, но того поблизости не было.

Вскоре зашевелились и остальные. Поднялся Вульфред и начал распинать своих матросов, чтобы они готовились к предстоящему переходу. Когда он наконец подошел к Конану с пожеланиями доброго утра, восток уже ярко алел, окаймленный бледно-голубой полоской.

— День будет подходящий, — сказал ванир. — Не жарко.

— Пока солнце не поднялось, — ответил Конан. Он взглянул назад, туда, откуда они пришли, на склон горы. — Возможно, нам придется... Кром! Что это еще? — На вершине горы он заметил какую-то точку.

— Что? Что там такое? — Вульфред посмотрел в ту сторону, куда показывал Конан. — О Имир!

Они видели металлический блеск. Солнце, хотя еще и не поднялось над их головами, уже бросило луч на вершину горы, который и был отражен этим металлом.

— Там люди, — сказал Конан. — По нашим следам идет вооруженный отряд.

— Думаешь, дикари?

— Нет. Ты видел, какие у дикарей копья. Они их не чистят, а просто смазывают жиром от сырости, и металл покрывается слоем грязи. Они не могут так блестеть. Это наши друзья с черного корабля.

— Стигийцы?

— А кто же еще? Они идут за нами по пятам от самого Кеми, все время где-то рядом.

Ванир крикнул и поскреб бороду:

— Умный наблюдатель не отпускает свой объект слишком далеко, но это уж чересчур.

— Они не просто следят за нами, — сказал Конан, когда увидел, что на вершину поднимаются все больше и больше вооруженных копьями людей. — Они хотят, чтобы мы своими силами добыли сокровища, а потом собираются его отнять.

— Если они и в самом деле так думают, их ожидает некоторое разочарование, — сказал Вульфред. — Моя команда, может быть, не самая образцовая и не самая послушная, но драться умеет.

— Да, согласен, но бойцов у нас становится с каждым днем все меньше и меньше.

— Но и у тех, наверное, тоже есть потери. Они ведь идут тем же путем. Слушай, Конан, может быть, пока не стоит рассказывать обо всем этом остальным?

— Пожалуй, ты прав, — согласился киммериец.

— И аквилонцам тоже.

— А им почему? — спросил Конан.

— Мы знаем, какой Ульфило. Он отличный воин, в этом нет сомнения, но у него обостренное аристократическое чувство собственного достоинства. Если он решит, что этот стигийский жрец его предал — а так оно и есть, — он захочет повернуть назад и встретиться с ним в честном бою. А мы к этому не готовы. Для сражения нужна хорошая подготовка и выгодная позиция.

— Да, так будет лучше всего, — согласился Конан.

Вульфред хлопнул его по плечу:

— Так давай, иди вперед, надо вести людей через пустыню.

Конан смотрел, как Вульфред пошел к костру. Он понимал, что молчание пока — самое лучшее. Ванир хитер и прекрасно справляется со своей командой, но все же Конан не очень-то ему доверял. Он опять посмотрел вверх, на гору. Стального мерцания больше не видно. Видимо, через вершину перевалил уже весь отряд, но сколько их там, Конан сказать не мог. Впрочем, скоро все разрешится, может быть, даже слишком скоро.

Они наполнили водой свои бурдюки, напились в последний раз и выступили в путь.

— А где Гома? — спросил Ульфило. — Этот черномазый негодяй нас бросил?

— Мы его скоро нагоним, — ответил Конан. — Он странный и по каким-то своим причинам хочет идти с намн. Он где-то рядом.

— Не так уж и плохо, — заметила Малия, окидывая взглядом голую землю, простиравшуюся во-

круг. — Твердая почва под ногами, не так противно, как в джунглях, и идти легче, чем в гору. — Никогда еще за все путешествие она не выглядела такой свежей и веселой.

— В пустыне трудности совсем другие, — отозвался Конан. — Жара и сушь — вот что здесь самое страшное. А взять воды вдоволь все равно нельзя, потому что много уходит с потом. Остается только надеяться, что дотянешь до следующего источника.

— Мне кажется, что эти мешки с водой совершенно бесполезны, — сказал Спрингальд, за спиной у которого висел довольно вместительный бурдюк, под тяжестью которого он уже не бежал своей обычной трусцой, а шел медленно и с трудом. — Помоему, из-за лишней тяжести только сильнее потеешь. Лучше уж просто умереть от жажды, зато с относительным комфортом.

— Вон Гома, — сказал Конан, показывая вперед.

Малия смотрела вперед, но солнце светило прямо в глаза.

— Я никого не вижу.

— Вон он, там, — повторил Конан.

Через несколько минут Гому увидели все. Он стоял, скрестив ноги и опираясь на свой топорик, с головы до ног он был закутан в свое красно-коричневое одеяние.

— Ну как, что-нибудь нашел? — спросил Конан, когда они поравнялись с проводником.

— Здесь давно никто не ходил. И дождей, похоже, не было. Значит, первый источник, скорее всего, пересох. Он подпитывается только дождевой водой.

— А хищники? — поинтересовался Ульфило.

— Здесь пока нет. Но будьте осторожны, когда подойдем к воде.

Спрингальд огляделся вокруг.

— Здесь негде укрыться. Как же они могут подойти близко?

На загорелом лице Гома ярко вспыхнула белозубая усмешка.

— Негде укрыться? Присматривайся к каждому камню, там может прятаться лев.

Солнце поднялось, и жара усилилась. К полудню люди уже едва дышали. На открытом месте не было необходимости идти ровным строем, и все разбрелись, выбирая для себя более удобный путь. По приказу Ульфило устроили привал, но палящее солнце не давало покоя, а укрыться было негде. Строго-настрога было запрещено расходовать воду, но люди то и дело тайком прикладывались к своим бурдюкам.

На закате они подошли к первому источнику. Как и говорил Гома, он оказался почти сухим, только на дне немного грязной воды, вокруг которой виднелись следы змей и ящериц. Путешественники сложили костер из веток сухого кустарника и устроились на ночлег.

— И это только первый день, — сказала Малия. Ее прежнее веселье пропало, как только она ощутила весь ужас пустынной жары.

— Зачем это капитану Бельформису понадобилось идти по пустыне? — спросил Конан. — Он ведь просто разведывал торговые пути. А отсюда он должен был бы немедленно повернуть назад.

— С веками изменяется климат, — пояснил Спрингальд. — Хотя никто и не знает, почему так происходит. Во времена Бельформиса здесь была засушливая саванна, очень похожая на ту, что по другую сторону горы. А потом почему-то дожди прекратились, и эта земля превратилась в пустыню.

Конан кивнул:

— Да, я видел развалины городов и в пустынях, и в болотистых джунглях. Когда-то вокруг них, наверное, расстилались плодородные поля.

— Именно так. По легендам, города приходят в упадок из-за проклятий богов. Или земли теряют плодородие, или идут сильные дожди, или, наоборот, засуха. Человек не может без еды, и, если земля перестает его кормить, он ищет другое место. От полей и пастбищ зависит судьба цивилизации. А там, где этого нет, обитают только кочевники.

— А в этой пустыне есть разрушенные города, Гома? — спросила Малия.

— Попадают места, где раньше стояло много домов, — ответил Гома. — Больших домов, не таких, как на побережье, здесь они из камня. О том, кто их построил и в них жил; не осталось даже легенд.

— Вот видишь? — заговорил Спрингальд. — Эти земли были когда-то плодородными. А еще раньше здесь, наверное, была пустыня, такая же, как сейчас, все повторяется по кругу.

— Только море остается всегда на одном месте, — сказал Вульфред. — Морю можно доверять.

— Не всегда, — отозвался Спрингальд. — Морские волны шумят сейчас над всем известной Атлантидой, и погубивший ее катаклизм изменил побережье. А город Амапур в Туране когда-то был прибрежным, там до сих пор можно найти остатки каменных верфей, хотя он расположен на расстоянии сотни лиг от ближайшего...

— Угомонись, Спрингальд. Ложись спать, а то заговоришь нас до смерти. — В голосе Ульфило звучала строгость, но дружелюбная. Все засмеялись, а Спрингальд недовольно замолчал.

Следующий день был еще тяжелее. Солнце палило сильнее, путь затрудняли валуны и камни, а воды оставалось совсем немного — на дне тощих бурдюков. Ботинки и сандалии путешественников, и так уже много претерпевшие за долгую дорогу, на каменной земле пустыни просто разваливались на части. Этот факт не тревожил только Гому и Конана, и тот и другой шли босиком.

— Подошвы скоро загрубеют, — говорил Конан.

— А мне-то как быть? — вопрошал Спрингальд. Он ступал как будто по раскаленным углям. Его обувь была прочнее, чем у моряков, но подошвы уже истончились и совсем не защищали ступни от жара нагретой земли.

— Проходи немножко босиком каждый день, — посоветовал Конан, — скаждым разом все больше и больше.

— Прекрасная мысль, — воскликнул Спрингальд. — Тогда мне скоро будут не страшны горячие камни, а подошвы будут такими же твердыми, как у тебя.

— И пустыня останется позади, и все будет замечательно, — усмехнулся Конан.

Ульфило упорно шел вперед, стоически притворяясь, что ничего не чувствует. Конан понимал, что он скорее умрет, чем хоть как-то выдаст свои страдания. Малии тоже гордость не позволяла жаловаться, но в самые тяжелые моменты она не могла не морщиться от боли. В отличие от своего деверя, она не воспитывалась в суровой военной школе. Глядя на них, киммериец мрачно усмехался. Стойкость ему всегда была по душе, пусть и у тех, к кому он не очень-то благоволил.

Матросы вели себя совсем иначе. Они ворчали и ругались, но Конан не обращал на это внимания. Сейчас они могут только безропотно следовать за своими вожаками. Что же до остальных попутчиков, у Конана были относительно этих людей свои планы, но время еще не настало...

— Впереди вода! — выкрикнул Гома. Утром он продвинулся немного вперед основной колонны и теперь стоял на вершине небольшого холма на расстоянии примерно сотни шагов. Матросы из последних сил рванулись вперед.

— Отставить! — приказал Вульфред. — От бега по такой жаре можно ноги протянуть. Идите спокойно и дойдете до воды живыми.

Люди неохотно замедлили шаг, но заметно воспряли духом. Они улыбались и даже смеялись, хотя и не могли говорить из-за распухших, пересохших языков.

Солнце уже клонилось к закату, и впереди лежали длинные тени, когда путники достигли воды. Вокруг пестрели самые разнообразные звериные следы,

но все животные при виде путников — этих странных существ — поспешили скрыться. При виде воды матросов уже невозможно было удержать. Они из последних сил рванулись вперед и, добрав до воды, упали ниц, лицом к живительной влаге.

— А ну прекратите, собаки! — ревел Вульфред. — Наполните свои бурдюки и подождите, пока вода отстоится!

— Бесполезно, — сказал Конан, — пусть делают что хотят, будем надеяться, что отделаются просто больными животами.

— Так-то оно так, — покачал головой капитан, — но как только они напьются, они почувствуют голод, а еды почти не осталось.

— Здесь придется остановиться на пару дней, — сказал Конан.

— Зачем еще? — спросил Ульфило. — Надо спешить.

— Люди устали, и надо привести в порядок обувь, — ответил Конан. — Кроме того, необходимо запастись едой на остаток пути, значит, пойдем на охоту.

Ульфило задумался.

— Хорошо, — произнес он наконец.

Этой ночью, как только взошла луна, Конан отыскал Гому.

— Пойдем на охоту, — предложил он.

— За пустынными газелями? — поинтересовался Гома. — Их неспроста поймать ночью, когда выходят за добычей дикие кошки. Лучше рано утром.

— Не на газелей, на людей, — улыбнулся Конан.

— На каких еще людей? — Гома нахмурился.

— На тех, которые следят за нами всю дорогу. Еще раньше, на море, они шли за нами. Ты смотрел за тем, что у нас впереди, а я оглядывался назад. — И он рассказал о том, что они с Вульфредом видели на границе пустыни.

— И что ты собираешься делать, когда мы их найдем? — спросил Гома.

— Там посмотрим. По крайней мере, я определю их численность и выясню, как они вооружены. Рано или поздно следует ожидать их нападения.

Гома лениво покрутил топориком:

— Что ж, прекрасно. Это скрасит наш монотонный путь.

Когда все уснули, обессилив от выпитой воды, Конан и Гома незаметно ускользнули из лагеря. Быстро, как птицы, они неслись по пройденному пути, не сдерживаемые больше усталое бредущими матросами. Дважды им попадались на пути стайки газелей, и эти пугливые животные людей даже не заметили. За ними с опаской следили зоркие львы, но не решались напасть на незнакомых существ.

Вдруг на дороге перед ними что-то появилось, и они остановились. В бледном свете луны возникла какая-то тень, около десяти шагов в длину, она ползла, низко прижимаясь к земле, а на спине торчали острые шипы. Вот она скрылась во тьме, и охотники продолжали свой путь.

Луна уже поднялась высоко, когда немного к западу они различили огни костров. Замедлив шаг, они стали осторожно приближаться.

— Часовые, — прошептал Конан.

— Я вижу, — отозвался Гома. Он поднял топор: — Убить?

— Давай сначала попробуем, может, удастся их обойти. Надо подобраться как можно ближе. Если убить их сейчас, можно наделать шума.

Они осторожно поползли вперед. Сетмес предусмотрительно расставил часовых парами, чтобы они не давали друг другу уснуть. Но эти пары вовсе не предусмотрительно находились слишком далеко друг от друга. И охотники бесшумно пробрались как раз между двумя парами. Конан различил блеск доспехов. Значит, Сетмес привел солдат, наемных убийц, которые в состоянии носить доспехи в такую жару. Конан и Гома подползли совсем близко к кострам.

Людей много, вокруг костров собралось примерно около сотни. Слышался приглушенный гул голосов и какие-то еще звуки, вовсе не похожие на человеческие голоса.

— Бумбана! — Гома вытянул руку по направлению к одному из костров. — Но они одеты и вооружены! — Он говорил шепотом, но и в шепоте слышалось удивление.

— Эти не такие, каких мы видели в горах, — сказал Конан. — Таких я встречал на севере, в Стигии.

Низко пригибаясь к земле, иногда ложась на живот, они обошли лагерь кругом. Тропическое солнце сделало Конана таким же черным, как Гома, и оба были в темноте практически невидимы. Конан пре-

дусмотрительно вымазал сажей свое копые, а Гома — топорик.

Конан хотел найти Сетмеса. Он полагал, что верховный жрец не доверит такое важное предприятие кому-то другому. Вульфред говорил, что, когда дело касается большого богатства, доверять нельзя никому, и это одинаково верно и для стигийцев, для ванира и аквилонцев, и для морских пиратов. Если Сетмес в самом деле хочет наложить лапу на сокровища, он должен был сам возглавить экспедицию. Походы Марандоса и Ульфило он использовал лишь в качестве своего орудия. Непонятно, к чему такие тщательные приготовления, но Конан подозревал, что Сетмес, хорошо понимая, какие впереди ждут опасности, хотел, чтобы в ловушки попадались его предшественники, а он сам появился бы в последний момент, чтобы собрать плоды того, за что другие заплатили кровью и страданиями.

Конан нашел его у центрального костра. Ошибиться невозможно, это его высокий рост и его суровая внешность. Рядом с ним сидели еще двое в легких, но очень дорогих доспехах из лучшей стали. Судя по оружию, они из полка Великого Пса, это элитарные части гвардии. Наверное, офицеры, которым пообещали неплохо заплатить за такое злодеяние, на какое не отважились бы даже верховные священники из Стигии. Знаков отличия Конан разглядеть не мог.

— Хозяин, — обратился к жрецу один из офицеров, человек с острой козлиной бородой и изрытым оспой лицом, — неужели и вправду необходимо

ползти черепашьям шагом? Мы можем продвигаться по крайней мере в два раза быстрее.

— В самом деле, — подтвердил второй, у него была точно такая же борода, только рыжая. — С такой скоростью нам ни за что не добраться в срок до этого проклятого места.

— Запаситесь терпением и строго исполняйте все мои инструкции. Вы, да и все остальные много лет состояли на службе в Стигии и привыкли к переходам через пустыню. А те, кого мы преследуем, — нет. Это морские псы, аристократы Аквилонии и северные варвары. Нам лучше держаться позади, чтобы не попадаться им на глаза. А к Рогам они должны во что бы то ни стало подойти первыми.

— Но почему, хозяин? — спросил офицер.

— Это не имеет... Что такое? — У соседнего коистра один из бумбана вдруг встал и начал пристально вглядываться во тьму, прищурив свои и без того крошечные глазки. Он смотрел как раз в ту сторону, где лежали Конан с Гомой. Немного откинув свою бычью голову назад, он как будто нюхал воздух, уловив в ночном ветерке незнакомый запах. Конан выругался. Легкий ночной бриз дул как раз в направлении лагеря. Было сделано все, чтобы их не увидели и не услышали, но Конану и в голову не пришло, что в компании Сетмеса могут оказаться эти твари с острым нюхом. Горилла издала какие-то резкие звуки, мало, впрочем, похожие на речь.

— Он чувствует человека! — воскликнул Сетмес. — Вон там!

— Далеко? — спросил один из офицеров.

— Говорит, что не очень.

— Может быть, кочевники? — предположил рыжебородый.

— Возможно, — ответил Сетмес. — Вряд ли кто-нибудь из тех, что впереди, отважится подобраться к нам так близко, им не пройти мимо часовых. Копшеф, возьми людей и пойди посмотри, что там такое. — Рыжебородый вскочил, готовый исполнить приказ. — А ты, Геб, возьми остальных и выставь еще охрану. — Потом жрец пролаял что-то невразумительное, и гориллы повскакивали от своих костров. Они быстро расходились, нюхая ночной воздух, вот их тени уже растаяли во тьме.

— Надо быть осторожнее, хозяин, — быстро заговорил Копшеф, подбегая к нему с целой группой вооруженных людей. — Их там может быть много. А вдруг это просто отвлекающий маневр? Надо, чтобы с тобой осталась достаточная охрана.

— Да, ты прав, — ответил Сетмес, — надо быть осторожнее.

— Нам пора, — сказал Конан, трогая Гому за плечо. Низко прижимаясь к земле, они стали осторожно отползать от костра. За спиной цепь горилл прочесывала низкорослые сухие кусты. Из-под ног с тонким писком выскакивали мелкие ночные твари.

— Впереди кто-то есть, — прошептал Гома. Действительно, небольшая группа солдат обходила сбоку, надеясь захватить добычу в ловушку.

— Обойдем их слева, — скомандовал Конан, поворачивая в сторону. Им очень повезло, что враги не смогли оценить их численности и думали, что

охотятся за кочевниками, которые знают пустыню как свои пять пальцев. Конан отлично это понимал. Если бы только они поняли, что лазутчиков всего двое, они сосредоточили бы силы в одном месте, и тогда уже не уйти.

Очень скоро стало ясно, что обойти цепь стороной им не удастся. Придется прорываться силой.

— Возьми вон тех двоих, с краю! — яростно прошептал Конан. — Только без боевого клича!

Гома подчинился, но все же что-то запел шепотом. Конан видел, как солдаты вглядываются во мрак, они еще не заметили своей добычи. Что ж, это к лучшему. Держа копьё в левой руке, Конан правой обнажил меч. Смазанный сажей, он не блестел в лучах лунного света.

Как духи пустынной тьмы, обрушились они на врагов. Конан ударил копьём одного, мечом пригвоздил к земле другого. Как дерется Гома, он не видел, но слышал звуки двух ударов, которые последовали один за другим так быстро, что практически слились в один. Потом раздался шум падающей на твердую землю брони.

Остальные начали перекликаться и спрашивать друг у друга, что случилось. В поднявшейся суматохе Конан убил еще одного. С дикими воинственными криками к ним уже приближались гориллы, они жаждали крови.

— Бумбана не трогай, — сказал Конан уже в полный голос. — Они сильны, и их много. Все, пошли!

Среди всей этой суматохи и неразберихи скрыться было нетрудно. Услышав позади крики и удары,

Конан решил обернуться. В темноте, оказывается, некоторые бумбана по ошибке нападали на солдат. Конан громко рассмеялся. Впереди раздался голос часового:

— Кто идет? Что там происходит? — Из тьмы показались двое часовых. Опять удача. Значит, посты удвоить не успели. На ходу прикончив воинов, Конан и Гома быстро отступали.

— Погони нет, — сказал Конан примерно через полчаса бега. Они перешли на шаг. Дыхание у обоих было ровным, не выступило ни капли пота.

— Неплохая драка, — сказал Гома, и в свете луны блеснула его яркая улыбка. — Но теперь они поймут, что мы знаем про их слежку.

— Нет, не поймут, — ответил Конан.

— Как же? Они нас учуяли и даже видели.

— Они решили, что это кочевники. — Поскольку Гома не понял, о чем разговаривали офицеры и Сетмес, Конан вкратце передал ему суть этого разговора. — Они понимают, что матросы плохо ориентируются в пустыне, аквилонцы же вообще привыкли к сладкой жизни, меня они считают просто северным варваром, а о тебе, наверное, и вообще не подозревают. И какая еще банда могла на них напасть, если не кочевники?

— Банда? Но нас ведь только двое.

Конан опять рассмеялся:

— Когда они пересчитают трупы, то никому и в голову не придет, что два человека могли уничтожить так много за короткое время, а потом еще и уйти живыми. Ты ведь сам дрался, знаешь, каковы

солдаты. Любой из них поклянется, что видел по меньшей мере полсотни человек.

— Правда! Ни один воин не признается, что был побежден более слабым противником. А к утру они всему поверят.

— Именно так. А значит, им и в голову не придет, что мы знаем об их существовании. Пусть так и будет. Остальным же скажем, что ходили охотиться. А про отряд ничего не говори.

— И даже рыжебородому? — Конан почувствовал, что Гома хмурится. — Но он наш вождь.

— Да, и я никогда его не предаю, но многое в нашем походе вызывает мое недоверие. У них слишком много секретов. И мне будет спокойнее, если и у меня будут кое-какие. Ты солдат, Гома, и тебе это может показаться странным...

— Я не похож на грязных псов с побережья, Конан, — ответил тот. — Я знаю, как живут короли и знать. Предательство и обман для них как воздух. Они никому не доверяют ни в чем. А если ты верен какому-нибудь принцу, то можешь поплатиться за это жизнью.

— Да, наделенные властью везде одинаковы. И я очень доволен, что происхожу из племени, которое цивилизованные народы называют варварским, которое не знало повелителя выше, чем предводитель клана, хотя и эти, впрочем, тоже не сахар.

Когда они приближались к уже пробуждающемуся лагерю, на плечах у них висели две упитанные газели.

— Мне кажется, — заговорил Конан, когда они были еще достаточно далеко от лагеря, — что о твоём истинном происхождении ни один из нас даже не подозревает.

Гома серьезно кивнул, как будто обдумывая предсказания оракула.

— Может быть, так и есть. Если кто и обманывал тебя в этом походе, то это не я: я не солгал ни разу.

— Чистая правда, клянусь Кромом! — ответил Конан. — Ты ведь вообще ничего не говорил!

— А это отличная возможность избежать обмана!

Глава 11

РОГА ШУШТУ

Умерли еще двое. Оба матросы. Один забыл вытряхнуть утром ботинки, в одном из которых устроился на ночлег скорпион. Внезапное вторжение тому очень не понравилось. Нога так быстро распухла, что бедняга не смог даже до конца снять ботинок. Он только кричал во весь голос. Ботинок пришлось разрезать, чтобы освободить ногу. Из подручных средств соорудили импровизированные носилки, на которые его и положили, но он выдержал только один день. Его крики перешли в неразборчивое бормотание, и к вечеру несчастный умер.

Второй уже несколько дней тащился из последних сил. Весь отряд был похож на привидения, на призраков в лохмотьях, они слепо и послушно следовали за своими жожаками. Покрасневшие глаза уже ничего не видели, распухшие языки вываливались наружу, как будто надеясь найти влагу в горячем воздухе.

И вот этот человек упал, дыхание стало таким слабым, что он мог просто задохнуться. Нести его

уже не было сил. Конан присел рядом с ним на корточки и приложил ухо к его груди.

— Если донесем до воды, может, и выживет, — сказал он. — Гома говорит, что источник уже недалеко.

— Оставь его, — сказал тогда Ульфило. — С ним все кончено, а мы не можем медлить. Нужно подумать об остальных, они тоже полутрупы.

— Правильно, — подтвердил Вульфред. — Глупо рисковать всеми ради одного, к тому же его все равно не спасти.

Не говоря ни слова, Конан взвалил умирающего на плечо и двинулся дальше. Остальные лишь пожимали плечами. Спрингальд, Гома и Малия открыто высказали свое одобрение, но Конан этого не заметил. Он понимал, что даже для его недюжинной силы такая нагрузка слишком велика. Но бросить товарища умирать — это не для него.

Так они брели весь день, люди падали, из последних сил поднимались вновь и шли дальше. Вдруг кто-то завыл, показывая пальцем вперед. Невдалеке виднелась небольшая группка деревьев. Источник. Но не успели они пройти и нескольких шагов, как умирающий дернулся и испустил дух. Киммериец бросил свою ношу на землю.

— Нельзя сдаваться так сразу, — сказал он тогда. К нему подошел Спрингальд и похлопал по плечу:

— Просто пробил его час. Ты сделал все, что только мог сделать ближний, и даже больше. — Слова Спрингальда в пересохшем горле звучали как

глухое карканье, и Конан понимал, каких усилий этот разговор стоил книжнику.

Теперь же все наслаждались прохладной, чистой водой оазиса. Они пили, купались и снова пили. Гнойные кровоточащие раны промыли и перевязали свежевystиранными лохмотьями, что остались от рубашек и штанов.

Источник выбивался из-под скалы, прозрачная влага стекала вниз, образуя небольшое озерцо, потом еще около четверти мили — и струйка опять уходила в песок. Вокруг росли низкие деревца, кустарник и густые травы.

— Финики! — закричал один из матросов, он уже напился и мог почти нормально говорить. — Спелые финики! — Люди подняли головы и увидели на деревьях плоды. Одно мгновение — и они уже взбирались наверх и трясли деревья. Для тех, кто уже много дней питался одним только жилистым мясом, эти ароматные фрукты явились просто пищей богов.

— Фиги! — воскликнул кто-то еще. — Здесь фиги!

— Кто-то, должно быть, хотел вырастить здесь фруктовый сад, — сказал Спрингальд.

— Скорее всего, кочевники, — заметил Конан, — чтобы вместе с водой запастись и пищей, когда будут в этих краях.

— Смотрите — осторожнее, — говорил Вульфред, — как бы от этих деликатесов у вас животы не скрутило.

— Так им и надо, — сказал Ульфило. — Твои люди и понятия не имеют о том, что все хорошо в меру:

— И я тоже, — сказала Малия, отправляя в рот целую пригоршню фиников и морщась при этом от боли, потому что болели ее растрескавшиеся губы. Суровый переход через пустыню не мог не сказаться на ее внешности. Она вовсе не снимала одежды, но палящее солнце добиралось до ее нежной кожи. Пекло не только сверху, солнечные лучи, как от зеркала, отражались от камней и песков. От такой суши и от скудной пищи Малия совсем исхудала, ее стройная фигура напоминала теперь обтянутый кожей скелет. Прекрасные волосы безжизненно спадали на худые плечи, а вокруг запавших глаз легли темные круги.

— Здесь немного отдохнем, — объявил Конан.

— Но Рога уже совсем недалеко! — запротестовал Ульфило. — Идти по пустыне уже совсем немного. Еще только один рывок — и мы у цели!

— Да, — согласился Конан, — но до Рогов еще один подъем в гору. Матросы ослабели, мы, воины, тоже не в лучшей форме, а твоя невестка просто не доживет до вершины. Она держится только благодаря силе духа и может умереть буквально в любую минуту, как тот парень, что умер сегодня.

— Он прав, деверь, — сказала Малия. — Еще один день — и мне будет безразлично, найдем ли мы Марандоса и сокровища. Я должна отдохнуть.

— Ну что ж, хорошо, — мрачно сказал Ульфило. — Мы пробудем здесь два дня.

— Мы пробудем здесь столько, сколько потребуются для восстановления сил, — поправил его Конан. — А иначе весь этот поход не имеет смысла с самого начала.

Ульфило бросил на него свирепый взгляд:

— Я здесь главный, варвар!

— Ты — работодатель, — ответил Конан. — Ты нанял меня, чтобы я привел тебя к твоему брату. Никто не выполнил бы своих обязанностей лучше, чем выполняю их я.

— Вам никогда не поздно выяснить отношения, — лениво заметил Вульфред. — Но я поставлю на киммерийца.

В самом деле, Ульфило выглядел далеко не лучшим образом: куда только подевалась его грозная сила! Поэтому его ярость — не многим более, чем поза. Конан же, наоборот, освеженный водой, имел вид самый устрашающий. Солнце пустыни уничтожило в нем последние следы цивилизованной жизни. Почти обнаженный, выжженный солнцем до черноты, так что в загаре уступал разве что Гоме, он со своим копьем и мечом имел вид очень грозный; косматые пряди длинных волос завершали картину, делая его поистине олицетворением необузданной дикости.

— Давайте не будем выяснять отношений, друзья мои, — примирительно заговорил Спрингальд. — Мы нужны друг другу, а эта проклятая пустыня кого хочешь доведет до ручки. Надо немного передохнуть, дальше будет легче.

Ульфило приложил все усилия, чтобы подавить свою вспышку.

— Да, пожалуй, ты прав. Отдохнем, пока Малия не придет в себя.

— Что ж, придется пари отложить, — сказал Вульфред. — Но, может быть, это и к лучшему.

Они развели костры, приготовили еду, потом легли спать. Солнце только что зашло, когда Конан проснулся и приподнялся на локте. Часовых не выставили, все спят как убитые. Впрочем, он не обратил на это особого внимания, потому что знал, что преследователи сознательно держатся от них на достаточном расстоянии. Он поднялся; никогда еще за весь переход по пустыне Конан не ощущал такого прилива сил. Небольшой отдых — и он уже чувствует себя отлично. А остальным понадобится не один день, чтобы восстановить силы хотя бы процентов на девяносто, не говоря уже об оставшихся десяти.

Держа в руке копье, Конан направился вдоль кромки воды. Мимо пробегали звери, но не решались подходить к озерцу в том месте, где расположились неизвестные пришельцы. Конан их не трогал. Мясо, конечно, понадобится, но у воды убивать нельзя, здесь соблюдается пустынное перемирие. А иначе можно нарушить законы дикой природы, и неизвестно еще, как на это посмотрят местные духи. А в таких опасных краях Конану не хотелось прогневить ни одно даже самое незначительное божество.

Шагая вниз по ручью, киммериец вдруг услышал впереди плеск воды. Весь напрягшись, он осторожно приблизился к зарослям кустарника и медленно раздвинул ветки. Здесь ручей образовывал небольшую заводь с каменистым дном. И в самой середине этой заводи плавало и плескалось что-то белое. От неожиданности у него уже волосы на голове зашевелились, но в ту же секунду он выругался, проклиная свою недогадливость. Призраки не плавают. А таким

белым на сотни миль вокруг могло быть только одно существо.

Он смотрел, как Малия, собрав воду в ладони, льет ее себе на голову, на плечи, на грудь. Она стояла, и вода доходила ей до пояса, лаская тело нежной прохладой. Конан подошел ближе.

— Неужели ты не понимаешь, как опасно приходить сюда одной? — спросил он.

Она только вздохнула:

— Да, никакого уединения. Но ты сам мне говорил, что звери не охотятся у водопоя.

— Я имел в виду матросов.

— Матросов? — Она рассмеялась. — Им всем теперь нужно только одно — воды, наесться и спать. Я видела, каковы солдаты в походах и в захваченных городах, и знаю, что важнее всего — удовлетворить жизненные потребности, кровь еще не скоро заиграет.

Она опять набрала в руки воды и облила себе плечи, струйки быстро стекали по ее изможденному телу. Даже при тусклом свете луны хорошо просматривалось каждое ребрышко.

— А я не так измотан. — Он присел на камень.

Она улыбнулась ему медленной, понимающей улыбкой:

— Значит, не измотан. При других обстоятельствах я бы смутилась и постаралась спрятаться из женской скромности, но сейчас — нет. Я прекрасно понимаю, что сейчас мое тело вряд ли способно вызывать желание. Подожди, вот немного отдохну, и тогда посмотришь, какой я тебе дам отпор.

— Но некоторым как раз и нравятся костлявые, — дразнил ее Конан. — А тут на сотни лиг единственная женщина. Не приходится уж слишком привередничать.

Она захихикала совсем как девчонка:

— Перед такой лестью не устоишь! — Малия встряхнула свои длинные светлые волосы, а потом с головой скрылась в воде. Вынырнув, она заговорила более серьезным тоном: — Есть здесь такие, кому я с особым удовольствием дам отпор.

Он тоже заговорил серьезно:

— А ты ни слова не сказала, когда мы с Ульфило чуть не подрались.

— Потому что знала, что победишь ты, — ответила она, глядя ему прямо в глаза. Теперь она подошла ближе, и вода едва доходила ей до бедер.

— И тебе все равно, если он погибнет?

Она пожала плечами:

— Только глупой или бездушной женщине может понравиться, когда с ней обращаются, как с любимой собачкой.

— А что твой муж, Марандос?

— Я давно уже его потеряла. Его отняла у меня эта сумасшедшая идея — найти древние богатства. Вряд ли он еще жив, а если и так, что мне тогда делать? — Ее взгляд мрачно светился перенесенным страданием. — Если он еще жив, то совсем потерял рассудок. Он перестал быть тем человеком, за которого я выходила замуж. Никто, будучи в здравом уме и думая о своей семье и жене, не стал бы заключать этой дьявольской сделки со стигийским

жрецом. Даже если он и жив, за одно это я готова его убить!

— Жены убивали мужей и не за такие грехи, — заметил Конан.

— И все же мать меня учила, что женщина может выжить в этом мире только если рядом с ней есть мужчина. Если она ищет достатка и спокойствия, нужен сильный мужчина, такой, который обеспечил бы ей этот достаток и защитил бы и свое богатство, и свою женщину. Для тех, кто не рожден богатым, это единственный верный путь. — Она окинула взглядом его мощную фигуру. — А у тебя, мне кажется, мало кто может отнять то, что ты считаешь своим. — Она медленно приближалась, вода доходила ей только до коленей. — Уверяю тебя, если хорошо меня содержать, я выгляжу гораздо привлекательней.

Она откровенно предлагала ему себя.

Конан поднялся.

— Да, это я прекрасно понимаю. Но предпочитаю не рисковать с чужими женами. Если Марандос погиб... — он замолчал, как будто обдумывая, что сказать, — мы продолжим этот разговор.

Он повернулся и зашагал прочь. За спиной раздался ее звенящий смех, потом опять плеск воды, Малия снова нырнула. Конан держал наготове копье, он решил пойти немного поохотиться, сегодня ночью все равно уже не уснуть.

Отдых пошел на пользу всем без исключения. На свежем мясе, которое в изобилии обеспечивали Конан и Гома, и на фруктах люди на глазах поправля-

лись. Матросы настолько пришли в себя, что могли уже заняться починкой одежды. Шкуры диких животных, которые они несли с собой, сейчас уже высохли, и можно было сделать из них новые подошвы для башмаков.

Люди хорошо отдохнули и набрались сил, и было решено выступать на следующее утро. К Конану подошел Гома.

— Сегодня утром во время охоты я видел лазутчика, — сказал проводник.

— Да, — ответил Конан, — так и должно было быть. Вот почему я настаивал, чтобы мы оставались здесь как можно дольше. Не хочется отдавать им этот источник.

— Опасная игра, — сказал Гома. — Если бы они дошли до крайности, они вполне могли бы попробовать прорваться сюда силой.

— Нет, им приходилось вовсе не так трудно, как нам. У них большой, хорошо организованный отряд. Нашу воду несем только мы сами да горстка измученных матросов, а у них есть бумбана, они гораздо сильнее, чем люди, и в состоянии нести тяжелые бурдюки.

— Да, все продумано. Так ты хотел, чтобы они помучались, ослабели и, если придется драться, мы были бы в выигрышном положении?

— Да. Сейчас, я уверен, они так же слабы, как и мы. А бумбана хотя и сильные, но ноги у них для песков не приспособлены. Держу пари, кое-кого из этих горилл они в дороге потеряли.

— И все равно их еще много, и они вооружены.

— Нам остается только идти вперед. Мы не знаем, что нас ждет. А им я постараюсь навредить как только возможно. Когда наступит время, что ж... — он пожал плечами, — у меня слишком большой опыт, и я знаю, что пытаться предсказывать заранее в таких делах — глупость. Все как всегда: дерись, когда случай подскажет, и беги, если иначе нельзя.

Наполнив бурдюки и продолжая надеяться на лучшее, путешественники с первыми лучами солнца двинулись в путь. Впереди неясными очертаниями вставали горы, но любая дорога казалась лучше, чем пустыня. Эти горы были не такие высокие, как те, которые путники уже преодолели, их разделяла глубокая расщелина, известная под названием Рога Шушту.

Конан с опаской вглядывался в даль. Там, наверху, — магия, черное колдовство, которому уже сотни лет. Киммерийцу очень не нравилось все сверхъестественное, а эта сила, видимо, очень велика, поскольку она не дает покоя людям вот уже много веков. Конан не любил колдовства и всегда старался избежать всего, что с ним связано, но в своей бродяжнической жизни он уже сталкивался со сверхъестественным бесчисленное количество раз. Какой-то рок его преследовал, указывая ему тот путь, которого он всеми силами и хотел избежать. Он не понимал, почему так происходит, но рассматривал это как часть своей жизни, не похожей на жизнь других людей.

— Мы почти у цели, — говорил Спрингальд, сменяя рядом с ним своей мелкой трусцой, которой Конан уже очень давно не видел.

— Рано говорить о цели, пока наши лица еще не обращены к дому, — возразил Конан. — Плохая примета.

— Предрассудки! — фыркнул Спрингальд.

— Может быть, — ответил Конан, — но осторожность никогда не повредит.

К ним подошел Ульфило.

— Ты оказался прав, Конан, — сказал он недовольным голосом. — Отдых всем пошел на пользу. — Его слова мало были похожи на извинение, впрочем, Конан другого и не ожидал.

— Да, теперь мы готовы к подъему, — ответил киммериец. — Как ты думаешь, разобрался Марандос с заклинаниями?

— Если нет, нам придется туго, — беспечно сказал Спрингальд. — Вся моя ученость может оказаться перед ними бессильной. Мы так и будем здесь сидеть, если, конечно, нам на выручку не подоспеет Сетмес. — Он весело рассмеялся, а Конан едва удержался, чтобы не рассказать, как близко Спрингальд подошел к истинному положению вещей. А стоило бы, хотя бы ради того, чтобы увидеть их лица, когда они наконец поймут, что, ревностно храня свои секреты, подвергли себя самому страшному предательству.

— Пошли, не будем такими пессимистами, — сказала Малия, беря под руки Ульфило и Спрингальда. — Перевал совсем рядом, гора невысокая, все идет прекрасно. Мы найдем моего мужа живым и здоровым, отыщем сокровища и будем жить вечно.

— Вот это сила духа! — похвалил ее Спрингальд.

Малия менялась просто на глазах. Загар постепенно сходил, и ранки на губах затянулись. Волосы светились на солнце, а сама она не казалась уже такой худой, как в самые тяжелые дни похода.

Конан внимательно рассматривал вздымавшиеся совсем близко горы. Склоны покрывает зелень, но, кажется, не такая густая, как на первой горе, — можно надеяться, что подъем здесь будет легче. Он рассчитывал, что этот оставшийся отрезок пути они преодолечат достаточно быстро, а стигийцам, наоборот, придется еще задержаться. Он хотел добраться до перевала как можно скорее, когда Сетмес со своим отрядом и со своим зверинцем еще только будет подходить к подножию.

К полудню следующего дня они уже стояли у склона последней горы. Направо вверх уходила широкая тропа, огибающая склон. Потом, как они увидели, дорога резко поворачивала влево.

— Очень она ровная, — заметил Спрингальд, поглаживая поросший щетиной подбородок. — Наверное, то, что осталось от когда-то большой дороги.

— Обыкновенная старая тропа, хотя и широкая, — сказал Ульфило. — Мощеной дороги здесь не ждите.

— Было бы очень странно спустя тысячи лет обнаружить здесь мостовую, — заметил Спрингальд. — И от Пифона ни камушка не осталось, а как он был знаменит.

— Меня лично интересуют только те камни, что сверкают и переливаются, — сказал Вульфред. — А если они еще вправлены в короны и кольца, в гривны и ожерелья, так тем лучше!

— Наш ванахеймский друг никогда не забывает о главном, — усмехнулся Спрингальд.

— И мы наконец-то найдем Марандоса, — добавила Малия. Конан подумал, что эти слова предназначались в основном для спокойствия тех двоих.

— Мы не найдем никого и ничего, если будем сидеть на месте, — сказал Ульфило. — Пора идти.

И они начали подъем. Земля под ногами осыпалась, но по сравнению с перенесенными трудностями эти не имели значения. Тяжелые мокрые бурдюки тянули к земле, но, пройдя через пустыню, люди и представить себе не могли, что можно пожертвовать хоть каплей чистой воды, когда впереди еще не видно источника. Несмотря на зеленые заросли, здесь, похоже, не так-то много ручьев.

В основном на этой скудной земле росли густые колючие кустарники и чахлые деревца. Иногда мимо пролетала птица или пробегала какая-нибудь мелкая тварь, но крупные звери не попадались. На скалистых уступах иногда замечали крепких горных козлов с толстыми, прочными рогами, красиво изогнутыми назад. В небе парили большие птицы, но таких они раньше не видели. Иногда на пути попадались огромные камни на удивление правильной формы, они всегда лежали близко от тропинки.

— Могу поклясться, что эти валуны высечены человеческой рукой, — задумчиво сказал Спрингальд.

— А по-моему, та же самые обыкновенные глыбы, — отозвался Ульфило.

Но чем выше они поднимались, тем больше вопросов возникало. Примерно на полпути до вершины

прямо на дороге стали появляться плоские, почти квадратные камни. А еще выше они превратились в настоящую мостовую. Похоже, в некие невообразимо древние времена здесь проходила дорога.

— Много нам от этого пользы, — ворчал Ульфило. — Ну и что с того, что пифонцы проложили здесь дорогу?

— С тех пор как мы оставили цивилизацию, настоящей дороги нам еще не встречалось, — сказала Малия. — Неплохо для разнообразия пройти по камню.

Спрингальд опустился на колени и, нахмурившись, стал внимательно разглядывать камни.

— Что-то не так? — спросил Конан.

— Нет, просто... Не могу сказать наверняка, но мне кажется, что кладка очень древняя.

— Пифон ведь давно пал, — заметил Ульфило.

— Нет, еще старше Пифона. А тем, кто спрятал здесь сокровища, совсем не было смысла строить дорогу. Вряд ли бы им понадобилась регулярная трасса, которая вела бы прямо к их тайникам. Дорога появилась здесь задолго до того, как сюда пришли пифонцы со своими сокровищами.

— Ну, и что же дальше? — спросил Конан, едва скрывая беспокойство. — Везде полно старых развалин, иногда в самых неподходящих местах. Если эти булыжники и лежат здесь со времен Атлантиды, не такое уж это чудо.

— Возможно... Возможно, ты прав, друг мой. Эта дорога, вероятно, еще ничего и не значит... — Он говорил, как будто стараясь убедить себя самого.

Они продолжали подъем. Путь был легким, но у всех, кроме Гомы, было подавленное настроение. Эта мостовая, всего лишь несколько квадратных камней, тем не менее произвела на них гнетущее впечатление именно своей древностью. Как будто насмешка над скоротечностью их собственных жизней.

Во время пути киммериец иногда сходил с дороги, взбирался на скалу повыше и обзирал лес впереди, а также ту часть дороги, которую они уже прошли. Эти маневры не ускользнули от внимания Ульфило.

— Столько опасностей подстерегает нас впереди, — сказал он, — а ты почему-то так беспокойно оглядываешься назад. Почему?

— Не следует думать, что опасность может прийти только с одной стороны. Я много раз видел, как от неожиданной атаки с фланга погибали целые армии. Или противник незаметно приближается сзади, когда думаешь, что он еще очень далеко.

— Никогда не думал, что придется учиться воинскому искусству у дикаря, — сказал Ульфило. — И при чем здесь армии, когда мы не просто оторваны от цивилизации, но и обыкновенной деревни-то не встречали уже не один десяток лиг.

— Ты нанял меня, чтобы найти брата, — не отступал киммериец, — пока что я служил тебе исправно — и впредь буду поступать так, как считаю правильным.

— Хорошо, — ответил Ульфило с издевкой, — но меня не устраивает твое объяснение. А что, если ты замыслил что-то против меня?

— Ты обвиняешь меня в предательстве? — Глаза Конана опасно сверкнули.

— Да прекратите же наконец пререкаться! — воскликнула Малия. — Мы уже почти что у Рогов Шушту! Мы что, прошли весь этот путь через пустыню, через горы и джунгли только ради того, чтобы вы двое из-за нескольких глупых слов перерезали друг другу глотки? Я запрещаю! Мы слишком оторвались от всего мира!

— Да, теперь как никогда мы должны быть едины, — согласился с ней Спрингальд. — Мы почти у цели, но это еще не конец испытаний. Давайте же беречь силы, впереди еще много трудностей. Смирите свою жестокость, друзья мои.

Два расшвырявших солдата медленно убрали руки с эфесов. Матросы с опаской за ними наблюдали, Гома же смотрел за происходящим с сардонической усмешкой.

— Будем считать, что я не слышал твоих слов, — сказал Конан, — обычно я на подобное отвечаю сталью.

— Ради нашего дела я тоже готов все забыть, — сказал Ульфило. Он хотел добавить что-то еще, но его остановил рассерженный взгляд невестки.

— Если все решено, нам пора двигаться дальше, — сказал Гома. — К вечеру можно уже дойти до Рогов.

Остаток дня прошел в мрачном молчании. Конан больше не осматривал дорогу, но он удостоверился, что стигийцы далеко позади. Они, наверное, все еще отдыхают у источника и не скоро двинутся в путь.

Над путешественниками зловеще возвышались Рога Шушту, две совершенно одинаковые вершины, если только не считать причудливой окраски. Путешественники подходили ближе, и их беспокойство росло. Собирались тучи, и над острыми скалами вспыхивали молнии.

— Несладко нам здесь придется, если грянет буря, — сказал Спрингальд.

— Да, — согласился Конан. — На этих скалах можно и не удержаться.

— Эти бури, скорее всего, и разрушили дорогу, — предположил Спрингальд. — Потоки воды в ущельях набирают, должно быть, огромную силу, когда стекают вниз по склону, потом они выходят из берегов, потому что...

— Побереги-ка силы, — прикрикнул на него Ульфилло. — Пошевеливайтесь! Надо дойти до перевала, пока не началась буря.

Они пошли быстрее, потом побежали. Как бы ни закалила их уже проделанная долгая дорога, этот последний рывок дался с огромным трудом. И когда они добрались до перевала, многие едва стояли на ногах. Люди падали на землю, тяжело дыша и глотая ртом воздух, кашля и крича от боли. Осмотреть окрестности они уже не успели, потому что едва только последний поднялся на самый верх, как разразилась ужасная буря.

Вспыхивали огненные молнии, сопровождаемые оглушительными ударами грома. Побросав поклажу на землю, люди буквально вжались в скалы, пытаясь защититься от ревущего ветра, напрягая все мускулы

при каждой вспышке молнии. Глухие, свистящие раскаты разрывали воздух, а люди пробирались по дну ущелья между двумя вершинами, и с каждым сверкающим взрывом они ощущали какой-то резкий незнакомый запах.

Вспыхнула молния, и не успел еще грянуть гром, как раздались два коротких пронзительных выкрика. Вспышка в мгновение ока сожгла дотла двоих из отряда, и эти крики — лишь животная реакция умирающего тела, от которого осталась лишь горстка обугленных костей.

Потоки воды, подобно разлившимся рекам, затопляли ущелье. Люди цеплялись за камни, зарывались пальцами в землю, только чтобы их не снесло назад, на крутую дорогу и острые скалы.

Конан, как всегда не теряя присутствия духа, успел в нужный момент выхватить свой кинжал. Воткнув его в землю на всю длину лезвия, он изо всей силы ухватился за рукоятку. Хлынул поток воды, и вместе с ним на Конана обрушилась какая-то шевелящаяся масса, раздался крик ужаса. Конан мгновенно узнал очертания стройной фигуры и сильной рукой обхватил тонкую талию. Малия закинула руки ему на шею и всем телом прижалась к Конану. Она дрожала от страха и от леденящего кровь холода бурной воды, вдобавок ко всему дул ледяной ветер. Даже в смертельной опасности Конан не мог не почувствовать притягательности ее тела.

Буря улеглась так же внезапно, как и началась. Через несколько минут водовороты утихли, и оставшиеся в живых стали подсчитывать потери.

— Кто бы мог подумать, — сказал Спрингальд, — что совсем недавно мы страдали от жажды?

Вульфред громоподобно рассмеялся:

— Да, и от жары! — Когда он говорил, изо рта у него шел пар, и, хотя невозможно было в это поверить, на плечи опустилось несколько снежинок. Похолодало внезапно, и люди дрожали в своих лохмотьях.

— Малия! — позвал Ульфило. — Ты жива?

— Я здесь, — отозвалась та, расцепляя объятия киммерийца, которому очень не хотелось ее отпустить. — Меня смыло потоком, но Конан спас меня.

Конан поднялся и выдернул из земли кинжал:

— Сколько нас осталось?

Подсчет не занял много времени, и выяснилось, что кроме вожаков отряда в живых осталось лишь пятеро матросов. У западного края перевала они нашли останки убитых молнией, обезображенные трупы, задавленные между валуном и сломом скалы, который отвалился во время бури. На обуглившихся телах странно мерцали золотые серьги да блестели белые зубы, это зрелище леденило кровь. Их стальное оружие расплавилось и смешалось с тем, что осталось от тел.

— О Митра! — воскликнула Малия, отворачиваясь и закрывая лицо руками. За свою короткую жизнь она видела много жестокости и пролитой крови, но эта картина внушила ей непреодолимый ужас.

Остальных погибших не нашли. Скорее всего, их смыло потоком и теперь они лежали где-нибудь среди острых скал внизу.

Конан посмотрел вокруг.

— А где Гома?

— И правда, — удивился Ульфило, — он шел впереди, когда разразилась буря, шагах примерно в пятидесяти, а больше я его не видел. Его, наверное, тоже смыло.

— Никто его не видел? — спросил Конан.

— Как будто было время смотреть по сторонам, — сказал Вульфред. — Каждый думал, как бы самому спастись. Повезло еще, что Малия на тебя налетела, а иначе как бы ты ее заметил?

— Значит, мы остались без проводника? — спросила Малия. — Это катастрофа!

— Он обещал довести нас до Рогов, — пожал плечами Ульфило, — и выполнил свое обещание. Жаль, не успел получить свою долю, но отсюда, скорее всего, он повернул бы домой.

— Может быть, он там, наверху, — предположил Спрингальд, — надо посмотреть.

— Пожалуй, можно, все равно пора уже идти, если мы не хотим здесь замерзнуть! — Вульфред притопывал ногами, стараясь согреться. — Сам я с севера, но давно уже не бывал в тех краях и, клянусь Имиром, никогда не думал, что в теплых странах тоже идет снег!

С неба все так же падали редкие снежинки, и только один Конан не проявлял при этом никаких признаков беспокойства.

— Я знаю, что такое бури в горах, — сказал Конан, — и это еще не самая сильная. Но чтобы так внезапно... И снега здесь не должно быть. Гора ведь

не очень высокая. Или это опять колдовство? Одно из древних проклятий, призванных охранять сокровища Пифона?

Все посмотрели на Спрингальда, ожидая его разъяснений. А он возился со своим мешком, беспокоясь, не намокли ли его тома. Убедившись, что все в порядке, он посмотрел на остальных:

— Очень может быть. Вероятно также, что заклятия уже почти утратили силу, поскольку если уж пифонцы подчинили себе и силы природы, то мы все точно бы погибли. А это, наверное, последний слабый всплеск колдовства, да и к тому же стигийский жрец, как мы знаем, научил Марандоса, как нейтрализовать эти чары.

— Слабый всплеск! — воскликнула Малия. — Как хорошо, что мы не испытали на себе его полной силы!

— Мы все прокляты! — закричал вдруг один из матросов. Остальные в ужасе смотрели на своих вожаков. — Мы все погибнем, если сделаем еще хоть шаг! Надо возвращаться! — Они измотаны, но весь обратный путь, похоже, готовы пробежать бегом, лишь бы вернуться. Лицо Ульфило все покрылось пятнами, и он собирался уже произнести обличительную речь, когда Вульфред, подняв руку, попросил его помолчать. Небрежно засунув большие пальцы за пояс, капитан приблизился к матросу:

— Я не стану с тобой спорить, Алкат. Освобождаю тебя от твоих обязательств — и передо мной, и перед нашими хозяевами. — Он говорил совсем тихо, без озлобления. — Иди, ты свободен, и да хранят тебя боги.

Матросы стояли в замешательстве.

— А ты, капитан? — спросил кто-то.

Рыжие брови Вульфреда полезли на лоб в притворном удивлении.

— А что я? Я остаюсь и продолжаю путь, как решил уже давно. — Он повернулся туда, где стояли Ульфило, Спрингальд, Малия и Конан: — Вы ведь продолжаете путь, правда? — Они закивали. Тогда Вульфред опять повернулся к матросам: — Но вы все свободны, можете идти.

— Но, капитан, — заговорил тот, кого звали Алкат, — мы же погибнем в пустыне или в джунглях, если туда доберемся.

Вульфред кротко улыбнулся:

— Я смотрю, вы многому научились у нашего книжника. Вы рассуждаете как здравомыслящие люди. — Он повернулся и зашагал вверх по ущелью. — За мною, друзья мои, мы преодолеем перевал еще до наступления темноты.

Остальные двинулись за ним. Медленно и неохотно за ними последовали и матросы.

— Вот видите, как все просто, — сказал ванир. — Нет необходимости повышать на ребят голос. Вполне понятно, что они растерялись. Но разницу между большой опасностью и неминуемой смертью они понимают. Они предпочли первое.

— Ты знаешь, как с ними обращаться, капитан, в этом тебе не откажешь, — проворчал Ульфило.

— О Кром! — воскликнул Конан. — Взгляните-ка сюда!

Они подходили сейчас к тому месту, где пережидали бурю, и Конан заметил, что на отвесных камен-

ных стенах по обеим сторонам ущелья были вырезаны какие-то знаки. Строка за строкой, они испещряли всю поверхность и тянулись вверх по скале, насколько хватало глаз. При свете заходящего солнца Конан стал внимательно их разглядывать.

— Некоторые похожи на стигийские иероглифы, — сказал киммериец, — но кое-какие я вижу впервые.

— Да, ты прав, — подтвердил Спрингальд. Раскрыв книгу, он сверял по ней вырезанные письмена. — Иероглифы просматриваются достаточно отчетливо, со времен Пифона они мало изменились. Но другие — совсем стерты, и смотрите... — он показал на какое-то неразборчивое пятно, — пифонские иероглифы вырезаны поверх старых!

— Так они допифонские? — спросила Малия. — Да, так и есть, наверное. Они, должно быть, атлантические?

Спрингальд покачал головой, тревога в его глазах росла.

— Они доатлантические. Клянусь Митрой! Мне кажется, они дочеловеческие!

Глава 12

ДОЛИНА СОКРОВИЩ

— Незачем терять время из-за каких-то старых камней, — сказал Ульфило. — Если эти закорючки на самом деле такие древние, они уже давно утратили силу.

— Да, — согласился Вульфред, — вряд ли они волшебные. Такие каменные надписи иногда встречаются у границы государства, король как бы предупреждает, что это его земля, и восхваляет собственную силу и мощь.

— Может быть, ты и прав, — задумчиво проговорил Спрингальд. — Теперь никто не в состоянии прочесть это неразборчивое письмо, хотя существуют слухи и легенды...

— Довольно, — рявкнул Ульфило, — пора идти.

И они отправились дальше. Это была уже не та длинная, растянувшаяся цепь, а всего лишь небольшая группка жмущихся друг к другу людей, как будто они искали друг в друге защиты от неведомой опасности, которая ожидает всякого, кто отважится преодолеть горный перевал между Рогами Шушту.

В одном месте узкое ущелье преградила огромная каменная глыба. Она явно упала с большой высоты, но в то же время это творение рук человеческих. По своим размерам она напоминала пьедестал стигийских пирамид. По оценке Спрингальда, камень был три шага в длину, пять шагов в высоту и пятнадцать — в длину. Наверху, освещаемое лунным светом, заливавшим ущелье, виднелось прямоугольное отверстие, откуда, видимо, и выпала эта глыба.

— Еще одна ловушка для незваных гостей, — сказал Конан. — Держу пари: если только ее приподнять, то под ней обнаружатся расплюснутые кости.

Весь остаток пути через перевал люди бросали по сторонам настороженные взгляды.

Подходя к восточному краю перевала, Конан заметил впереди на дороге что-то белое. Приказав всем оставаться на местах, он двинулся вперед на разведку. Перед ним лежала груда костей. Подошли остальные и из-за спины Конана стали с опаской рассматривать эти останки.

— Человеческие? — спросил Вульфред.

— Не совсем, — сказал Конан, поднимая череп. Такой низкий обезьяний лоб не спутаешь ни с чем.

— Это бумбана! — воскликнул Ульфило. — Так они, значит, и здесь обитают?

— Посмотрите-ка сюда, — сказал Конан. Он поднял с земли пригоршню украшений: кольца, пару браслетов (все медное) и серебряную цепочку с подвеской. — Стигийские. Это останки одного из слуг

Сетмеса, которого он послал с Марандосом. На его долю заклятий еще хватило.

— Может быть, он умер естественной смертью, — предположил Ульфило, — или его убили свои.

— Видите, на что похожи кости, — мрачно сказал Конан. — Как будто обгрызаны дочиста.

— Пожиратели падали... — неуверенно предположил Вульфред.

— Смотрите внимательно! — настаивал на своем Конан. — Сложены горкой, как будто никто их и не трогал. Никаких следов зубов, ни одна, даже самая мелкая, косточка не разломана. Они лежат здесь совсем недолго, сгнить еще не успели, и насекомые их не объели. И нет ни единого волоска, хотя у бумбана все тело покрыто шерстью, а волосы обычно сохраняются дольше, чем кожа и мясо. А эти кости прямо как отполированные.

— Но где же остальные? — задумчиво проговорил Ульфило. — Почему останки только одного? Где вся экспедиция?

— Проклятья уже утратили свою силу, — сказал Спрингальд. — У Марандоса к тому же были и свои заклинания. Я думаю, что сейчас здесь безопасно.

— Будем надеяться, что ты прав, — сказал Ульфило. Он осторожно приблизился к краю перепада. Остальные напряженно за ним наблюдали, но он прошел благополучно, и люди последовали вперед.

К востоку от горы расстиралась широкая долина, но в лунном свете разобрать что-нибудь было нелегко. Снизу поднимался легкий теплый ветерок, он приятно согревал после необычайного холода вершины.

— Пока неясно, есть ли с этой стороны дорога, — сказал Спрингальд. — Может быть, не стоит сейчас рисковать, пока темно?

— Да, — неохотно согласился Ульфило. — Придется ждать до утра.

— Здесь, похоже, есть лес, — сказал Вульфред. — Может, развести костер и обогреть наши измученные кости?

— Никаких костров! — приказал Ульфило. — Мы не знаем, какие силы обитают в долине внизу, и ни за что на свете нельзя им сообщать о нашем прибытии.

— Так будет лучше всего, — согласился Конан. — Выжмите хорошенько свои лохмотья и развесьте их сушиться. На таком ветерке они к утру высохнут.

Все последовали его совету; матросы громко жаловались на тяготы пути, остальные стойчески молчали. Люди устраивались кто как мог, чтобы переждать оставшиеся часы темноты. Постепенно почти все заснули, бодрствовал один Конан. Он сидел прислонившись спиной к гладкому камню, держа на плече копье и положив рядом меч. Он хорошенько вычистил свой клинок и разложил сушиться ножны. Хороший воин в первую очередь заботится о своем оружии.

Он не чувствовал усталости и не хотел ложиться спать, пока не удостоверится, что вокруг все спокойно. В царившей тишине он, как ни старался, не мог различить никаких звуков, изредка только прошуршит мимо какой-нибудь мелкий зверек или порхнет летучая мышь. А это значит, что все в порядке, потому что поблизости нет ни людей, ни хищников, хотя такой яркий лунный свет — великолепные условия для охоты. Успокоившись, Конан стал засыпать, готовый, впрочем, вскочить при малейших признаках опасности.

Когда Конан проснулся, луна уже скрылась. Светили только звезды; до зари еще далеко, лишь тонкая серая полоска появилась у горизонта. Поднявшись во весь рост, он потянулся, разминая суставы, прогоняя остатки сна, а серая полоска тем временем превратилась в розовое сияние, которое все разрасталось, затмевая мерцающие звезды. Конан уже различал окружающие предметы, цвета внизу, в долине. Когда совсем рассвело, он принялся расталкивать спящих товарищей.

— Вставайте, — говорил он. — Уже утро, посмотрите вокруг.

Ульфилу сел, протирая глаза:

— Что? Уже день? Почему ты не разбудил меня час назад?

— Час назад я еще спал, — проворчал Конан, — и смотреть все равно было не на что, надо было спать. Так что прекрати возмущаться и посмотри-ка лучше вниз.

Люди просыпались, подходили к краю и в полном недоумении смотрели вниз.

— О Митра! — воскликнул Спрингальд. — В этих краях, похоже, климат меняется за каждым горным перевалом!

Перед ними открывалось воистину райское зрелище. На востоке лежало возвышенное плато. Невысокий склон горы плавно переходил в долину бушующей зелени. Но это не темные, зловещие заросли джунглей, а скорее спокойная, живая зелень более умеренного климата. Было видно, что эту землю возделывают, впереди открывались ровно очерченные поля, среди которых виднелись группы маленьких домиков. Местность прорезали ручьи, вокруг которых паслись стада, видимо домашнего скота. За заборами благоухали ухоженные сады. Не разобрать только, из чего сделаны эти заборы.

Много и невозделанной земли, хотя совсем не такой, какую они видели раньше. На склонах невысоких холмов паслись вольные стада, среди которых можно было увидеть слонов и жирафов.

Далеко к югу они увидели нечто, что превосходило размерами даже самую большую деревню, в то же время ясно, что это — творение рук человеческих.

— Похоже на город, — в полном удивлении произнесла Маля.

— Наверное, развалины, — сказал Спрингальд, — то, что осталось со времен Пифона.

— Совсем скоро узнаем, — сказал Ульфило. — Все готовы?

К этому моменту все уже облачили в свои лохмотья и вскинули копья на плечи.

— Тогда пошли.

Людям казалось, что наконец-то остался лишь один последний рыбок — и их долгий-долгий путь будет завершен. От этих мыслей на душе у всех становилось светлее. Склон казался ровным и гладким, а долина внизу влекла и манила.

У Конана, правда, такой радости не было. Приятное место, ничего не скажешь, но он по собственному опыту знал, что в самых распрекрасных странах как раз и обитают люди, которые вовсе не любят чужаков. Если ничто не нарушает мирную жизнь в этой благодатной земле, то жители успокаиваются, но из-за зависти и злобы соседей их границы редко остаются спокойны.

— Смотрите! — сказала Малия, когда они уже прошли половину пути по склону. На расстоянии нескольких десятков шагов на склоне паслось какое-то неуклюжее животное. Оно немного напоминало носорога, но тупой рог на носу смотрел чуть в сторону, а на морде, прямо под маленькими свинными глазками, красовалась еще пара коротких рожек. Он безмятежно жевал траву и не обращал на путников никакого внимания.

— Ты видел когда-нибудь нечто подобное? — обратился Спрингальд к Конану.

— Нет, не видел, — ответил киммериец. — Держу пари, в этих краях нас еще ждет много неожиданностей.

— Хорошо бы приятных, — нараспев произнес Спрингальд.

На тропе под ногами не было видно никаких следов мостовой, но Спрингальд в своей извечной

педантичной манере уверил всех, что в этом нет ничего удивительного, поскольку очевидно, что на этой стороне горы выпадает значительно больше осадков, чем на противоположной, и вода давно уже уничтожила все следы человеческого труда.

Они спускались все ниже и наконец обнаружили первые следы присутствия здесь человека. Кустарник поднимался по склону ровными рядами, а виноградные лозы были аккуратно закреплены на подпорках. Но людей вокруг не видно, а среди листвы весело прыгают шустрые обезьяны. Путники решили, что еще не наступила пора сбора урожая и поэтому это место так пустынно.

— Где же люди? — удивлялась Малия, когда они уже спускались с горы.

И сразу в ответ на ее вопрос среди травы, опираясь на длинное копьё, появился человек. Он бросил взор наверх и, увидев приближающихся путников, весь папрягся. Из-за большого расстояния они не могли рассмотреть его хорошенько, видели только, что он высокий и худощавый. Он слегка повернулся и приложил к губам изогнутую трубу. Раздался высокий пронзительный звук рожка, а человек опять встал в ту же позу.

— Он один, — с оптимизмом заметил Спрингальд.

— Но он дал кому-то сигнал, — сказал Ульфило.

— И ему, похоже, не страшны несколько вооруженных чужестранцев, — заметил Вульфред.

— Он знает, что ему нечего бояться, — сказал Конан. — Смотрите.

К одиноко стоящему часовому приближалось около сорока воинов, их копья зловеще поблескивали на солнце. Все, как один, они направились к путникам. Никаких ритуальных приготовлений к битве, они просто мерно бежали, соблюдая, видимо, установленный порядок.

— Не поднимайте оружие, — приказал Ульфило. — Их слишком много, а в долине, наверное, у них есть еще люди. Помните, мы мирные путники, и я убью любого, кто позволит им в этом усомниться.

Спустя несколько минут воины уже их окружали. Все они были высокие, со смуглой, но не темной кожей, с правильными чертами лица. Волосы, окрашенные охрой, у всех были уложены по-разному, и у большинства кожу покрывали мелкие шрамы. В руках у них были широкие копья и маленькие овальные щиты.

— Да они точь-в-точь как Гома! — выдохнула Малия.

— Так я и знал, этот негодяй не все нам рассказал! — с негодованием воскликнул Ульфило.

— И вот пожалуйста, переводчика у нас нет, — вздохнул Спрингальд. — Могут возникнуть проблемы.

На воинах были головные уборы из леопардовой шкуры, украшенные белыми перьями. Вперед вышел человек с тремя такими перьями. На его руках и ногах красовались золотые браслеты. Он что-то сказал строгим голосом.

— Наверное, он у них главный, — сказал Конан. — Попробую, может, он понимает по-кушит-

ски. — Он что-то сказал, но тот только смотрел на него ничего не выражающим взглядом. Киммериец попробовал говорить и на других языках, на которых говорят в жарких странах, но успеха не достиг.

Воин что-то прогавкал и махнул копьем. Остальные выстроились вокруг путников квадратом, повернувшись все в одну сторону.

— Нас, наверное, куда-нибудь поведут под охраной, — сказал Спрингальд. — Надо, пожалуй, подчиниться.

— Так будет лучше, — сказал Ульфило. — Они пока не проявляют враждебности и даже не попытались нас разоружить.

— Может, они собираются нас съесть? — предположил один из матросов,

— Ты слишком костлявый, — успокоил его Вульфред. — Сначала им придется тебя подкормить.

И так, не имея, впрочем, иного выбора, они пошли вперед, сопровождаемые своим квадратным эскортом. Дорога, по которой они шли, была ухоженной и ровной, хотя и не вымощенной камнем. По обеим ее сторонам тянулись поля, на которых работали люди. Побросав свои мотыги, они подходили к обочине и удивленно разглядывали незнакомцев. Среди них были и мужчины, и женщины, последние — часто с младенцами, привязанными к их гибким телам, облаченным в одежды красного цвета. Ни у кого из мужчин не было оружия. Растения, возделываемые на полях, были путникам неизвестны, однако понятно, что это овощи и злаки.

Потом они миновали маленькое поселение, в котором, кроме воинов, никого не встретили. Эти воины были очень похожи на людей в эскорте, только на головах у них были львиные шкуры, украшенные голубыми перьями. Смотрели они недобро, но Конан мгновенно догадался, что их враждебность направлена не на незнакомцев, а скорее на сам эскорт. Это следует учесть на будущее.

— Нас ведут к тому городу, — заметил Спрингальд.

— Если только это город, — сказал Ульфило.

— Здесь, по крайней мере, не пустыня и не джунгли, — добавила Малия, — и нет этих диких бешеных горилл. И я не расстроюсь, если этот город окажется поменьше, чем Бельверус или Тарантия.

— Вот это сила духа, — заметил Спрингальд. — Будь всегда начеку и довольствуйся малым! — Он разразился смехом, который слегка переполошил эскорт.

Путь был долгий, но не лишенный удовольствий, особенно если сравнить с пережитыми тяготами. По дороге попадались маленькие деревеньки, в каждой не более двух десятков домиков. Конусовидные крыши домов, по форме напоминающих ульи, были покрыты соломой. И для первобытных поселений они выглядели очень опрятно и аккуратно. Этот народ не так-то просто разгадать, размышлял Конан, следуя от одной деревни к другой. Они не похожи на угнетенных, измученных рабов, потому что к незнакомцам они проявляли самый живой интерес. Но это внимание не выходило за строго определенные рам-

ки: они будто боялись открыто показать свое любопытство. Нигде не слышно смеха, и люди во время работы не поют, как это обычно принято в южных странах.

Аквилонцы этого, кажется, не замечали, но киммериец понимал, что аристократы редко обращают внимание на тех, кто ниже по положению, если только не встречаются с их стороны дерзости или враждебности. Но эта странность не ускользнула от проницательных синих глаз Вульфреда.

— В этих краях, должно быть, произошло какое-то несчастье, — сказал ванир.

— Почему ты так думаешь? — спросил Ульфило.

— Поселяне боятся наших охранников.

— Когда это воинов не боялись простые крестьяне? — возразил Ульфило.

— Но их не любят и те, другие, с голубыми перьями, — добавил Конан.

— Соперничество полков — обычное дело, — сказал Ульфило.

— А мне кажется, наши друзья не ошибаются, — вставил слово Спрингальд. — Что-то подсказывает... Не знаю наверное, но какое-то чувство беды. Эта земля щедра и прекрасна, ее охраняют доблестные воины и возделывают трудолюбивые крестьяне. Вот условия, необходимые для процветания нации. Но люди почему-то подавлены, и это не страх перед нами, они ведь видят, как нас мало, и к тому же мы под охраной.

— Неустойчивость власти, наверное. — Каким бы ни был Ульфило упрямым и надменным, когда

дело касалось высших кругов в стране, он проявлял необычайную проницательность. — Любо́й народ будет несчастен, если непонятно, кто им правит.

— Вполне возможно, — сказал Вульфред, — я не раз видел: когда страна на пороге гражданской войны, это тревожное чувство просто висит в воздухе.

— Нет смысла рассуждать, пока мы не имеем точных сведений, — сказал Конан. — Нельзя терять бдительности.

— Пока что-то никаких признаков сокровищ, — заметила Малия.

— Аквилония тоже богата, но простой народ не разгуливает там по улицам в золоте и драгоценностях, — возразил Ульфило. — Правители, наверное, все хорошенько припрятали.

— А может, они вообще не знают о существовании сокровищ, — предположил Спрингальд.

— Как это? — удивился Вульфред.

— Здешние жители очень напоминают тех, кого капитан Бельформис видел у побережья. А сюда они могли перебраться сравнительно недавно. А если так, то о сокровищах и тех, кто их спрятал, они догадываются не больше, чем люди, живущие на территории древнего Пифона сегодня.

— Так сокровища остались нетронутыми! — радостно воскликнул Вульфред.

— Но как их найти? — спросила Малия. — Никто ведь не знает, где именно они спрятаны.

— Стигийский жрец дал Марандосу вполне четкие инструкции, — сказал Спрингальд. Конан стал

слушать внимательнее. Раньше никто ни о каких инструкциях не упоминал.

Малия рассмеялась:

— Спрингальд, но ты же сам все время нам напоминаешь, какая вечность отделяет нас от древнего Пифона! Величайший из всех городов мира, он погиб, и теперь никто не знает, где точно он находился. А ты думаешь, что какой-то клад так и лежит на том же месте, где его оставили!

— Ну, видишь ли...

— А мне кажется, — начал Конан, — у нас пока и других проблем предостаточно. Надо позаботиться о своей личной безопасности, а потом уже думать о сокровищах.

— Если ты хочешь, чтобы я забыл о сокровищах, — отозвался Вульфред, — ты хочешь невозможного! — При этих словах даже матросы слабо засмеялись. Звонче всех раздавался смех Малии.

— Ты что-то весела сегодня, — заметил Ульфилло таким тоном, как будто осуждал ее за это веселье:

— Я еще не утратила чувства юмора. Нет, вы только посмотрите! Десять голодных оборванцев забрались в самую дикую глушь и мечтают о том, как они взвалят на спины сокровища и принесут их домой! Неужели кроме меня никто не видит, что это очень смешно? — На последних словах ее голос задрожал, и послышались глухие рыдания.

— Ну, будет, милая, — утешал ее Спрингальд, — не надо так убиваться. Сокровища мы найдем, а добрые туземцы уж не откажутся помочь с носильщиками. За какие-нибудь безделушки они

нам все донесут туда, где мы оставили свои товары. И не забудь, ты, может быть, совсем скоро обнимешь мужа!

— О да, — согласилась Малия. — Я об этом помню. — Это было сказано таким тоном, что при других обстоятельствах Конан не удержался бы от смеха. Он пошел немного медленнее, чтобы спокойно переговорить с Вульфредом, пока аквилонцы болтают между собой.

— Как думаешь, сможем мы договориться с этими «добрыми туземцами»? — спросил он.

— О чем ты? — с напускным ужасом воскликнул тот. — Неужели ты думаешь, что я не согласен с нашими знатными вожаками? Как не стыдно, Конан!

— Мой народ они обозвали бы добрыми дикарями, — прорычал Конан, — но мы бы этих безмозглых идиотов разрубили на куски.

— Мы, ваниры, более цивилизованны. Мы бы просто принесли их в жертву какому-нибудь незначительному божеству, если бы ни на что лучшее они не сгодились.

— Но Ульфило ведь настоящий воин, — сказал Конан, — и Спрингальд вполне вызывает симпатию, он верен своим друзьям. Это от поисков сокровищ они совсем голову потеряли. Им хочется верить, что они где-то лежат и ждут не дождутся, когда только они за ними придут. А с таким настроением они и не понимают, какие трудности еще предстоят.

— Может, ты и прав, — согласился ванир, — но помани мое слово: если только сокровища и вправду существуют, я без своей доли не уйду! — Его синие

глаза блеснули ледяным холодом. Конан знал, что капитан вовсе не шутит.

Со времен своей ранней молодости Конан видел много людей нордхеймского племени, азирцев и ваниров. Шумные и вспыльчивые, они как никто другой любили простые жизненные блага, с восторгом отдавались любой пирушке, ценили дорогие одежды и большие корабли и жить не могли без драк и кровопролития. Но больше всего им по душе золото, серебро, камни, драгоценности. Их жадность иногда граничит с сумасшествием.

Сам Конан, сын суровой киммерийской расы, не столь прямолинеен в своей погоне за золотом. В отличие от своих горных родственников, он понимал, что без денег не проживешь. В цивилизованных странах Конан получал удовольствие уже от одной только борьбы за богатство, которое давало ему возможность жить какое-то время в полное свое удовольствие. Но рано или поздно всегда приходилось возвращаться к суровой и жестокой жизни воина-варвара, которая, впрочем, тоже была ему по душе. Богатство никогда не было для Конана самоцелью.

А сейчас, среди этой удивительной и полной опасностей жизни, сокровища как-то утратили свою притягательную силу. Раньше, еще в Асгалуне, он с удовольствием предвкушал высокую оплату за свои труды, а также свою долю сокровищ. Здесь все это как-то потеряло силу. С самых первых дней на этих берегах Конан утратил весь внешний лоск цивилизованности и вернулся к тому, что составляло суть

его жизни. Красоты и чудеса этой земли давно уже вытеснили в его сознании всяческие корыстные мысли. Он хотел только побольше узнать об этих чудесных краях. Золото бы только обременило его. Но он имел перед этими людьми определенные обязательства, и он их выполнит до конца, каким бы глупым это теперь не казалось ему самому. Конан никогда не принимал незаслуженной платы.

Путники были совсем не готовы к тому, какая картина предстала их взорам в конце пути.

— Это город! — воскликнула Малия.

И в самом деле, возвышающаяся над ними стена сделала бы честь и Аквилонии, и Немедии, и любому другому большому городу гиборейской цивилизации. За стеной виднелись высокие башни и крыши огромных зданий. Стену украшал барельеф, изображающий некие странные, таинственные фигуры.

— Вряд ли крестьяне могли выстроить такой город! — заметил Вульфред.

— Конечно, нет, — раздался приглушенный голос Спрингальда, в котором слышался благоговейный ужас, — мне кажется, перед нами образчик архитектуры древнего Пифона, это, возможно, последнее, что от него осталось! Вы только представьте себе! Погиб город, погиб целый народ, гиборейские захватчики не оставили и камня на камне. А здесь, в глуши Черных земель, стоит еще целый город, что остался от той империи.

— Не нравится мне это, — сказал Конан. — Если они спрятали здесь сокровища, зачем было строить город? Только посмотрите, какие огромные камни!

Они подошли достаточно близко и могли хорошо рассмотреть стену. И действительно, сложена она была из камней просто исполинской величины. Самые маленькие были никак не меньше того, что они видели на перевале. В основном же во много раз больше.

— А камень над воротами, наверное, все двадцать пять шагов в длину, — заметил Ульфилло. — Не хотел бы я, чтобы мне приказали брать эти ворота на таран.

Им, однако, не дали времени разглядеть ворота во всех подробностях, а провели внутрь, в сам город.

— А взять его с боем не так уж и трудно, — сказал Конан. — Видишь, в каком состоянии ворота.

— Какие ворота? — спросила Малия. — Не вижу никаких ворот.

— Вот и я о том же, — ответил Конан. — Вся деревянная часть давно уже сгнила, да и металл испорчен.

— Да, — подтвердил Спрингальд, указывая на квадратные отверстия в нижних камнях ворот. — Здесь, видимо, крепились большие крюки. Камень долговечнее, чем металл или дерево. Дерево давно уже сгнило, и те, кто здесь проходили, предпочитали изготавливать оружие из металла.

— Будем надеяться, что, кроме этого железа, они ничего не унесли, — ворчал Вульфред.

Теперь они могли рассмотреть, что город был практически разрушен. Храмы стояли заброшенные, многие без крыш, трудно было понять, что в этих зданиях было раньше — театры, суды или, может

быть, рынки. Люди жили лишь в маленьких домиках, покрытых неуместной на фоне древних развалин соломой.

Население здесь, кажется, довольно многочисленно, больше всего воинов, чьи головные уборы непременно украшены белыми или черными перьями. Под тенью соломенных навесов или тканых палаток своим ремеслом занимались мастера по дереву и металлу, женщины твердыми, похожими на дубинки деревянными пестиками мололи зерно в больших ступках. В воздухе стоял запах скота, слышалось блеяние коз. Среди деревьев и цветов, которые росли когда-то в городских парках, садах знати, паслись более крупные животные. Вообще вся картина очень походила на те деревеньки, которые они уже видели среди полей, если не считать, конечно, благородных развалин таинственного древнего города.

Они миновали площадь, где разделявали забитый скот и где охотники торговали дичью. В одном месте на веревке, продетой сквозь жабры, как бусины были нанизаны огромные рыбыны, размером в половину человеческого роста.

— Человечиной, во всяком случае, не торгуют, — заметил кто-то из матросов. — Уже радость.

— Но откуда у них такая рыба? — поинтересовался другой. — Уж, наверное, не из тех ручейков, что мы видели.

Рыбы были не просто огромные, поражала их странная форма. Необычайно выпуклая голова имела некое отталкивающее сходство с человеческой, а

на передних брюшных плавниках просматривалось пять костистых ребер, отчего они напоминали ху-
денькую, как паутинка, кисть руки.

— Не знаю, как вы, — брезгливо поморщилась
Малия, — но я бы от такого угощения отказалась.

Они уже собрали небольшую толпу городских
зевак, и многие люди, занятые своим делом, тоже
поднимали головы и провожали незнакомцев удив-
ленными взглядами. Вся колонна проследовала меж-
ду двумя пьедесталами, на которых раньше возвы-
шались огромные статуи, ныне сброшенные, и вы-
шла на просторную площадь, окруженную со всех
сторон полуразрушенными зданиями. Площадь была
вымощена огненно-красными камнями, а на дальнем
ее краю виднелась башня цилиндрической формы
высотой в добрую сотню футов, которая хорошо со-
хранилась благодаря тому, что сложена была из та-
ких же исполинских размеров камней, что и город-
ская стена. По всему фасаду здания спиралью под-
нимался рельеф, лишь иногда прерываемый узкими
окнами.

— Каким образом вывозили из Пифона сокрови-
ща? — спросил Конан.

— Было всего несколько кораблей, — машиналь-
но ответил Спрингальд, пораженный открывшимся
ему великолепием.

— Тогда кого же они использовали в качестве
рабочей силы? — не отставал с расспросами Ко-
нан. — Чтобы построить для стигийского царя усы-
пальницу, надо собрать народ не одной деревни, а на
само строительство, возможно, уйдет и целая жизнь.

— Я... Я точно не знаю, но какое-то объяснение, вероятно, существует, — запинаясь, говорил Спрингальд. — Может быть, эта долина была густо заселена, и они, обратив людей в рабство, заставили их на себя работать.

— Довольно об этом, — сказал Ульфило. — Пора задуматься кое о чем поважнее.

Воинский эскорт остановился перед каменным возвышением, которое выдавалось из стены у самого основания башни. Вдоль всего возвышения на небольшом расстоянии друг от друга стояли столбы в человеческий рост, на каждом из которых красовался череп. Некоторые уже совсем выгорели на солнце, на других еще можно было различить остатки кожи, были и совсем недавно срубленные головы.

— Да, невеселая картина, — заметил Ульфило.

— Ну как, никого не узнаешь? — спросил Вульфред. Малия только испуганно вздрогнула.

— Из свежих нет ни одного светлокожего, — сказал Спрингальд. — А по высохшим черепам уже трудно определить.

В дверях башни началось какое-то движение, и все, кто был на площади, включая и эскорт, пали ниц. Каждый поднял правую руку, повернув её ладонью к башне, и зазвучали какие-то ритмические песнопения.

Из башни показался человек ростом добрых семь футов. Все его тело — сплетение крепких мускулов, они хорошо видны всем, поскольку кроме короткой шкуры леопарда да обилия разнообразных украшений на нем ничего не было. Если бы не обилие

декоративных шрамов, что в обычае у этого народа, его можно было бы назвать красивым и представительным. Шрамы покрывали буквально каждый дюйм его кожи, и казалось поэтому, что это какое-то плотно прилегающее одеяние из блестящих черных узелков.

Рядом с великаном семенило крошечное сморщенное существо неопределенного пола. Эта пародия на человека вдруг раскрыла свой беззубый рот, обнажив розовые десны, и что-то пропищала тонким голоёском. Воины эскорта в то же мгновение вскочили на ноги, схватили пленников за руки и заставили их опуститься на колени.

— Я не встану на колени перед дикарем! — взревел Ульфило.

— Я бы тоже воздержался, — заметил Вульфред, — однако в нашем случае лучше не сопротивляться — повиновение может оказаться полезным.

— Да, пока придется смириться, — вставил Коканан. — Время для мести наступит чуть позже.

За великаном следовала пышная свита. Здесь были неопишуемой красоты женщины, в руках они держали веера, цветы или горшочки с благовонными курениями. Вприпрыжку бежали гномы и другие уродцы, дюжие музыканты били в барабаны, дули в рожки и трубили в трубы. Лицо одного из свиты было раскрашено как посмертная маска, на плече он нес меч. Его широкий толстый клинок на конце был срезан. И без долгих раздумий понятно, что перед вами палач.

Великан что-то сказал, и вперед вышел человек среднего роста. На нем было длинное красно-синее полосатое одеяние и множество украшений на шее и на руках. К неописуемому удивлению путников, он обратился к ним на чистейшем кушитском:

— Кто вы и зачем пришли во владения царя Набо? Чужестранцам с той стороны гор запрещается ступать на священную землю долины.

— Ты ведь тоже чужестранец, судя по внешнему виду, — заметил Конан. — Пари держу, твои прародители родом из Стигии и из Кушита.

Человек стоял как громом пораженный.

— Да, в самом деле. Сюда меня привезли в качестве раба, меня схватили и продали работоторговцы, с той стороны гор. Но я исправно служил царю Набо и вот теперь сделался его советником. Задаю вам тот же вопрос: зачем вы здесь?

— Мы ищем моего брата, — сказал Ульфило. — Его зовут Марандос, он отправился в эти края со своим отрядом. У нас есть все основания предполагать, что он преодолел заколдованный перевал и достиг вашей земли.

— А что ему было здесь нужно?

Вопрос деликатный, они ведь так и не знают, кто перед ними. Они давно уже решили, что среди сильного народа, привыкшего к войне, было бы неосмотрительно признаваться, что их цель — найти сокровища. И на такой случай была заготовлена легенда.

— Мой брат — купец, и сюда он отправился в поисках новых торговых областей, он продает ме-

таллы, ткани и другие товары с севера. Вы не встречали его?

Человек перевел. Ко всеобщему изумлению, маленькое сморщенное чучело залилось пронзительным смехом. Потом, указывая на незнакомцев своим костлявым крючковатым пальцем, оно что-то записало.

— Агла говорит, что вы лжете! — резюмировал переводчик. — Она говорит, что вы — коварные грабители и пришли сюда, чтобы отнять у нас наше богатство.

Теперь, во всяком случае, известно, что это чучело — женщина.

— Почему же она так говорит? — спросил Ульфило, задетый в своей гордости.

— Она говорит, что вы ищете здесь сокровища, древнее богатство наших богов.

— А как же Марандос? — спросил Спрингальд.

В этот момент в толпе кто-то чихнул. Царь Набо медленно перевел взгляд в ту сторону, и Агла показала на нарушителя пальцем, что-то так же тонко прокричав. В ту же секунда в толпу врезались несколько воинов охраны и вытащили вперед этого несчастного. Из одежды на нем была только юбка и никаких украшений. Он, видимо, какой-то ремесленник, если судить по стружке, приставшей к его коже и одежде.

Царь небрежно махнул человеку с мертвенным лицом. Сей достойный важно приблизился к охранникам, которые уже поставили нарушителя на колени и держали его сзади за руки. Применение силы

излишне, потому что этот человек, кажется, примирился со своей судьбой и не оказывал никакого сопротивления. Палач обеими руками зажал длинный эфес своего меча и под дробь барабанов начал им размахивать над самой головой осужденного. Своим клинком он выписывал искусные и сложные фигуры, иногда поднося его так близко к затылку своей жертвы, что мог бы, казалось, коснуться его кожи.

С каждым прикосновением холодного металла лицо жертвы искажала гримаса ужаса. Он из бледного стал серым, а из раскрытого рта струйкой стекала слюна. Он и так уже наполовину мертв.

— Почему просто не прикончить беднягу? — взревел Конан.

— Этот царь, наверное, не прочь подурочиться, — сказал Спрингальд.

С диким криком палач подпрыгнул, два раза обернулся вокруг себя и опустил меч на расстоянии вытянутой руки от жертвы. Широкое лезвие очертило в воздухе полукруг, и голова несчастного все с тем же выражением ужаса покатилась к помосту. Охранники отпустили агонизирующий труп, и он повалился на землю; хлынула широкая струя крови.

Издав какой-то злобный крик, Агла выскочила вперед и схватила мертвую голову. Подняв ее высоко, она, не обращая внимания на кровь, заливавшую ее грязные лохмотья, исполнила тот же ритуальный танец, какой только что станцевал палач. Приблизившись к помосту, она под одобрительные

крики и смех толпы насадила голову на свободный шест.

— Мне не совсем понятно, что все это означает, — сказал Спрингальд. — Ясно одно — чихать в присутствии царя не следует.

— Будем надеяться, что у них при дворе не так уж много правил этикета, — добавила Малия.

Царь Набо сказал что-то переводчику.

— Мой повелитель желает знать, кто привел вас в наши земли.

— Мы руководствовались рассказом одного древнего путешественника, — ответил Спрингальд. Он протянул переводчику книгу. Тот показал ее царю, объяснив попутно, как следует переворачивать страницы. Царь некоторое время разглядывал книгу, потом заговорил.

— Мой повелитель не верит, что такие значки на листах бумаги могут провести человека через неизведанные страны. Он хочет знать, кто был вашим проводником.

— Но ты не понимаешь, — настаивал на своем Спрингальд. — Тому, кто владеет этим искусством, открываются секреты даже самых дальних стран.

— Я понимаю, — ответил переводчик. — Я знаю, что такое книги, и читаю по-стигийски. Попробую объяснить это царю Набо. — Переводчик беседовал с правителем в течение нескольких минут, но монарх только хмурился и качал головой. Агла внимательно слушала, вставляя фразы пронзительным, свистящим голосом.

— Мой повелитель говорит, опасности пустыни и гор вы могли преодолеть только с проводником, а Агла говорит, что волшебство вашей книги не имеет силы в наших землях.

— Мы и не собираемся заниматься колдовством, — нетерпеливо сказал Ульфилло. — Мы ищем брата. Вы можете сказать, что вы о нем знаете?

— Не следует раздражать царя Набо, — сказал переводчик, незаметно кивая на недавно отсеченную голову.

— Так объясни повелителю, что наши намерения самые миролюбивые, — сказал Спрингальд, — и что в этой земле мы ищем его защиты и гостеприимства на то время, что понадобится для поисков нашего родича.

Переводчик объяснил повелителю их намерения. Набо кивнул, и его губы скривились в улыбке. Агла же разразилась пронзительным смехом, звук которого оказался еще более отвратительным и ужасающим, чем ее резкий свистящий голос.

— От этого голоса становится не по себе, — с тревогой заметила Малия.

— А кто она вообще такая? — задумчиво спросил Вульфред. — Советница? Ведьма? Шут?

Конан усмехнулся:

— Она вполне может оказаться его матерью.

— Охотно верю, что у такой мамыши родился такой сынок, — сказала Малия, — они друг друга стоят. — Переводчик повернулся к ним, и пленники замолчали.

— Мой господин приглашает вас в свои владения. Вы будете жить здесь, в его покоях, и сегодня вечером он устраивает пир в вашу честь.

— Надо без колебаний соглашаться, — сказал Спрингальд.

— Да, — согласился Конан, говоря на аквилонском, — наша жизнь висит на волоске, и если нам вообще суждено выбраться отсюда, не говоря уже о сокровищах, надо побольше разузнать и об этой стране, и о ее народе.

— Решено, — сказал Ульфило. Он повернулся к переводчику: — Передай своему всемилостивейшему повелителю нашу сердечную благодарность и скажи, что мы будем счастливы воспользоваться его щедростью и добротой после долгого и многотрудного пути.

Царя, казалось, этот ответ вполне удовлетворил. Сказав что-то переводчику, он повернулся к толпе слуг и проследовал вместе с ними назад, в башню.

— Пойдемте со мной, — сказал переводчик. — Вы можете расположиться в царском дворце.

— Я бы предпочел что-нибудь другое, — пробормотал Ульфило, — но ничего не поделаешь. Пошли. Конан, Вульфред, смотрите, где здесь есть входы и выходы.

Ванир усмехнулся:

— Об этом-то я не забуду, ведь даже в «Поэме советов» сказано: «Когдаходишь в дом, разведай, где есть окна и двери, а вдруг придется спешно уходить и искать для отступления новые пути?»

— Да, только ваниры могли сочинить такие вирши, — засмеялась Малия, не обращая большого внимания на всю трудность и неопределенность их положения.

— Мы практичный народ. В этой поэме множество таких полезных советов.

Переводчик провел путешественников внутрь огромного каменного здания. Внизу оно оказалось еще более громадным, чем можно было предположить по внешнему виду. Планировка покоев поражала своей необычайностью, потому что стены, пол и потолок сходились под разными углами. Неровный пол поднимался несколькими уровнями, каменные карнизы и лестницы в несколько ступенек никуда не вели. Вдобавок ко всему в каменную кладку были вделаны вставки из дерева, бамбука и соломы. Внутри кипела активная работа.

— И какой сумасшедший это все построил? — спросил Конан.

— Трудно сказать, — неуверенно заметил Спрингальд, — каменная кладка очень напоминает раннюю стигийскую, но эти все украшения и планировка — такого я никогда не встречал, разве что на безумно древних рисунках, которые уже давно считаются плодом поврежденного воображения.

Царь в сопровождении своей свиты исчез в мрачных лабиринтах здания, а Конана с товарищами переводчик провел вверх по каменному склону, потом по нескольким лестницам, и наконец они очутились в анфиладе высоких комнат, освещаемых длинными узкими окнами. Стены и потолок тоже

сходились под какими-то немислимыми углами, но в покое было чисто, и пол устлан свежим тростником.

— Смотрите! — воскликнула Малия, подбегая к окну. Все остальные последовали ее примеру. Они в полном изумлении взирали на раскинувшееся под окном огромное озеро. Вода в нем на редкость темная и странно неподвижная.

— Теперь понятно, откуда берутся такие рыбы, — заметил Вульфред.

— Эта удивительная рыба вполне может водиться в подобном озере, — сказал Спрингальд. — Не нравится оно мне.

— Да, — подтвердил Конан, — что-то в нем есть странное.

Озеро имело правильную округлую форму и лежало, как оценил киммериец, в самом центре долины, в самой нижней ее части. И все ручьи в долине текли сюда.

— Вода должна как-то отсюда уходить, но непонятно как, — сказал Конан.

— На дне, может быть, есть специальные стоки, — предположил Спрингальд.

— У нас есть дела и поважнее, чем это дурацкое озеро, — прервал их Ульфило. Отойдя от окна, он уселся на покрытый соломой пол. — Например, почему нам ничего не рассказали о Марандосе? Мы ведь знаем, что он вошел в долину. Почему его от нас прячут?

— Вполне возможно, что они его убили, — сказал Спрингальд.

— Вы же все видели, как разделались с тем, который чихнул, — сказал Конан, — царь Набо не из тех, кто остановится перед кровопусканием.

— Может, они о нем ничего не знают, — сказала Малия. Она все еще стояла у окна и не отрываясь смотрела на озеро.

— Это невозможно, — сказал Ульфило.

— Мы слишком увлеклись этим озером, — опять заговорила Малия. — Посмотрите-ка вон туда, на те холмы. Мне уже мерещится, или там на самом деле еще один город?

Люди опять сгрудились у окна. Хорошенько всмотревшись в ту сторону, куда показывала Малия, они действительно различили группки каких-то построек, явно творение человека.

— Может быть, он там! — предположила Малия. — В долине, наверное, живут несколько племен, и они соперничают между собой. Этим и объясняется настороженность царя.

Ульфило почесал в бороде:

— Да, вполне возможно. Но мы не можем даже проверить, живет ли кто-нибудь в тех каменных завалах. Слишком далеко.

— И дыма не видно, — сказал Вульфред, — но от сухого дерева дыма может и не быть. Надо бы понаблюдать сегодня вечером. Свет факелов должен быть хорошо виден.

Конан повернулся к переводчику и обратился к нему на кушитском:

— Что там за город на холмах?

— Это не город, — торопливо ответил тот, — просто груды руин. — Его лицо выражало неподдельный страх.

— Не спрашивай его ни о чем, — тихо проговорил Ульфило.

— Как тебя зовут? — спросил Конан.

— Кефи, — теперь он заметно успокоился, чувствуя себя на безопасной территории. — Мой отец, как вы, наверное, поняли, был торговцем из Стигии, он содержал лагерь для купцов и работоторговцев на берегу Зархебы. Моя мать, кушитка, была его наложницей. Когда я перегонял скот по берегу реки, меня схватили торговцы рабами и в течение двух лет продали. Меня купили какие-то косоглазые и толстые, я не знал, что это за племя. Потом меня привезли сюда; мы прошли длинной пещерой, она как бы пронзает горный кряж с юга на север. И наконец меня купил отец царя Набо. Сначала я пас скот, но вскоре стал быстро продвигаться по службе, потому что я способный, и к тому же знаю разные языки, на которых в этой долине никто не говорит.

— Следовательно, торговцы сюда приходят, — сказал Вульфред, — и ты переводишь их чужую речь. Так, значит, чужестранцев сюда все-таки впускают, почему же ты говорил, что это запрещено?

— Никто не захотел бы жить совершенно изолированно, — пожал плечами Кефи. — Царю Набо нужны ткани и сталь, а наш народ, как и всякий другой, очень любит и цветные стеклянные бусы, и

зеркальца. Иногда надо прикупить рабов, иногда, наоборот, продать. Но чужестранцам запрещается задерживаться здесь надолго, дольше, чем необходимо для проведения их дел.

— А нас как примут? — спросил Ульфило.

— Это решает мой повелитель. В нашей земле только один закон — воля царя Набо. Сегодня он ваш добрый хозяин. Если вы ему понравитесь, он отошлет вас с подарками, если нет... — он опять пожал плечами, — он вас, наверное, всех убьет.

Глава 13

ПОВЕЛИТЕЛЬ ПРОКЛЯТОГО ОЗЕРА

Путники отдыхали, удалось даже немного поспать, до самого вечера. Их разбудил барабанный бой, который послышался снизу. Появились служанки с кувшинами воды, они принесли с собой одеяния, изготовленные явно из купленной у торговцев ткани. Все, за исключением Конана, с удовольствием сбросили свои драные лохмотья, повязав, однако, поверх красивого платья свои мечи.

— Пока что с нами обращаются вполне гостеприимно, — с надеждой в голосе проговорил Спрингальд.

— Все может измениться в любую минуту, — сказал Ульфило. — Царская милость всегда неустойчива, а у дикарей, я думаю, и вообще ни на что полагаться нельзя.

— Женщины у них очень хорошенькие, — сказал матрос с изуродованным шрамом лицом. — Вот только каким окажется сам царь, как думаете?

— На женщин и смотреть не смей, — строго сказал Ульфило. — Мы пока слишком мало знаем. Это

может быть воспринято как смертельное оскорбление. Подождите, может быть, он сам подаст знак.

— Не так-то просто сохранять спокойствие, — ответил матрос. — Сколько времени мы уже без женщин.

— Да, да, — подтвердили остальные.

— Если в его присутствии чихают, — заметил Конан, мрачно усмехаясь, — этот царь рубит головы. А какой части тела он вас лишит, если будете баловаться с его женщинами, как думаете? — Матросы больше не усмехались.

Заходящее солнце уже окрасило воды озера зловещими цветными бликами, когда в дверях появился Кефи.

— Царь устраивает пир в вашу честь, — объявил он. — Будьте добры, следуйте за мной.

Ульфилло повернулся к Спрингальду.

— Принеси-ка мешок с подарками, — приказал он. — У нас кое-что еще осталось, царю может пригодиться. — Он обратился к остальным: — Я хочу, чтобы каждый из вас вел себя наилучшим образом. Мы добрались в такую даль с огромными трудами и потерями не для того, чтобы сложить здесь головы или же уйти ни с чем.

— Ты абсолютно прав, — страстно заверил его Вульфред.

— Надеюсь, рыбы в сегодняшнем меню не предвидится, — сказала Малия.

— Ешь что дадут и улыбайся, — посоветовал Конан. — Есть вещи и похуже, чем неприглядная рыба.

Они спустились в нижние покои удивительной башни и устроились на подушках из шкур зебры. Слуги размахивали онахалами, музыканты били в барабаны и играли на флейтах, танцоры выделявали самые немислимые па. Раскачиваясь на ходулях, сражались наполненными воздухом пузырями люди в демонических масках, а полунагие женщины быстро двигались по кругу, подчиняясь сложным ритмам. Дети прихлопывали в ладоши, и на разные голоса звучали их жутковатые, хотя и мелодичные напевы.

Танцоры кружились все быстрее, пение достигло некоего экстаического апогея, когда из своих покоев в сопровождении свиты появился царь. За ним вышла и безобразная Агла.

— Кто такая эта мерзкая старая обезьяна? — спросил Вульфред у Кефи.

— Поосторожнее, — предупредил его переводчик, — она читает в самом человеческом сердце, даже если и не знает его языка. Она тоже королевской крови и царю приходится, наверное, прапрабабушкой. Говорят, что ей уже больше двухсот лет, и жизнь себе она продлевает какими-то немислимыми ритуалами. Она занимается тем, что вынюхивает заговоры против повелителя, и кто попадает у нее под подозрение — погибает мучительной смертью.

— Значит, здесь каждому грозит такая опасность, — заметил Конан, — потому что вряд ли у кого-то возникнут при взгляде на нее приятные мысли.

Царь уже занял свое место, рядом пристроилась Агла, и гостям предложили по большой кружке

пенящегося пива. Вульфред попробовал и одобрительно причмокнул губами.

— Не северный эль, конечно, — объявил он, — но пить можно. Может, они не такие дикари, как мы подумали.

Перед гостями появились фрукты, мясные блюда, плоские лепешки. Люди с жадностью набросились на еду. Ко всеобщему облегчению, рыбы не подавали. Ульфило торжественно преподнес царю Набо свои дары: красивое ожерелье из серебряных пластин, разукрашенное цветными эмалями, и кинжал с резной хрустальной рукоятью. Царю дары пришлись по душе, но Агла лишь злобно ухмыльнулась своей беззубой улыбкой, сощулив блестящие черные глазки.

— При взгляде на это чучело и аппетит пропадает, — ворчал Вульфред.

— Однако ты все-таки воздаешь этим кушаньям должное, — заметила Малия.

Ванир оторвал целую газелью ногу:

— Разве я могу обидеть доброго хозяина? К тому же когда еще придется так сытно поесть? Пока есть возможность, надо запастись. — И, подтверждая свои слова делом, он впился зубами в нежное мясо.

Пир продолжался в течение всего долгого, душного вечера, люди уже не могли пошевелиться от тяжести съеденного и выпитого. Конан ел с аппетитом, но ячменным пивом и пальмовым вином не злоупотреблял. Компания сомнительная, да и положение пока неясное. Ульфило и Спрингальд, как он

заметил, тоже соблюдали должную осторожность. Вульфред в отличие от остальных не чувствовал угрызений совести, но все осушенные кружки пива почти не оказали на него воздействия.

Когда над холмами на востоке взошла луна, царь Набо поднялся и хлопнул в ладоши. Барабаны смолкли, и рабы стали быстро убирать остатки ужина. В толпе гостей послышался какой-то шум, и вперед вышли двое стражников, они тащили молодую женщину, шея которой была закована медным кольцом. Она совсем не походила на жителей долины. Черты лица более грубые, и нет декоративных шрамов. Она явно чем-то смертельно напугана. Царь что-то ей сказал, и все засмеялись. Никто не проявил к ней ни капли жалости или сочувствия.

— А эта чем провинилась? — спросил Ульфилло. — Кажется, не чихала.

— Она ничем не провинилась, — ответил Кефи, — просто она рабыня. Пришел ее черед, и сегодня женщину подарят речным божествам.

Волосы зашевелились на голове у Конана.

— Жертвоприношение?

— Да. Рабов здесь покупают в основном именно для этого, так как для работы нужно не много людей. Но духи требуют жертвоприношений, и отдавать им рабов гораздо удобнее, чем выбирать кого-нибудь из себе подобных. Во время больших праздников в течение одного дня приносится множество жертв.

— Но это бесчеловечно! — возмущенно воскликнула Малия.

— И в моей стране время от времени приносят в жертву людей, — пожал плечами Вульфред. — Пусть себе режут друг друга, мне-то что за дело?

— Да, — подтвердил беззубый матрос, совсем опьяневший от выпитого, — я много раз возил рабов на Черный Берег, и больше половины этих скотов в пути дохнут. Ни на что они не годны. Нечего на них и внимание обращать.

Пальцы Конана сами собой сжались на эфесе меча.

— Не терплю рабства и не терплю жертвоприношений. А еще больше ненавижу грязных демонов, которые жаждут крови. Это омерзительно.

— Хочу тебе напомнить, — медленно проговорил Ульфило, — что нас мало, а их много. И наш царственный повелитель, — в его словах слышалось бесконечное презрение, — не разделяет в этом вопросе твоих чувств.

— Царь Набо прибегает свои более нежные чувства для избранного меньшинства, — добавил Спрингальд.

Вновь раздался барабанный бой, на этот раз медленный, завораживающий. Вперед вышли женщины и надели на шею рабыне гирлянды ароматных цветов. Ее руки были связаны за спиной. Женщину подтолкнули ближе к царскому возвышению. Повелитель поднялся и взял в руки факел. Держа его высоко над головой, он обратился к присутствующим:

— Царь повелевает: мы славно пировали от плодов щедрой земли, так давайте теперь возблагодарим

наших богов. Они голодны, но питаются не от земных плодов и не от звериной плоти, но от плоти мужчин и женщин.

— Может, лучше уйти? — сказала Малия, побледнев сильнее обычного.

— Это оскорбит духов, — предостерег их Кефи. — Если хотите остаться в живых и получать царские милости, вы должны присутствовать на жертвоприношении.

Волей-неволей им пришлось пойти вместе со всеми. Процессия проследовала вокруг возвышения башни и приблизилась к длинному спуску, который вел прямо от входа и на сотню шагов вдавался в озеро. Влажный, сырой воздух больше походил на морской. Рабыня, казалось, ничего не чувствовала, ее лицо выражало лишь животную покорность. Агла подпрыгивала и пританцовывала перед ней, заливаясь безумным смехом и кружась на своих ножках-соломинках. Она больше напоминала резвого ребенка, а не старую женщину. Она вскрикивала и подвывала тонким, пронзительным голосом, подхлестывая свой экстаз.

— Нельзя призывать богов, как будто созываешь свиней на помой, — пробормотал Спрингальд.

— Боюсь, что местным богам приличия неведомы, — заметила Малия. Она прилагала огромные усилия, чтобы только не выдать охватившее ее чувство омерзения и ужаса.

В толпе слышалось пение. Голоса звучали то громче, то тише, в сложную гармонию вплеталось неистовство танца и бой барабанов. Все это зрелище

представляло собой жуткую, мрачную, но в то же время прекрасную картину.

Процессия приблизилась к самым ступеням. Возглавляла ее Агла. Подойдя к кромке воды, она подняла в воздух свой увешанный погремушками посох и воззвала к божествам. Вначале это было все то же писклявое пение, но постепенно тональность менялась, и она издавала уже такие звуки, которые не может произвести нормальное человеческое горло. С ее слюнявых губ срывалось какое-то бульканье, резкие щелчки и что-то совсем невообразимое. Она пела, и вода в озере начала меняться.

— Что это такое? — в тревоге прошептала Малия.

На гладкой поверхности воды возникло какое-то пятно. Оно светилось изнутри густым красным светом. Потом стало понятно, что возникло оно не на поверхности, а будто бы поднялось из водных глубин. Колдовское пятно медленно росло. Из глубины озера что-то поднималось все выше.

Раздался всплеск, какое-то движение на поверхности. Еще один всплеск. Из воды выпрыгивали огромные бесформенные рыбы, как будто там, внизу, их преследовала какая-то опасность. Эти монстры прыгали и резвились на поверхности озера. В неясном свете трудно было хорошенько их рассмотреть, но все же видно, что они не похожи ни на одно живое существо, которое когда-либо обитало в водной стихии. Одни выбрасывали в воздух щупальца. Другие хлопали перепонками, похожими на крылья летучей мыши. Люди пришли в ужас, когда исполинских

размеров рыба схватила похожую на осьминога тварь при помощи части тела, которую вполне можно было бы назвать рукой, и затолкала извивающуюся добычу себе в рот.

— Это против всех законов природы! — воскликнула Малия.

— Не ожидала такого? — поинтересовался Спрингальд.

Киммерийцу же, чтобы остаться на месте, потребовалась вся его сила воли. Колдовство и вся связанная с ним отвратительная мерзость всегда вызывали в нем бурю негодования, а на этот раз дело поворачивается, кажется, особенно диким и ужасным образом.

Пение Аглы достигло своего иступленного апогея, и вода в озере как будто вздулась, образуя огромный круглый наплыв, который светился неестественным кровавым сиянием. Вокруг этого наплыва твари помельче вспенивали воду своими щупальцами. Внутри же появилось некое расплывчатое аморфное существо, состоящее из извивающихся щупалец и множества светящихся глаз.

— Что это? — в ужасе воскликнул один из матросов. Все они не могли двинуться с места от страха и не отрываясь смотрели на призрачное чудовище.

— Стойте где стоите! — прикрикнул на них Вульфред.

— Икатун! — ревела Агла. — Икатун! Икатун!

Водяной горб перестал расти и раскрылся, каскады воды рухнули в озеро, обнажив огромную тушу этого чудовищного «бога». По его темной шкуре

пробегали искры красного пламени, в воздухе стоял невыносимый смрад. Агла отошла в сторону, и царь Набо подтолкнул рабыню вперед. При виде этого омерзительного существа женщина очнулась от своего оцепенения, и на ее лице застыло выражение смертельного ужаса. Чудище уставилось на нее несколькими парами глаз и выбросило вперед длинное, толстое щупальце. Рабыня попыталась вырваться, но царь железной рукой сдавил ей запястье.

Вот щупальце приблизилось, и женщина закричала как безумная. Оканчивалось оно небольшим овальным отростком, внутренняя сторона которого была вся усеяна множеством похожих на клыки зубов. Царь отступил, а отросток скрутил тело женщины и поднял его в воздух. Зажав ее крепче, щупальце стало ритмично сокращаться. Крик несчастной жертвы заглушал все вокруг. Он длился долго, невыносимо долго.

Взвизгнув, один из матросов бросился бежать. Вульфред попытался удержать его, но тот успел соскользнуть от руки капитана. Чудовище одним глазом зафиксировало это движение, и с неожиданной для такой огромной туши быстротой щупальце устремилось к бегущему. Зубастый отросток уже обвился вокруг несчастного и потащил его в воду. Чудовище крепко держало свою извивающуюся добычу, а на его теле уже раскрылось напоминающее рот отверстие, обнажив влажные шевелящиеся перепонки и складки, напоминающие клубок омерзительных червей. Щупальца сжались, и в эту гнусную пещеру хлынули потоки крови. На грубой шкуре монстра

еще сильнее заиграли и замерцали кроваво-красные вспышки. Наконец щупальца раскрылись. От чело-веческих тел остались лишь обрывки кожи да горстка стертых в порошок костей. Эти останки тоже были отправлены в рот, который захлопнулся после этого с отвратительным чавканьем. Чудовище заухало и заворчало и стало медленно погружаться в воду. Вот оно скрылось, ушли в глубину и все остальные твари.

Гости пира медленно расходились по домам. Путешественники все так же стояли на месте, потрясенные, но они сумели не поддаться панике, хотя четверо оставшихся матросов были полумертвы от ужаса. Проходя мимо, царь одарил их своей дьявольской улыбкой, а Агла беззвучно рассмеялась беззубым ртом, как будто предвкушая, что следующей жертвой станут именно они, и бурно радуясь этой мысли.

К себе они возвращались в полном молчании. Первой заговорила Малия, когда они уже устраивались спать на покрытом соломой полу.

— Что же это было? Неужели и в самом деле божество?

— Вряд ли, — ответил Спрингальд, стаскивая с ноги заплатанный ботинок, — что-то совсем незнакомое.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Ульфило.

— Судя по его форме, по всему внешнему виду, оно из глубин иных миров. — В его голосе слышалась тревога, и следа не осталось от обычного шутливого тона. — Думаю, оно неземного происхождения.

— Но все-таки это бог? — спросил Вульфрел.

— Нам только известно, что оно сильное, — пожал плечами книжник. — Но кто может точно сказать, что представляет собой бог? Это существо обладает большой властью над теми, кто здесь живет. Оно изменило, наверное, весь животный мир озера. Бог это или не бог, в его руках нечеловеческое могущество.

— Мне безразлично, кто эта омерзительная тварь, — сказал Конан. — А с теми, кто ему поклоняется, я не могу иметь ничего общего. Надо нам убираться отсюда поскорее.

— Мне нечего на это возразить, — сказал Ульфило. — Мы здесь не обнаружили ни брата, ни сокровищ. Но куда же мы пойдём?

Все это время Конан стоял у окна. Вдруг он показал рукой на другую сторону озера:

— Смотрите!

Люди поднялись с соломы и сгрудились у окна. На холмах за озером, где днем они заметили какое-то поселение, сейчас горели огни.

На следующее утро они попросили разрешения пойти на охоту.

— Зачем вам охотиться? — спросил царь через переводчика. — Разве у меня недостаточно мяса?

— Достаточно, повелитель Набо, — ответил Ульфило, — и твоя щедрость не знает границ. Но в наших землях охота — развлечение знатных людей, и нет для нас ничего более приятного, чем охота.

— А, вам нравится убивать! — сказал царь Набо, с пониманием им улыбаясь. В этих вещах он

хорошо разбирался. — В таком случае, конечно, идите и убивайте. Я пошлю с вами эскорт белых плюмажей.

— Нам не нужен эскорт, — возразил Конан.

— Но я на этом настаиваю, — все так же улыбаясь, говорил царь.

— Это большая честь для нас, — мягко заговорил Спрингальд. — Нельзя ли воспользоваться вашей добротой, сир, и попросить, чтобы нас сопровождал ваш слуга Кефи? С его помощью мы сможем общаться с эскртом, а также с другими вашими подданными, если они встретятся нам на пути.

Царь Набо мановением руки выказал свое согласие:

— Удачной охоты, друзья. — И он весело рассмеялся.

— Не нравится мне, как потешается над нами этот дикарь, — сказала Малия, когда они выходили из города, держа на плече копья. Четверо оставшихся матросов брели позади, а за ними следовало два ряда воинов с белыми перьями на головах.

— Но что же у него на уме? — вслух размышлял Вульфред. — Он не ставит никаких условий, даже и вопросов почти не задает, спросил только, кто нас сюда привел.

Конан повернулся к Кефи:

— Почему царь считает, что нам нужен эскорт? — Он показал большим пальцем через плечо, туда, где с каменными лицами мерно шагали воины.

— Мой повелитель опасается, что на вас могут напасть, — ответил слуга.

— Напасть? — переспросил Ульфило. — Кто это может напасть? Здесь что, есть преступники?

— Преступники, да... И... мятежники. — Последнее слово он почти прошептал и бросил тревожный взгляд назад, на воинов, хотя они и не понимали по-кушитски.

— Наконец что-то проясняется, — сказал Конан. — Кефи, расскажи нам про мятежников. Забудь об этих псах с белыми перьями. Если кто-нибудь из них разберет хоть слово, я сам его прикончу.

— Прекрасно. Если они спросят, я скажу, что рассказывал вам о здешних землях и о дичи, что пасется на полях.

— Хорошо, — сказал Ульфило. — Так говори же.

— У царя Набо был брат. Старший брат, и, когда несколько лет назад их отец умер, он стал царем. Его звали Чаак. Он не оказывал почестей богу озера, и это очень прогневало Аглу.

— Почему он вообще не убил эту мерзкую тварь? — спросил Спрингальд.

— Аглы боятся даже цари, потому что ее колдовство сильно, а проклятия сбываются. Так вот, она стала сеять в народе слухи, что безбожие царя вызовет ужасные бедствия. В основном она настраивала против царя элитные отряды воинов с белыми плюмажами.

— А кто стоял во главе этих элитных отрядов? — спросил Ульфило, как всегда быстро ориентируясь в вопросах военных и политических.

— Да, ты прав, ими по старой традиции командовал младший брат правителя.

— Значит, Набо, — сказал Вульфред.
— Совершенно верно.
— Пожалуйста, рассказывай дальше, — просила его Малия.

— Агла восхваляла Набо, говорила, что он набожный и верный своему долгу человек, который, взойдя на престол, непременно вернет все древние обряды. Он поднял восстание и с помощью своих воинов выгнал законного правителя из города. Ему помогали также воины с синими плюмажами, но не так активно.

— А у старого правителя совсем не было сторонников? — спросил Ульфило.

— Нет, были. Верными ему остались большинство из его собственного клана, а также воины с зелеными перьями, его личная охрана. Была жестокая война, бои шли по всей долине. Последняя решающая битва произошла у заколдованного перевала, по которому вы спустились в долину.

— Царя убили? — спросил Конан.

— Да. С ним бок о бок сражался его молодой сын, думали, что он тоже погиб, но тела так и не нашли.

— Мы здесь видели воинов только с белыми или голубыми перьями. Куда делись остальные? — поинтересовался Спрингальд.

— Бежали. А остатки... — Он опять с тревогой обернулся на эскорт.

— А остатки живут сейчас в городе за озером? — закончил его мысль Конан.

— Да. Этот город вовсе не так велик, как у озера, но у него высокие и крепкие стены. Он больше напо-

минает форт, какие стигийцы строят по берегам. Там живут мятежники, которые грабят наши амбары и режут скот, тем и питаются.

— А что мой муж Марандос? — спросила Малия. — Скажи мне всю правду, царь Набо с ним тоже расправился?

— Клянусь тебе, — ответил Кефи, — что никогда даже не слышал об этом человеке. Если бы он здесь появился, правитель конечно же обратился бы ко мне, чтобы я переводил его речь.

Они охотились все утро и настреляли несколько маленьких упитанных газелей. В полдень Ульфило объявил привал, дичь разделали и обжарили на тлеющих углях. Они ели, запивая мясо вином из бурдюков, и обсуждали, что делать дальше.

— Нам стоит поискать себе укрытие, — сказал Конан. — А форт на холмах — самое подходящее для этого место. — На самом деле киммериец предпочел бы вообще убраться из этой долины, но он дал слово, что поможет найти Марандоса, и сдержит данное обещание, если только они сами не изменят своих намерений.

— Да, — согласился Ульфило, — если Марандос перебрался через горы, он может быть только там.

— И кроме того, — добавил Вульфред, — форт стоит именно в том месте не без причины.

— О чем ты? — спросила Малия.

— Сама подумай: город на берегу озера, это вполне понятно. Древние пифонцы, или кто бы там они ни были, построили его у воды, потому что во всей долине это самое подходящее для жизни место.

В самом центре плодородной долины, сюда стекаются все ручьи, рядом озеро. Именно здесь должен жить и правитель народа, и для рынка землепашцев самое удобное место. Но для чего нужен форт на холмах? Форт надо строить на границе или на перевале, там, где могут подобраться враги.

— Так для чего он? — озадаченно спросила Малия.

— Это казна! — воскликнул Спрингальд с блеском в глазах.

— Да, — подтвердил ванир. — Разве и в других землях так не делают? Правители любят, чтобы их ценности хранились недалеко, но в то же время и в безопасном месте, где их не смогут достать жадные придворные да ненадежные горожане.

— Да, — сказал Конан, — это мудрая мысль. Королевские сокровища хранятся в хорошо укрепленном месте вблизи столицы, я видел такое не один раз — в Немедии, Коринфии, в Заморе, в Туране и еще много где. И часто в этих замках правители укрываются во время восстаний.

— А здесь, видимо, произошло наоборот, — сказал Ульфило. — Если Марандос, пройдя перевал, повстречался с повстанцами, он вполне мог пойти с ними.

— Значит, он нашел и сокровища! — сказал Вульфред.

Спрингальд повернулся к Кефи и заговорил с ним по-кушитски.

— А раньше, пока там еще не было бунтовщиков, на холмах жили люди?

— Нет, — переводчик покачал головой. — Место было заброшено, и там, наверное, с самых древних времён никто не жил.

— Так я и думал, — сказал Спрингальд. — В течение веков много народов проходило по этой долине, и некоторые обосновались среди развалин у озера. Но форт на холме не понадобился никому. И многие тысячи лет со дня гибели последнего из пифонцев он стоял заброшенный.

— Так сокровища еще могут быть невредимы! — радостно воскликнул Вульфред.

— А если так, — сказал Спрингальд, — они, скорее всего, спрятаны где-нибудь в подвалах или склепах. Придется хорошенько поискать.

— Это уже пустяки по сравнению с тем, что уже пройдено! — закричал Вульфред.

— Какой оптимист! — язвительно заметила Малия. — Позволь напомнить, что нас «сопровождает» добрая дюжина охраны! Только взгляни на них! — Она кивнула в ту сторону, где на отдых расположились воины. Половина из них сидела у костра за обедом, остальные же стояли на страже, держа наготове копья. — А теперь посмотри на нас, — продолжала она. У костра вместе с Кефи сидело пятеро. Четверо матросов, насытив желудки и утолив жажду вином, мирно похрапывали, греясь на солнышке.

— Мои ребята — отличные воины, когда не спят, — сказал Вульфред. — А с такими отважными солдатами, как мы четверо, — он охватил широким жестом Конана и остальных, — думаю, мы без труда

воздадим должное этим негодяям. Надо просто хорошо подготовиться и атаковать внезапно, когда они этого не ожидают.

— Но у них посты по всей долине, — сказал Ульфило. — Уверен, что повсюду разослали гонцов и всем приказано за нами наблюдать.

— Может, придется и отступать, — сказал ванир, не теряя, впрочем, прежней уверенности. — Но нас и такой поворот не устрашит. И не забывай о награде, что нас ожидает!

— Когда, по-вашему, наилучший момент для нападения? — спросил Спрингальд.

Ульфило задумался.

— Ранним вечером, когда мы уже повернем к городу. А пока давайте постепенно двигаться в сторону холмов. Когда же мы повернем назад, они должны успокоиться и ослабить бдительность. Вот тогда-то и ударим. А в сумерках нам легче будет прокрасться к форту незамеченными.

— Разумный план, — сказал Конан. — У них много копий, и щиты воинов какие большие, но доспехов нет. Предупреди своих матросов, рыжая борода, что они должны оставить копья и взяться за мечи, чтобы подойти как можно ближе. Тогда преимущества будут на их стороне.

— Хорошо, я скажу. А с ним как быть? — Он кивнул на Кефи. Переводчик не понимал их северного языка и давно уже клевал носом.

— Он пойдет с нами, — сказал Спрингальд. — Чтобы общаться с повстанцами, нам понадобится переводчик.

— Вы уверены, что ваш план сработает? — Малию одолевали сомнения.

— Надо что-то предпринимать, и как можно скорее, — ответил Конан, — иначе все пойдем на корм этому рыбному богу.

Остальные одобрительно закивали.

— Решено. — Ульфило поставил последнюю точку. — Делаем как задумано.

После отдыха они еще побхотились, не уделяя, впрочем, этому занятию большого внимания и поэтому упуская совсем легкую добычу. Они много разговаривали и смеялись, чтобы усыпить бдительность охраны и подготовиться к побегу. Вульфред, притворяясь, что раздосадован невезением в охоте, улучил момент и коротко изложил своим матросам план отчаянной попытки вырваться на свободу. Моряки на это только злобно усмехались. Открытый бой, даже в соотношении трое на одного, пугал их гораздо меньше, чем чудовище из озера.

Лучи солнца уже коснулись верхушек гор, когда Ульфило подозвал переводчика.

— Скажи им, что мы возвращаемся, — приказал он. Кефи передал его слова воинам, и они повернули в сторону города.

Несколько минут шли не спеша, как будто устав от трудов дня. Спустившись в узкую лощину между холмами, где их не увидят жители ближайшей деревни, Ульфило крикнул:

— Давай!

В то же мгновение отряд развернулся, и в воздух взлетели короткие копыя. Трое из охраны были уже

мертвы. Несколько ранило, у других тяжелыми древками были повреждены щиты. Капитан охраны что-то прокричал, и воины бросились в атаку.

Конан, уклоняясь от длинного, тяжелого копья одного из воинов, успел все-таки отрубить ему руку. Повсюду слышались громкие удары мечей о щиты и неприятные, мясницкие звуки входящей в тело стали. Конан видел, как упал матрос с пронзенным горлом: он ударил воина саблей в живот и не смог потом освободить свое оружие.

Неожиданность нападения компенсировала неравенство сил, но без щитов в таком близком бою им пришлось несладко. Надо было прыгать и уворачиваться, размахивать мечом не останавливаясь, чтобы только избежать удара. Вульфред своим огромным ванирским клинком разрубил одного от плеча до пояса, аквилонские мечи тоже наносили смертельные удары, но воины сражались яростно и отлично владели своим оружием.

Вдруг раздался крик Малии. Ей было сказано держаться в стороне. Киммериец, рискуя жизнью, бросил взгляд в ее сторону. Он увидел, что женщину окружили волосатые чудовища, а сзади к сражающимся подходят и другие их сородичи.

— Бумбана! — закричал Конан, разрубая одного из воинов пополам. Его товарищи уже перебили почти всю охрану, но теперь на них наступали эти волосатые обезьяны. Киммериец ударил мечом одного, обезглавил другого, но тут он заметил, что трое из них напали на Спрингальда, а Ульфило и ванир, стоя друг к другу спиной, отбиваются от доброй дюжины.

Больше у Конана не было времени наблюдать за остальными. Перед его взором мелькали скалящиеся морды, узловатые плечи и кривые руки, которые держали грозное оружие. Полулюди неповоротливы по сравнению с гибким киммерийцем, но они сильные и мощные. Он понял, что надо спастись бегством. Но не успел Конан и подумать об этом, как ему на голову опустилась толстая дубинка, и он, уже ничего не видя, кроме вспышек резкого света, упал на траву. Потом дубинка ударила снова, и наступила тьма.

Глава 14

ПРОГУЛКА ПО ОЗЕРУ

Конан очнулся от сильной боли, голова кружилась. Он с трудом разлепил ресницы, на которых запеклась кровь, чтобы разобраться наконец, где находится. Выяснилось, что он привязан за руки и за ноги к длинному шесту, который несут двое. В темноте Конан различил еще одну подобную ему жертву, но не смог разобрать, кого именно из его товарищей постигла та же участь.

Во всяком случае, его носильщики — люди, хотя, судя по звериному ворчанью и фырканию, бумбана тоже где-то рядом. Поблизости слышалось пение.

— Отпустите меня, вы, свиньи! — раздался голос. — Я пойду сам, или убейте меня! Вы тащите аквилонского аристократа, будто это какая-то туша!

Несмотря на всю сложность положения, Конан не смог сдержать улыбки.

— Заклинаю тебя, друг мой, попридержи язык! — слышался спокойный голос. — Тщетно поносить людей, которые ни слова из твоей речи не

понимают, не говоря уже о том, что, если бы и понимали, вряд ли бы послушались твоих распоряжений.

Значит, Спрингальд жив и все так же словоохотлив.

— Да успокойтесь оба, — пренебрежительно сказала Малия. — Мы обречены.

— Ты-то, по крайней мере, идешь своими ногами, — проворчал Ульфило.

— Ты считаешь, для меня это большая радость? — спросила она. — Лучше бы уж прикончили. Не понимаю все-таки, зачем мы им понадобились живые.

— Можно найти этому несколько объяснений, — ответил Спрингальд, — боюсь только, ни одно из них спокойствия тебе не прибавит.

— Тогда не надо никаких объяснений. Мне хватает и тех ужасов, которые рисует мое собственное воображение, чтобы выслушивать еще и твои кошмары.

— В «Поэме добрых советов» говорится: «Только глупец говорит тогда, когда спасение — в молчании», — слышался еще один голос.

— Так, значит, глупец — это ты, ванир? — воскликнул Ульфило в запальчивости.

Вульфред весело рассмеялся:

— Едва ли наше настоящее положение свидетельствует о мудрости.

— Значит, Конан или очень умный, или без сознания, — сказала Малия, — потому что он молчит.

— Может, он умер, — сказал Спрингальд.

— Если бы черногривый умер, — сказал Вульфред, — бумбана бы его забрали, как они забрали всех моих несчастных матросов.

К ним подошел один из воинов и что-то прогавкал.

— Капитан говорит, что вы должны молчать, — перевел Кефи.

— Скажи-ка ему, что в разговоре с господами следует вести себя почтительно, — ответил Ульфило. — Оттого, что нацепил на себя перья, умнее не стал.

— Это не совсем благоразумно, — предупредил его Кефи.

В этот момент послышалось пение, оно становилось громче с каждой секундой. Вот их окружает уже целая толпа дикарей, у многих в руках зажженные факелы. Приплясывая вокруг пленников, они издевались над ними, тыкали факелами прямо в лицо, мимикой и жестами изображали те муки, которые ожидают их совсем скоро.

— Веселая компания, — с отвращением проговорил Вульфред. — Достойны своего правителя.

— Вблизи проклятого озера все живое принимает извращенные формы, — задумчиво заметил Спрингальд.

Процессия миновала городские ворота и следовала по улицам, собирая за собой толпу зевак. Горожане что-то бурно праздновали, веселились и бражничали сильнее, чем накануне вечером. Несчастных пленников били палками, бросали в них камнями и

мусором, хотя никто не выступил против них с оружием. Но было и одно исключение. В ярком свете факелов Конан заметил, что конвой Малии — это, скорее, охрана, оберегающая ее от нападок толпы.

Они подошли к площади перед башней, крики становились все громче. В своем неудобном положении Конан мог только рассмотреть, что возвышение заполнено народом. Какофония звуков росла, от шума толпы звенело в ушах. Подвешенных на шестах пленников опустили на землю, палки убрали. Как только мог незаметно Конан разминал кисти рук и стопы. По сигналу правителя барабаны замолчали, толпа затихла. Воины подхватили киммерийца под руки и приподняли, чтобы он сел. Он склонил голову вниз, как будто не совсем еще пришел в себя. На голову обрушился поток воды, который смыл с лица запекшуюся кровь. Конан, все так же имитируя полуобморок, сосредоточил теперь все внимание на возвышении у башни.

А там на варварском троне, покрытом шкурой леопарда, восседал царь Набо. Рядом с ним на невысоком сиденье располагался еще один человек; не смотря на высокий трон Набо, этот человек все равно возвышался над правителем. Между ними пристроилась Агла, ее сморщенное личико просто светилось злобной радостью. Высокий человек поднялся.

— Приветствую вас, друзья, — сказал Сетмес, верховный жрец Маата.

— Стигиец! — выдохнул Ульфило. — Что это значит? Мы же расстались с тобой в Кеми, много месяцев назад! Как ты оказался здесь?

— За нами шел черный корабль, — уныло сказал Вульфред. — Этот негодяй следил за нами с того самого дня, как мы вышли из Кеми, я уверен.

— Но как же соглашение! — воскликнул Спрингальд.

При этих словах жрец от всей души рассмеялся:

— Вы что, дети? Неужели поверили, что стигийские жрецы будут хранить слово, данное каким-то чужестранцам? Вы были обречены уже тогда, когда впервые переступили порог моего храма, хотя мне-то вы не очень нужны, как и ваш странствующий Марандос. Этот мой поход был предreshен уже многие века назад, и варварскому сброду нет в нем места, разве что в качестве рабов.

— Но это бесчестно, — протестовал Спрингальд.

Стигиец опять разразился смехом:

— Все такой же ученый муж, и перед лицом смерти, а, аквилонец? Не бойтесь, с вами все будет в порядке. Мой друг, царь Набо, согласился отдать вас в мои руки.

— Как же ты общался с этим псом? — спросил Конан, намеренно говоря хриплым голосом. — Ведь переводчик ушел с нами.

— С этой женщиной, — он показал на Аглу, — у нас есть общий язык. Намного древнее, чем ваше младенческое гиборейское наречие. Древнее даже, чем стигийский. — Он повернулся к Агле и произнес несколько слов на языке, совершенно чуждом любому известному наречию. Конан понял, что именно на этом языке вызывали озерное чудовище.

Агла ответила, показывая рукой на пленников и смеясь своим пронзительным смехом.

— Видите? — Сетмес повернулся к своим жертвам. — Мы теперь лучшие друзья.

Во время всей этой беседы Конан не спускал глаз с правителя Набо. Несмотря на ироническое заверение в дружбе, киммериец не мог не заметить явно раздраженного выражения, которое иногда набегало на лицо царя. Появление этого чужака в его владениях правителя вовсе не радовало.

Конан пригнул шею, как будто желая размять мышцы и избавиться от боли. На самом же деле он хотел оценить расстановку сил. Кроме жителей города, здесь собралось множество воинов, с белыми и синими плюмажами. На другой стороне площади Конан заметил солдат, которых в последний раз видел в пустыне. Рассматривая их сейчас в ярком свете, он различил среди них стигийцев, кешанийцев, много было и из племен пустыни. Несмотря на полную разномастность формы и оружия, в этих людях чувствовалась дисциплинированность профессионалов. Впереди стояли их стигийские военачальники: рыжебородый Копшеф и чернобородый Геб. Бумбана не видно.

— Так что вы собираетесь с нами сделать? — спросил Ульфило. — Я аквилонский аристократ и рабом не буду ни для кого.

— О, конечно, вас не пошлют носить воду или полоть грядки. Найдется более подходящее применение! Вот, например, в озере живет голодное божество. Уже много веков получает только местную

пищу, наверняка обрадуется такому заморскому лакомству.

При этих словах у Конана на голове зашевелились волосы, а Малия почти потеряла сознание.

— Стигийская свинья! — прорычал Ульфило.

Сетмес не обратил на его слова никакого внимания и повернулся к Малии:

— А ты, моя дорогая, не должна ничего бояться. Тебе предстоит более важная роль.

— Мне неинтересны твои планы, жрец, — сказала она. — Я предпочту умереть вместе со своими друзьями.

— Твои желания не имеют значения. Твое появление здесь было предсказано многие тысячи лет назад. — Усмешка сошла с его лица, уступив место выражению фанатической веры. — Ты известна под разными именами: Алебастровая Женщина, Королева Слоновой Кости, Дева Снегов, — и это еще не все. Тебе предназначено заложить основу, на которой восстанет из праха имперский Пифон, и восстановить на троне правящую династию!

— Ты сошел с ума! — сказала Малия. — Я дочь бездомной гиперборейки, которую безжалостная судьба бросала из стороны в сторону, мой муж — полунищий моряк, а сюда я попала лишь по стечению обстоятельств. Если бы этот книжник не встречал однажды в таверне моего мужа, ничего бы вообще не случилось!

— Когда за дело берутся боги, — ответил ей жрец, — не существует больше ни случая, ни вероятности, ни стечения обстоятельств. Все предопределено

и происходит согласно пророчеству. Если богам угодно, чтобы кто-то оказался в определенном месте, им вовсе не трудно организовать несколько войн и сделать так, чтобы совершенно посторонние люди случайно встретились.

Теперь жрец не отрываясь смотрел на Спрингальда.

— А ты, книжник, неужели ты думаешь, что эти древние тома случайно попали в Королевскую библиотеку Аквилонии или что их случайно отправили в Стигию для переплетных работ, где их и увидели впервые мои предшественники? Такое не могло произойти случайно! — Тут его отвлекла Агла, она что-то сказала Сетмесу, видимо нечто важное. Потом он опять обратился к пленникам. — Мой высокочтимый друг, жрица Агла, напомнила мне, что ее бог голоден, а я ему пообещал необычное лакомство. Так, посмотрим, кто будет первым? Добровольцев, я думаю, не найдется? — Со злобной усмешкой на губах он оглядел всех по очереди. — Нет? Так я и думал. Первым пойдет самый неинтересный. — Он вытянул руку с длинным, костлявым пальцем: — Ты, киммериец. Твои приятели — просто болтливые глупцы, ты же сумел войти ко мне в дом без приглашения и убил одного из моих слуг. Жаль, что ты в полуобмороке, не сможешь как следует оценить то необычайное, чему станешь сейчас свидетелем и участником.

Он сказал несколько слов Агле, и она пропищала что-то охранникам, которые все еще держали киммерийца. Наклонившись, один из них разрезал ве-

ревки на руках и ногах Конана. Не поднимая головы, Конан понял, что охранник разрезал веревки своим кинжалом. Осторожный взгляд в сторону — и пленник заметил меч в ножнах, небрежно перекинутых через плечо. У второго охранника — только копье.

Воин убрал кинжал и с помощью напарника поднял Конана на ноги. Киммериец откинул голову назад, как будто все еще в забытии. Сетмес шагнул с возвышения к ним и ударил Конана ладонью по щеке.

— Просыпайся, варвар! — рявкнул он. — Я хочу, чтобы ты увидел все своими глазами!

Конан плюнул стигийцу в лицо кровавой пеной:

— Это тебе и твоим грязным богам! — И опять уронил голову на грудь. До его слуха донесся приглушенный смех товарищей.

— Этот уже почти мертв, — сказал Сетмес. — Но для начала сойдет.

Вульфрéd коротко рассмеялся:

— Даже полкиммерийца — это опасный противник.

Послышалась мерная дробь барабанов, и охранники повели Конана вокруг башни, за ними следовала вся процессия. Он спотыкался и пошатывался, падая то на одного охранника, то на другого. Те бормотали себе под нос проклятья, сетуя, какой им достался неудобный груз. Вот уже и каменные ступеньки в озеро.

Агла уже кружилась в экстазе у самого края воды, но киммериец не обращал внимания на ее

призывные выкрики. Вот она замолчала на мгновение, чтобы только оглянуться на Конана и одарить его своей злобной усмешкой. Конан услышал голос Сетмеса, обращенный, по-видимому, к Спрингальду.

— Адское чудовище! — говорил он, и в его голосе впервые слышался благоговейный ужас. — Оно пришло сюда из столь далеких мест, что даже мудрейшие из колдунов Стигии не знают их названий. Оно преодолело огромные потоки пространства и нашло наконец покой в этом озере. Видишь, какое озеро круглое? Это кратер, чудовище упало сюда со звезд, беспомощное и изможденное после долгого полета. И миллион лет оно лежало на дне этой ямы, слабое, не способное шевельнуться. Потом кратер заполнился водой, но оно все ждало. В озере поселились рыбы и другие твари, но это существо обладает властью изменять все живое вокруг себя, делать его необычным и уродливым. — Пока он говорил, Агла продолжала свои безумные причитания, и в воде разлилось красное сияние.

— В долину пришли доисторические люди-змеи и построили город на берегу озера. Они-то и дали ему силы на многие миллионы лет. Чудовище подчинило их себе, сначала превратив в нечто неопишемое, а потом и вовсе уничтожив. И опять стало ждать, в течение многих веков. Пришли те, кто спасся из погибшего Пифона, они принесли свои сокровища и свое колдовство. На руинах, оставшихся от змееподобных, они построили свой город и спрятали сокровища. И стали ждать, посылая длинные-длинные

письма знатным пифонским беженцам, обосновавшимся в Стигии.

Потом они занялись колдовством и укрепили чары, оставленные еще змееподобными, так что только потомки правителей Пифона могли войти в долину. Но дал о себе знать бог озера, люди откупались от него как могли, пока он и их не уничтожил. Шло время, переписка со Стигией постепенно затухала, пифонская королевская семья уже не имела прежней власти и богатства, и вот все, что от нее осталось, — это культ древнего пифонского божества, Маата.

В воде уже плясали мелкие твари и начал расти горб. Конан прилагал все усилия, симулируя свое оцепенение, но его охватило незнакомое чувство — страх. Вся площадь позади, да и весь город заполнен вооруженными людьми. Жрец все в том же полубреду продолжает свой рассказ, сам воодушевляясь с каждой минутой.

— Пифонцы изменили свою человеческую суть, но прежде им удалось установить с чудовищем общение, и именно через это странное общение они получили первое предсказание о Новом Пифоне. В течение ста поколений жрецам Маата в Стигии являлись видения, посланные самим Маатом и другими божествами, в которых прояснялись все пророчества и рассказывалось о том, как будет восстановлен Пурпурный Трон, на который взойдет потомок пифонских королей. Я, Сетмес, — этот потомок, и я — исполнение пророчества!

Чудовище уже вылезло из воды и постепенно распускало щупальца. Агла смеялась своим сума-

спешшим смехом, а Сетмес безумно кричал на стигийском. Барабанный бой и пение достигли своего апогея, и чудовище уже тянулось к берегу голодными щупальцами. Конан понимал, что настало время решать свою судьбу. Отбросив притворную слабость, Конан яростно ринулся в бой.

Схватив правой рукой одного охранника, киммериец бросил его далеко в озеро. Не успел Конан ударить кулаком другого, как щупальце уже схватило свою первую жертву. Сорвав портупею с плеча воина, Конан сбросил охранника со ступеней. Не слышалось даже плеска, его поймали на лету.

Агла закричала еще более иступленно, и Конан пожалел, что на это отвратительное существо у него времени нет. Город за спиной полон разъяренных людей, и двигаться можно только в одном направлении. Киммериец сделал глубокий вдох и нырнул в темные воды проклятого озера.

Осторожно войдя в воду, он задержался на секунду, чтобы перекинуть меч на спину, и стал погружаться как можно глубже. Выхватив кинжал, он крепко зажал зубами его тяжелый эфес и поплыл дальше, стремясь как можно быстрее уйти от города. Он плыл прямо на чудовище, а страх преследовал его по пятам. К нему подползала рыба с человеческими руками, широко раскрыв пасть, усеянную острыми клыками, она жаждала плоти. Киммериец воткнул кинжал ей в глаз, и на запах крови слетелась целая стая таких же уродливых созданий, которые в мгновение ока разодрали раненого собрата на куски.

С огнем в груди Конан все плыл вперед. Он знал, что монстр прямо перед ним, а о том, насколько глубоко его тело погружено в воду, он не имел ни малейшего понятия. Если снизу подплыть не удастся, он обречен.

Кровавый свет наверху резал глаза. Он зловеще освещал копошащуюся массу каких-то отростков, похожих на поля водорослей. Среди этих отростков плавало что-то мелкое, что при ближайшем рассмотрении оказалось длинными тонкими щупальцами, покрытыми острыми шипами. Конан понял, что это и есть нижняя часть тела монстра. Он нырнул еще глубже, ужасная боль сдавила грудь... но вот и кончики щупалец.

Проплывая под чудовищем, Конан с ужасом заметил, что среди змеиных отростков попадаются совсем крошечные точные копии самого чудовища. Новое поколение? Или оно уподобляет себе все живое вокруг? Или для пришельца из иных миров это одно и то же?

Все с той же резкой болью в груди Конан поплыл вверх. Он не знал точно, насколько глубоко погрузился в воду, но хорошо понимал, что еще совсем немного — и он задохнется. Черные пятна уже мелькали перед глазами, затуманивая кровавое сияние, и сознание уплывало.

Вывавшись на поверхность, он наконец вдохнул полной грудью, вобрав в себя и струю воды. В течение нескольких секунд он мог только вдыхать воздух и чувствовать, как в тело вновь возвращаются силы. Потом он решил посмотреть, что же осталось позади.

Первое, что он увидел слишком близко, было горбатое шевелящееся чудовище. По его твердой шкуре пробегали яркие красные искры, таких Конан еще не видел, а над его разверстой пастью киммериец различил не менее шести щупалец, которые выжимали сок из своих жертв, как из спелых плодов. Чудовище, видимо, так рассвирепело, что выхватывало из толпы кого попало. Конан на миг пылко поверил, что кровь сегодня выкачали из Сетмеса, Аглы и Набо. С берега доносились крики обезумевших от ужаса людей. Представив себе, что они сейчас чувствуют, Конан коротко рассмеялся. Он надеялся, что монстр пощадит его товарищей, но в минуты, когда на смерть обречен каждый и каждый должен стоять за себя, им придется полагаться лишь на собственные силы.

Проклиная себя за напрасную трату времени, Конан поплыл к берегу. Сначала он плыл осторожным брассом, опасаясь, как бы чудовище его не заметило. Пока оно, кажется, занято, но как предугадать действия этого чуждого существа, да к тому же такого многоглазого? Оказавшись на достаточном расстоянии, Конан поплыл быстрым кролем, приближаясь к спасительному противоположному берегу.

Плыл он долго и время от времени чувствовал на теле касание чешуйчатых или склизких шкур. Он брал в руку кинжал и готовился к атаке, но никто его не тронул. Наконец до его слуха донесся легкий шелест воды о прибрежную гальку. Не в силах подняться на ноги, киммериец на четвереньках выбрал-

ся из воды, тяжело дыша и отряхивая свою черную гриву, как мокрая собака. Вдруг он замер на месте, увидев в нескольких дюймах от своего лица пару коричневых ног. А рядом — острие боевого топорика, на который и опирался владелец этих ног. Конан поднял голову и посмотрел в знакомые усмехающиеся глаза.

— Добро пожаловать на берег мятежников, друг, — сказал Гома.

Глава 15

МЯТЕЖНИКИ

Конан вскочил на ноги:

— Я так и думал, что ты здесь.

— И оказался прав. — Гома был не один. Его сопровождала добрая дюжина воинов, в лунном свете тускло мерцали их начищенные стальные копья. — Со стен форта мы заметили внизу необычайное волнение и решили разведать, что происходит. У бога озера сегодня, похоже, большой праздник?

— Он разочарован тем, что на обед первым блюдом предложили меня, и поэтому несколько рассержен, — ответил Конан.

Гома громко рассмеялся:

— Даже и бог озера не смог бы тебя как следует переварить! Пойдем, пора возвращаться в форт. Надо кое-что разузнать.

— Это мне надо кое-что разузнать, — прервал его Конан. — Почему ты нас бросил, когда нам так нужна была твоя помощь?

— Поосторожней, — предупредил его Гома, — я здесь команду, и вопросы задаю тоже только я. А войны, которых ты здесь видишь, верны своей присяге. — И в самом деле, Конан заметил, с какой преданностью смотрят те на своего командира.

— Ясно. Теперь я понимаю, кто ты на самом деле. Ну и что дальше? Ты был нашим товарищем и бросил нас, даже не предупредив.

— Да, тебя не запугаешь, — усмехнулся Гома. — Но если человек способен бросить вызов озерному богу да еще и выйти из воды живым, то, значит, он не похож на других. Хорошо, сейчас все объясню, чтобы ты больше не приставал ко мне с расспросами. — Извечная надменность Гомы стала еще сильнее. — Поступая на службу к белым, я обещал, что доведу вас до Рогов. Это я выполнил. Больше у меня никаких обязательств не было. А о том, что происходит здесь, за Рогами, я знал не больше вашего. Прежде чем принимать какое-либо решение, я должен был разведать ситуацию, и к тому же я хорошо понимал, что, если нас обнаружат вместе, вам смерти не миновать.

Они поднимались по крутой тропе, которая привела их к основанию высокой стены, сложенной из огромных грубо высеченных камней. Камни такие же массивные, как и в городской стене, но украшений нет никаких. Это, как предположил киммериец, работа колонистов, выходцев из разрушенного Пифона, то, что они успели сделать до своей гибели от мертвящего дыхания озера. В стену была

вделана массивная дверь из свежей древесины. Они вошли, и охранники у входа отдали Гома честь. Дверь заскрипела на грубых железных петлях и тяжело захлопнулась, охранники задвинули засовы.

Впереди открывалось небольшое поселение из крытых соломой и мазаных глиняных домиков. На стенах было множество людей, которые забрались повыше, чтобы посмотреть, что происходит на озере. Теперь многие заинтересовались чужаком. Гома что-то сказал, и толпа расступилась.

— Я им сказал, что пора расходиться по домам и ложиться спать, — пояснил он Конану. — У них еще будет время как следует тебя рассмотреть, да и при свете дня это будет интереснее.

В самом центре форта располагалось приземистое квадратное укрепление, но Гома провел Конана мимо, в большой домик, который в три-четыре раза превосходил размером все остальные. Сам он устроился на подушке из звериных шкур и жестом пригласил сесть и Конана.

— Ты провел нелегкую ночь, северянин, — сказал Гома. — Ты, должно быть, голоден?

— Ничего не ел с самого полудня, клянусь Кромом, а все это время только дрался, сражался или спасался бегством. Я просто умираю с голоду.

Гома хлопнул в ладоши, и появились женщины с тарелками и кружками пенного пива. Гома знаком приказал служанкам удалиться, а сам смотрел, как его гость утоляет голод мясом, фруктами и лепешками, запивая все это изрядным количеством пива.

Насытившись, киммериец вытер губы рукой и откинулся на подушках.

— Когда нас привели к царю Набо, — начал Конан, — он все расспрашивал, кто нам показал сюда дорогу, и наши уклончивые ответы очень ему не понравились. Поэтому мы хорошенько попытали переводчика.

— Переводчика? — переспросил Гома. — Это раб Кефи? Он был у моего отца пастухом; но потом его взяли ко двору, потому что он понимает речь чужестранных купцов.

— Да, тот самый. Он нам рассказал о гражданской войне, но очень неохотно, боялся, хотя солдаты и не понимали его языка. Он сказал, что в долине живут мятежники. Еще он сказал, что после битвы, в которой погиб прежний царь, тела его сына так и не нашли.

Гома улыбнулся:

— Ты все правильно понял, мой друг. Да, этот сын — я, и сумел доказать это мятежникам. Многие годы я провел в путешествиях, учился у разных народов, учился разным боевым искусствам, а мои люди за это время как раз начали тяготиться правлением дядюшки Набо.

— Несомненно, они его ненавидят, — сказал Конан, — да и за что его любить? Но, к сожалению, его боятся, и боятся это безобразной старухи Аглы.

— Агла! — Гома в негодовании сплюнул. — Эта древняя злобная тварь уже несколько поколений преследует мою семью. Она бессмертна, она обращает людей в рабство озерному божеству. Они

думают, что она каким-то образом получает от него силу.

— А ты в это веришь? — спросил Конан.

— Верил, когда был моложе, но во время своих странствий я насмотрелся на разнообразных шаманов и ведьм и понял, что они просто морочат людям голову, заставляя верить в свои сверхъестественные силы. Некоторые, конечно, владеют заклятиями, другие умеют вызывать духов джунглей, но большинство же просто хорошие фокусники. Мне теперь кажется, что это озерное существо вовсе и не бог. Я видел море и тех чудовищ, которые в нем обитают. А наше озерное, может быть, и не относится к разумным существам. Если это бог, почему же он прозябает в озере? Почему он нуждается в людях, которые бы кормили его кровью себе подобных?

— Ты стал мудрее в странствиях, — заметил Конан.

— Когда надо жить лишь своим умом, приходится учиться думать. Я оказался без племени, без традиций и научился не принимать ничьих слов на веру, пока эта вера не станет истиной. Теперь, когда я вернулся, я вижу, что многие слепые верования моего народа — глупое заблуждение. Вряд ли это чудовище удастся убить, но я не понимаю, почему мы должны кормить его.

— Кефи рассказал, что твой отец тоже отказался от жертвоприношений, — сказал Конан.

— И этим правитель заслужил враждебность Аглы. — Гома опять сплюнул.

— Убей ее, и половина твоих проблем решится.

— Я и собираюсь это сделать. И убью дядю, чтобы самому взойти на престол.

— Если начнется война, — сказал киммериец, — на меня можешь рассчитывать.

— Это будет не твоя война, — ответил Гома.

— Но я воин. И потом, Набо захватил моих товарищей, если они вообще еще живы. Я обещал им помогать, пока не найдем странствующего Марандоса, что еще не сделано, значит, я обязан сражаться за их освобождение.

— У тебя сильно развито чувство долга, — сказал Гома. — Это ценное и редкое качество.

— Иногда оказывается обузой. Я бы с удовольствием взял в руки копье и меч и пошел бы своей дорогой. Но я взялся за дело и должен довести его до конца.

— Прекрасно. Когда мы выступим против Набо, ты будешь рядом со мной.

— Великолепно. А что этот таинственный Марандос, как ты думаешь, где он может быть?

— Узнаешь утром, — сказал Гома. — А теперь надо немного поспать.

— Не помешало бы, — ответил Конан. — Трудный день, заверченный обильным ужином и пивом, — это тяжело даже для киммерийского воина. Я рад, что опять встретил тебя, друг. Иначе не знаю, как бы я стал объясняться с твоими мятежниками.

Гома хлопнул в ладоши, и на пороге появился молодой воин, которому Гома отдал какие-то распоряжения.

— Этот юноша отведет тебя в свободную хижину, — сказал он Конану. — Спокойной ночи, друг. Нам еще многое предстоит сделать.

В радостном предвкушении отдыха Конан последовал за воином, который в полном изумлении разглядывал это заморское чудо. Хижина, в которую его привели, была похожа на все остальные: та же небольшая круглая комната с отверстиями в стенах, через которые проникал воздух. Положив меч поближе, киммериец погрузился в глубокий сон.

Вставало солнечное утро, и только над озером висел легкий туман. Конан, потягиваясь, вышел из своей хижины. Просыпалась вся деревня, люди выходили на улицу, хлопая спростонья глазами, потом при виде киммерийца хлопая глазами еще сильнее. Болтая и оживленно жестикулируя, люди собирались вокруг незнакомца, дети хотели потрогать его странного цвета кожу, женщины накручивали на пальцы его длинные прямые волосы. Но, в отличие от городских жителей, в их любопытстве не было враждебности, жесткости. Они одного племени, а значит, решил Конан, разницу между ними можно объяснить пагубным действием близлежащего озера.

Когда Конан приблизился к большой хижине Гомы, стоящий на страже воин что-то прокричал, и на пороге появился сам хозяин. Он обратился с короткой речью к своему народу. Потом хлопнул в ладоши, и люди начали расходиться.

— Я им сказал, что ты мой друг и пришел из-за гор, — пояснил он Конану, — и что мы сражались плечом к плечу. Я им сказал, что ты с далекого

севера, из холодной туманной страны, где почти нет солнца, и поэтому кожа у людей белая, а глаза голубые. Они будут относиться к тебе с тем же уважением, какое оказывают моим верховным командирам.

— Благодарю тебя, — сказал Конан.

— А теперь пойдем. Надо проверить караулы, а заодно и поговорим.

Пока предводитель повстанцев осматривал посты и военные сооружения, Конан рассказывал ему, что происходит в городе. Слушая рассказ киммерийца о Сетмесе и его отряде, Гома даже присвистнул:

— Стигиец! Как ты думаешь, он на самом деле обладает колдовскими способностями?

— Про стигийских волшебников говорят, что они самые сильные во всем мире, и есть все основания полагать, что это правда. Но этот жрец совсем не похож на других, он потомок королевского рода Пифона. Не знаю, правда, как это отразилось на его сверхъестественных способностях. Из того, что я пока видел, следует только одно: он скорее не коварный колдун, а заговорщик и интриган.

— А что его отряд? Это сильное войско?

— Я решил, что это наемное войско и все воины-профессионалы. Поэтому недооценивать их не следует. Они выйдут в бой стройными рядами с копьями, мечами и щитами.

— Тогда это будет не бой, — заметил Гома с презрением. — Мои воины набросятся на них с криками и быстро окропят свои копья стигийской кровью.

— Яростью можно сломить дисциплину, — ответил Конан, — но так ты многих потеряешь.

— Воины рождены для того, чтобы умереть в битве. Так и должно быть.

— Бумбана я в городе не видел, — продолжал Конан. — Они, наверное, будут драться как всегда — бешено и бестолково.

— Мой дядя, должно быть, не допускает их в город. Даже для него эти гориллы — презренные твари.

— Я видел, они несли наших погибших, — мрачно заметил Конан. — Наверное, это был их обед.

— Мы их всех прикончим, — уверенно заявил Гома.

Они видели воинов с желтыми, красными и зелеными перьями. Люди свирепо рвались в бой. После многих лет изгнания они жаждали крови своих врагов. Гома пробыл с ними не более трех дней, но они уже полностью отдали себя в его руки. От внимания киммерийца это не ускользнуло.

— Все эти годы, — объяснил Гома, — они тешили себя надеждой на мое возвращение. Не будь я истинным воином и не оправдай их надежд, они бы вели себя иначе, но так не произошло, и они мне верны. Верховные командиры сначала отнеслись ко мне с подозрением, но я убил одного из усомнившихся, и остальные признали мое несомненное лидерство.

— Таким способом легко решать проблемы, — сказал Конан. — Какова численность твоего войска по сравнению с войском Набо?

— Людей у него больше, чем у меня, возможно, на четверть. Но синие перья — не ярые его сторонники, и если мы сразу захватим инициативу в бою, они, я думаю, перейдут к нам.

— А крестьяне из долины? — спросил Конан.

— Это не имеет значения, — пожал плечами Гома. — Пахари пахут землю, кто бы ими ни правил. В счет идут только воины.

Киммерийцу нечего было возразить против этого примитивного порядка вещей, который, впрочем, правит повсеместно. Те, кто не хочет брать в руки оружия и защищать свое, достойны малого. Им только позволяют есть и дышать, и за это уже надо быть благодарным. Сын воинственной расы, Конан не сочувствовал тем, кто выбрал для себя бездеятельную жизнь.

— Вчера ты обещал рассказать мне о Марандосе, — начал он.

— Да, обещал. Пойдем.

Гома повел киммерийца в каменное укрепление. Как и стена форта, эта постройка не имела никаких следов украшений, все было просто, прочно и имело свое предназначение. Внутри вел один проход — узкий и низкий проем, давно уже утративший свою деревянную дверь. Даже не проем, а туннель в толстой каменной кладке, который открывался в небольшую комнату длиной не более шести шагов. На высоте десяти футов стену прорезали шесть маленьких окон, через которые и поступал свет. Наверх вела каменная лестница. В центре на огромной каменной глыбе сидел человек. От его одежды остались

одни лохмотья, истощенное тело напоминало обтянутый кожей скелет, но глаза возбужденно горели. Он поднял голову и уставился на вошедших.

— Ты северянин! — сказал он, когда Конан подошел ближе.

— Ты не слепой, — ответил киммериец, — это хороший знак.

— Ты пришел с моим братом? А людей у вас хватит, чтобы забрать сокровища? — В его ввалившихся глазах горела жадность. Конан видел, что когда-то этот человек был хорош собой и очень похож на Ульфило.

— Да, я пришел с ним. А насчет людей, с этим придется подождать. — При этих словах человек пал духом и потерял ко всему интерес.

— Сколько его уже здесь держат? — спросил Конан.

— Держат? Но его никто не принуждает здесь оставаться. Ты же сам видел, здесь нет не только охраны, но и двери. Он появился здесь несколько месяцев назад, совершенно невменяемый. Прошел прямо сюда и прилип к этой глыбе, будто к родной матери. Мой народ почитает умалишенных. А этот вполне безопасен, поэтому у него просто забрали оружие и предоставили его самому себе. Женщины оставляют ему у входа еду и питье, но он почти ничего не ест. Проходя мимо, люди слышат его бредовые речи, но никто не понимает ни слова. У меня пока не было времени им заняться. Думаю, что это муж белой женщины, и, судя по его виду, она может считать себя свободной.

— Но что произошло? — обратился Конан к человеку, почти призраку, который был когда-то капитаном торгового корабля. — Где твои люди, которые пошли вместе с тобой во второй поход?

Тот силился что-то припомнить.

— Люди? Да, были люди. И полузвери, их еще дикари называют бумбана. Они должны были мне помочь вывезти сокровища, но теперь не помогут. — Он хитро усмехнулся. — Их больше нет, а сокровища здесь! — Он нежно погладил каменную глыбу, на которой сидел.

— Но что с ними случилось? — терпеливо расспрашивал Конан.

— Ну, одни умерли в джунглях, другие — в горах. Потом на нас напали дикие бумбана, и погибло еще много людей. Потом была пустыня... — Его взгляд сделался мрачным. — Там много умерло. Бумбана не понимали, почему надо умирать от голода и жажды, если рядом — человеческая кровь и плоть. — Некоторое время он молчал. — Но меня никто из них не тронул.

— А как же проклятья Рогов? — спросил Конан, сдерживая внезапное отвращение.

— Грянула сильная буря. Теперь и люди, и бумбана гибли от молний. И когда упал большой камень, со мной остался всего один человек. — Он смотрел на Конана полными горя глазами. — А ведь заклинание должно было все это предотвратить! Неужели жрец обманул меня?

— А неужели нормальный человек мог ему поверить? — спросил Конан.

Сумасшедший не обратил внимания на эти слова.

— Но теперь я нашел сокровища! — И он опять погладил камень.

— Они под этой глыбой? — спросил Конан.

— Наверное, но камень такой большой, я не могу один его поднять.

— Так, значит, ты не видел сокровища? — изумился Конан.

— Но больше им быть негде! — Марандос почти кричал.

— С самого Асгалуна вокруг одни безумцы, — пробормотал Конан, отворачиваясь в другую сторону. — Мог бы догадаться, что и этот такой же.

— Ты видишь, он не в своем уме, — повторил Гома. Мы теряем с ним время, Конан. Еще много дел. Мое присутствие здесь не удастся долго хранить в тайне, а когда Набо об этом узнает, он выступит против меня первый.

Они направились к выходу. Позади слышался голос безумца, который напевал песни про свои воображаемые сокровища.

— Почему Набо до сих пор не расправился с мятежниками? — спросил Конан, когда они вновь оказались на ярком солнечном свете.

— Потому что за ними — форт. Оборонительный бой, конечно, не очень по душе моим людям, но он позволяет противостоять более многочисленному противнику. Набо в конце концов, наверное, выиграл бы битву, но его потери были бы слишком велики. Какой-нибудь его генерал воспользовался бы всеобщим недовольством, и правителя бы сверг-

ли. А Набо не так сильно любит своего озерного бога, чтобы самому становиться его обедом. Ради истинного царя люди пойдут на большие жертвы. А Набо — всего лишь тиран и узурпатор. Поэтому он может себе позволить только быстрые, легкие и дешевые победы, иначе на него ополчатся свои же.

— Так происходит повсюду, — сказал Конан. — А я много путешествовал и видел разные страны. Так ты хочешь сразиться с ним в открытом поле? Где-нибудь подальше отсюда?

— Придется. Сердце воина восстает при мысли о том, что надо драться за стенами, только защищаясь. А чтобы заслужить верность своего народа, одной только королевской крови недостаточно. Быть правителем — значит обладать силой духа, почти что магической силой. Я должен выйти вперед и на виду у всей армии открыто вызвать узурпатора на битву. И разбить его в единоборстве.

— И всё же эта победа достанется дорогой ценой, — предупредил его Конан.

— Я знаю. Во время своих странствий я участвовал во многих битвах. И о ведении боя я знаю гораздо больше Набо, так что мог бы разбить его без больших усилий. Но это не прибавит мне чести. Всегда найдутся люди, которые станут шептать, что царь Гома не настоящий воин, что он победил Набо не мужеством, но хитростью. А такие разговоры среди здешних воинов непременно дадут свои результаты, и остаток дней я буду занят подавлением мелких мятежей.

— Ты серьезно подходишь к своему занятию правителя, — сказал Конан. — Я пойду с тобой на

любую битву, и легкую, и трудную. Когда ты хочешь выступать?

— Сначала мы должны точно определить ситуацию. Но долго ждать нельзя. Пойдем, я созвал совет вождей. Надо обсудить поточнее, в чем состоит дядина сила. Только глупец рвется в бой с закрытыми глазами.

Они прошли в открытый двор перед домиком Гомы. Там уже собралось около сорока человек, судя по внешности, опытные воины. У многих на лицах шрамы, некоторые совсем седые, но у каждого в глазах свирепость льва. Кроме разноцветных перьев, принадлежность к тому или иному полку определялась по повязкам из длинного меха на руках и на коленях. У всех были снежно-белые щиты. При появлении своего правителя они подняли руки и приветствовали его криками.

— Встань здесь, — сказал Гома Конану, усаживаясь на складной стул, покрытый шкурой леопарда. По обеим сторонам от него и сзади стояли воины с черными страусовыми перьями. Конан решил, что это личная охрана правителя.

Гома сказал несколько слов, и вот очень ловко и умело воины соорудили карту долины. Коровий череп изображал город у озера, львиный символизировал крепость. Горстка речных раковин стала озером. Черные камни обозначали деревни, овально сложенные кости антилопы являли собой расположение войск Набо. Реки и ручьи изображались струйками голубоватого песка, а ряд копьев, воткнутых тупым концом в землю, стал цепью гор.

Конан оценил все эти приготовления. Серьезный подход к делу. Любой немедийский генерал остался бы доволен.

Больше часа Гома беседовал со своими вождями на языке, которого Конан не понимал. По тону и по жестам он мог лишь догадываться, что одни настаивали на решительных действиях, другие же предпочитали осторожность. Он заметил, что молодым воинам слова не давали.

В продолжение этих переговоров Конан внимательно изучал карту. На своем веку он видел множество примеров того, как прекрасные армии тонули в крови потому только, что их лидеры не знали территории, на которой шло сражение. Конан отметил, что город у озера расположен в южной оконечности долины и что именно там и сосредоточены основные силы Набо. Остальные же разбросаны в северной части в виде небольших отрядов. Вместе со своими товарищами он проходил мимо этих лагерей по дороге к озеру.

Гома повернулся к Конану:

— Я понимаю, ты не знаешь, о чем мы говорим. Какие у тебя вопросы?

— Вот эти отдаленные военные посты, — начал Конан, — для чего они? Только чтобы отражать нападения мятежников?

— Частично для того, чтобы охранять скот королевскими силами. — Он особенно подчеркнул последние слова. — А частично это наша древняя традиция, согласно которой молодые воины должны несколько лет жить отдельно, небольшими отрядами,

ухаживая за скотом и возвращаясь в город только в особые дни, во время праздников или церемоний. Но главная причина в том, что правитель хочет обеспечить спокойствие в отдаленных районах.

— Он ничего еще не предпринял, чтобы их отозвать, сконцентрировать силы в городе?

— Пока нет. Вот еще одна причина, почему надо наносить удар как можно быстрее.

Конан улыбнулся:

— А как тебе понравится план, который даст несколько быстрых, легких побед, много вражеской крови и к тому же сильно навредит Набо?

— Я выслушаю такой план, — сказал Гома.

Конан выдернул из земли копье. Его острием он стал чертить на карте свой план. Гома переводил для остальных.

— Во-первых, вы должны разделить свои силы. Это всегда связано с риском, но стоит того. Небольшой отряд, одна треть или даже четверть от всего войска, должен сделать быстрый бросок на север, вдоль подножия восточной горной гряды. — Копье прочертило длинную линию на север долины. — Из соображений секретности этот бросок следует произвести в ночное время. Должны идти молодые и сильные, потому что спать им, возможно, совсем не придется. А на заре они должны будут повернуть на юг, охватив всю долину. Их задача — разбить все эти мелкие военные укрепления, причем так, чтобы люди не успели собраться с силами или предупредить соседей. Поэтому впереди основных сил отряда следует послать хороших бегунов,

которые перехватывали бы гонцов, если таковые захотят сообщить об опасности другим укреплениям.

— Мне нравится твой план, — сказал Гома. — Продолжай.

— Утром в назначенный день, — говорил Конан, — но не слишком рано ты поведешь основное войско против Набо. Если хорошо рассредоточиться и сделать много шума, враг решит, что ты собрал все свои силы. Потом ты должен расположиться у города, подтягивая сюда все свои войска, — Конан начертил несколько линий, сходящихся у коровьего черепа, — а с тылу к тебе подойдут те, что бежали из северных укреплений. Ты можешь сохранять ту же позицию, но можно запутать Набо, я предлагаю для этого развернуться кругом и отойти недалеко от города. Таким маневром ты с двух сторон разобьешь бежавшие отряды. — Опустившись на колени, Конан перемешал все прутики и камушки на плане. Потом поднялся. — Теперь, получив дополнительное подкрепление, ты опять поворачиваешь отряд кругом и вызываешь правителя на бой. И если я правильно оценил их численность, ваши силы будут к этому моменту практически равными. Или даже преимущество будет на вашей стороне. Кроме того, твои люди воодушевлены легкой победой, а с ним в это время все те же голубые плюмажи, которые уже начинают подумывать, за кем им пойти.

Вожди выслушали его речь с неослабевающим вниманием. Кто-то явно поддерживал, другие

сомневались, но, когда Конан закончил, никто не сказал ни слова. Все смотрели на своего правителя и ждали окончательного решения.

— Это хороший план, и я им воспользуюсь, — сказал тот наконец. — Но внесу одно изменение: я сам, лично, поведу отряд в долину.

— Это неблагоприятно. — Конан нахмурился. — Царь не должен подвергать себя такому сильному риску, когда ведет войско в битву.

— Так поступают у вас на севере, друг, но здесь это невозможно. Мои воины будут ждать от меня этого шага. А основным войском сможет управлять любой из верховных вождей.

— Как хочешь, — сказал Конан. — Когда ты намерен выступать?

— Ожиданием ничего не добьешься. Передовой отряд выходит сегодня в сумерки!

— Ты из тех, кто быстро принимает решения, — одобрил Конан. — А что мне делать?

Гома усмехнулся:

— Пойдешь со мной? Мы, старые боевые псы, покажем молодым, что такое настоящий бой.

— Да, я пойду с тобой.

— Прекрасно. Оставь себе это копье, оно тебе пригодится. У меня есть еще кое-что для тебя: — Он крикнул что-то через плечо, и из домика появилась женщина, она несла что-то в руках. Гома взял у нее этот предмет и передал его киммерийцу. Конан стал внимательно его рассматривать. Это было медное кольцо, с которого свисали три блестящих черных пера.

— Это значит, что ты принадлежишь к доверенным лицам правителя, — сказал Гома. — Любой воин должен уступить тебе дорогу, если на тебе эти перья.

Конан примерил головной убор.

— Завтра мы омоем в крови свои копья, — сказал он. Гома перевел, и эти слова вызвали у всех бурю кровожадного веселья.

Глава 16

ДОЛИНА В КРОВИ

Заходящее солнце заливало долину пурпурным светом, когда передовой отряд начал свои сборы. Для этой миссии Гома выбрал полк красноперых воинов. В нем в основном молодежь, которая жаждет проявить себя в деле и как раз подходит для этого тяжелого задания. Гома распорядился, чтобы весь день они провели на отдыхе, что, впрочем, выполнить было не так-то легко, потому что для многих этот бой был первым. Они должны сытно поесть, потому что с собой, кроме оружия, ничего брать нельзя, им надо лишь пройти по долине быстрым маршем и драться бок о бок со своим царем, пока он не взойдет на престол или не погибнет вместе со своими солдатами.

Над головой мерцали первые звезды, когда Гома отдавал последние распоряжения, переводя их и для Конана.

— Во время марша никакого пения и выкриков. Если кто-то споткнется и упадет, он должен молчать и так же в полной тишине подняться, если сможет.

Если укусит змея, — страдать беззвучно и умереть молча.

Воины с суровым видом выслушали эти приказы.
— Пора, — сказал Гома. — Идем.

Конан был в полной готовности. Ему выдали большой кусок леопардовой шкуры в качестве набедренной повязки и узкие браслеты длинного обезьяньего меха. Единственное, что теперь отличало его от остальных воинов, — длинный меч и нездешняя внешность. Щита у него не было, но, если понадобится, он всегда сможет позаимствовать его у противника.

Цепь красноперых воинов продвигалась сквозь собравшуюся толпу. По приказу правителя не было ни пения, ни приветственных выкриков, но люди подбадривали воинов низким звериным рычанием, звучавшим куда более воинственно, чем любые льстивые восхваления.

Миновав стены форта, отряд двинулся быстрее, потом еще быстрее, потом перешел на бег, поглощавший милю за милей. Впереди шли самые молодые, те, кто хорошо знал окрестности, потому что пас здесь скот. За ними шел Гома и его черноплюмажная охрана, включая и Конана. Потом — все остальные; бег сопровождался воинственным пением, которое звучало, впрочем, как шепот.

Взошла луна и залила долину бледным светом. Для юношей с крепкими ногами ее свет был так же привычен, как и дневной, ведь они множество ночей в своей жизни провели под открытым небом, оберегая свой скот. В кустах притаились огромные хищники:

припав к земле, они удивленно смотрели на непонятную процессию. Инстинктивно они чувствовали, что этой командой, вооруженной звенящей сталью, насытиться не удастся. Глупые подслеповатые носороги фыркали и отворачивались, не желая иметь дело с чужими.

Гома молчал. Ночь была прохладной, но люди вскоре были мокрые от пота, и пение слышалось слабее. Однако ни один даже не споткнулся. Именно поэтому Гома и остановил свой выбор на самых молодых. Время шло, и луна продолжала свой привычный путь по небосводу. Кое-кто начал уставать, но из строя ни один не вышел. Дышать стало тяжело, вот уже слышатся хрипы, но остановиться — значило бы обречь себя на несмыслимый позор.

Когда они добрались до северной оконечности долины, даже у самых крепких силы были на исходе. На широком лугу Гома приказал устроить привал, и люди в изнеможении попадали на траву. Конан и Гома, однако, дышали почти спокойно, и только их тугие мышцы блестели от пота. На правителе не было никаких украшений. В левой руке он держал маленький круглый щит из шкуры бегемота, а правой небрежно поигрывал своим неизменным топориком.

— Солнце восходит, — сказал Гома, пристально глядя восток, где над цепью гор появилась тонкая полоска бледного света. — Совсем скоро откроется его светлый лик. Но прежде мы должны начать бой. Это последняя заря правления Набо. Когда солнце сядет, долиной будет править истинный царь.

— Не хотел бы я быть здесь царем, — сказал Конан. — Земля прекрасная, но ее красоту отравляет озеро.

— Это правда. В своих странствиях я видел многие земли и подумываю теперь о том, что надо увести отсюда мой народ, подальше от этого озера. Мы найдем другую землю, такую же плодородную и благодатную, где есть пахоты и пастбища и где нашему скоту будет выгодно.

— На такие места обычно есть претенденты, — заметил Конан.

— Такова жизнь. Но за все это время я ни разу не встретил воинов, которые были бы сильнее моих. Когда мы найдем подходящее место, мы прогоним тех, кто там живет, и займем его сами. Богатства — награда сильных и смелых. Так было всегда.

— Да, так было. Что ж, пора. Я уже вижу на полмили.

— Да. Будем убивать. — Гома отдал приказ, и воины вскочили на ноги. Они готовились к битве, и на их лицах сверкали свирепые усмешки. Издав последний боевой клич, Гома высоко поднял свой топорик и побежал вперед. Воины с теми же криками последовали за своим правителем.

Конан бежал рядом с Гомой, его длинные ноги несли его так же легко и беспечно, как несут ноги скаковую лошадь. Через несколько минут они увидели первый лагерь. Он стоял на берегу небольшого ручья. У костров сидели несколько человек, которые уставились в полном изумлении на открывшееся зрелище, возникшее, наверное, из кошмарного сна. Они

вскочили и подняли крик. Из хижин выскакивали люди, полусонные, они хватались за оружие, но красноперые воины не давали им опомниться.

Это была не битва, а бойня. Царю даже не понадобилось взять в руки свой топорик. Он просто стоял в стороне и смотрел, как его воины пускают в ход копья. Не принимал участия в битве и Конан. Работа неизбежная, но унылая, такая не для него. Когда в живых не осталось никого из противников, отряд вновь выступил в путь. От вида крови молодые воины пришли в еще большую ярость. Те, кому еще не удалось окропить свое копьё кровью, жаждали поскорее восполнить этот недостаток.

В следующем лагере не спали, отряд вовремя заметили и встретили во всеоружии. Хотя лагерь уничтожили быстро, сражались противники мужественно. Конан видел, что Гома сам убил двоих молниеносным ударом топорика, легко отражая своим небольшим щитом вражеские копья.

К Конану бросился высокий воин с белым пером, за длинным щитом его почти не видно. Киммериец зажал меч в правой руке, копьё — в левой. Отведя вражеское оружие, он сильным ударом меча расколол щит и с быстротой змеи вонзил свое копьё в незащищенное тело. Оглядываясь в поисках следующей жертвы, он заметил, что бой почти окончен. Белых плюмажей уже почти не видно, но и среди красноперых есть убитые и раненые.

— Пойдемте, — сказал Гома, — стряхивая с топорика человеческие внутренности. — Утро только начинается.

— И хорошо начинается, — сказал Конан.

В следующем лагере располагался отряд голубых плюмажей. Воины выстроились в оборонительную линию, но вели себя как-то неуверенно. Приказав своим остановиться, Гома обратился к врагам с краткой речью.

— Я предложил им выбор, — сказал он Конану. — Пойти со мной и убивать белых или умереть на месте. У них есть время двадцати выдохов, чтобы принять решение.

Слышалось невнятное бормотание голосов, которое потом перешло в громкие выкрики. Опустив копья, воины бросились навстречу своему новому царю. Это пополнение с лихвой восполнило потери предыдущей битвы. С новыми силами отряд продолжал свой путь.

Утро разгоралось. Лагерь белых сдавались после коротких быстрых стычек. Когда воины с голубыми перьями видели среди нападающих такое множество своих, они сами присоединялись к отряду Гома, даже без его речи. Обновленный отряд с боевыми криками двигался вперед, оставляя за собой смерть и разрушение.

Когда они подошли к городу, копья воинов были красными от крови. Отряд понес небольшие потери, которые были ничто в сравнении с ценой возмездия. Воины нескольких последних укреплений издали заметили большой отряд и успели подготовиться к бою, но как же велико было отчаяние белых плюмажей, когда они обнаружили, что и от стен города их отделяют мощные вражеские силы.

Как один человек, войска развернулись кругом, представив смятенным врагам свои щиты и острые копья. С отчаяньем обреченных белые перья ринулись на стройные ряды, а сзади на них уже наседали подоспевший отряд. Слышались боевые кличи и стук копий, трава у стен города обгадилась кровью.

Конан колот копьем и рубил мечом, настигая бегущих и отражая нападающих. Эту мясорубку надо заканчивать как можно быстрее, иначе Набо может воспользоваться суматохой и сам пойдет в атаку. Через несколько минут поле являло собой залитую кровью бойню. Когда все было кончено, отряд по приказу Гомы перестроился.

— Я выдвинул вперед желтоперых, — пояснил он Конану. — Они — самые сильные. Потом — зеленые, полк небольшой, но это опытные воины, они не впадут в панику, если первым придется отступить. Красные — самые последние, потому что их силы на исходе. Голубые плюмажи встанут на левом фланге. Пусть привлекают своих на нашу сторону.

Конан оглядел городские стены. Людей собралось множество, но его товарищей среди них не было. Набо, похоже, не собирается защищать город, потому что воинов не видно и ворота свободны. Над самым входом в город стоял и сам правитель, обозревая открывшееся редкое зрелище. Справа от него сморщилась старая Агла. Колдунья шептала проклятья, которые из-за шума битвы все равно никто не слышал. Слева от правителя возвышалась фигура Сетмеса.

Когда все приготовления были закончены, Гома повернулся к Конану:

— Сейчас я собираюсь бросить дяде вызов. Он скажет, что я самозванец, я же докажу обратное. Я предложу ему единоборство, а он откажется. Тогда начнется бой, и мы разобьем его войско. Убивай всех без исключения. Ни один из сторонников Набо не должен остаться в живых. Но самого Набо не трогай. Только царь может поднять руку на царя.

— Но он не царь, — сказал Конан. — Он узурпатор.

— Не важно, он должен достаться мне. Я убью его, и люди должны это видеть.

— Как хочешь, но, если он нападет на меня первый, я за себя не отвечаю. Никто не остается в живых, если атакует меня с оружием в руках.

— Тогда держись от него подальше, — мрачно заметил Гома.

Все готово, и царь Гома вышел вперед. Приветственные крики его войска сотрясали все вокруг, люди стучали копьями о щиты, а их возгласы сливались в один восторженный рев обожания. Из-за городских ворот показались белые воины, вот они уже выстроились в боевой порядок перед стенами. За ними следовал полк голубых плюмажей. Конан быстро прикинул их численность. Вместе эти два полка насчитывали почти столько же людей, сколько в войске Гома. Благодаря солдатам Сетмеса силы сравниваются. Теперь многое зависит от синих плюмажей, к кому они примкнут. С левого фланга им уже что-то

кричали воины Гома, но те стояли с непреклонными каменными лицами.

Гома поднял топорик, и все звуки стихли. Он приблизился к вражескому войску на расстояние полета копья и обратился к тем, что стояли над воротами. Набо молчал, но Агла что-то сказала, и ее слова вызвали смех у горожан, которые собрались на стене. Тогда Гома обнажил торс, сбросив свое красное одеяние. Конан не видел, что именно предстало взорам горожан, но смех мгновенно смолк и по толпе прокатился ропот изумления. Потрясая топориком, Гома опять обратился к Набо. Узурпатор что-то высокомерно ему ответил. Конан понял, что единоборство отклонено. Он заметил, что вражеское войско этим недовольно, особенно воины с голубыми перьями, они, видимо, ожидали, что правитель примет вызов и будет драться за свой трон. Его отказ противоречил их понятиям о чести, это и к лучшему.

Вперед вышли стигийские солдаты, они плотными рядами встали перед городскими воротами. Бумбана нигде не видно. Все они, воины и солдаты, ждали в нервном нетерпении, когда начнется тяжелый и кровавый день.

Повернувшись к правителю спиной, Гома пошел к своим войскам. Вдруг позади него стигийский солдат сделал какое-то движение. Не успел арбалетчик отпустить тетиву, как Конан был уже рядом с Гомой. Схватив его за руку, киммериец сильным рывком оттащил Гому в сторону, в эту секунду мимо что-то просвистело. Послышался звук удара и глу-

хой крик. Воин в первом ряду схватился за оперенный пояс на груди. Там, где оружие прошло сквозь его кожаный щит, осталось небольшое аккуратное отверстие.

— Так они хотят подлостью погубить помазанного правителя?! — взревел Гома.

— Это наемники, — сказал Конан. — И вот один решил, что есть подходящая возможность прикончить вражеского предводителя. — Он одарил Гому холодной улыбкой. — Я сам был наемником. Я сам так поступал.

Набо что-то крикнул, и один из его воинов, размахнувшись, вонзил копье в тело только что стрелявшего арбалетчика. Сетмес хмуро выслушивал упреки узурпатора.

— Раздор между союзниками, — заметил Конан. — Все к нашему благу.

— Довольно об этом, — сказал Гома. — Пора начинать. Я мечтаю поскорее занять место моих предков. — Взмахнув высоко топориком, он поднял руку, указывая на вражеское войско. Желтоперые воины с грозными криками рванулись вперед. Конан и Гома последовали за ними, держась поближе к центру. Битва за долину началась.

В этом бою не нашлось места изобретательности или хитрости. Грубая сила шла против грубой силы. Копье ударялось о щит или с омерзительным звуком пронзало человеческое тело. Тяжелые дубинки разбивали черепа, короткие мечи рубили руки и ноги, и в воздухе висел запах свежей крови. Люди кричали, выли и... пели. Горожане со стен выкрикивали

проклятья, раздавались возгласы поддержки, а жители близлежащих деревень собрались у холмов, чтобы посмотреть на удивительную битву.

Конан колот и рубил в кровавой ярости, все его существо охватило боевое буйство предков. Древко его копья расколосось от удара о твердый щит. Зажав обеими руками меч, киммериец действовал им теперь с удвоенной силой, разрубая щиты одним ударом, а уже вторым умерщвляя противника.

Бок о бок с киммерийцем Гома широко размахивал своим топориком, точно отражая удары маленьким щитом. Вражеских воинов еще до его удара сражали наповал королевские знаки Гомы. Повсюду вокруг этих двоих чувствовалось присутствие элитной гвардии черных перьев.

В ярости битвы стройные ряды рассыпались, и люди дрались уже отдельными кучками. В этот момент один из вождей Гомы что-то прокричал, и в бой вступила еще одна линия — зеленоперых. Белые плюмажи были теперь в полном отчаянье, но никто и не думал признать себя побежденным. Милосердия все равно сегодня ждать не придется.

На этой второй стадии битвы командир голубых плюмажей наконец решился. Он уже показал свое воинское искусство, потому что не послал свой полк в самую гущу битвы, где в суматохе им пришлось бы отбиваться от двух противников. Сейчас по его команде воины развернулись и внезапно атаковали стигийских наемников, охранявших ворота. С радостными криками им на помощь бросились голубые плюмажи с левого фланга Гомы.

Шло два отдельных сражения: разноцветные войска Гомы против белых плюмажей и синие — против стигийцев. Очень скоро голубые плюмажи стали ощущать серьезные потери. Их бурная ярость натолкнулась на холодную, методичную дисциплинированность цивилизованных солдат. Как обычно и бывает в подобных случаях, солдатская дисциплина с лихвой восполнила численный недостаток. Воины шли плотными рядами, и каждого защищал не только собственный щит, но и щиты соседей с обеих сторон, так что можно было сосредоточить все внимание на противнике. А благодаря крепким доспехам солдат нанести им удар было не так-то легко. Рядом — стена и ворота, поэтому обойти отряд с тыла или с фланга не удастся. Передовая линия превратилась в настоящую мясорубку, где нагая плоть ударялась о твердую сталь, и на каждого выведенного из строя стигийца приходилось пять мертвых воинов.

Вторая часть сражения близилась к завершению. Брошенные голубыми плюмажами, которые отвлекли на себя стигийских союзников, белые перья терпели поражение. Потеряв надежду, некоторые пытались спастись бегством. Набравшись уже свежих сил, за ними бросались красноперые и безжалостно убивали. Повсюду лилась кровь.

Гома перевел дух, радуясь скорому окончанию битвы. Он увидел Конана, который стоял, опираясь на эфес опущенного к земле меча. Его руки в крови по самые плечи, все тело тоже забрызгано кровью. На голове — медное кольцо, а три черных

пера сорваны не попавшими в цель стрелами. Тяжело дыша, Конан смотрел на происходящее у ворот.

— Вижу, ты не терял даром времени, — сказал Гома.

— Не терял, — согласился киммериец, — но бой еще не кончен. Вон тем пришлось совсем плохо.

— Да. Они расплачиваются кровью за службу Набо. Это хорошая плата. Те, кто останется в живых, будут моими лучшими воинами. — Он покачал головой. — Нельзя так драться.

— Это ведь не воины, а солдаты, они верны не королю или генералу, а тому, кто им платит. Враги не всегда так любезны, что предоставляют возможность сражаться, как ты считаешь наилучшим.

— Но как им помочь? — спросил Гома.

— Нельзя вести бой по всей линии. На этом только теряешь силы. Собери плотную группу и нанеси удар в центр. Тем, кто впереди, придется тяжело, но тогда нам удастся разрушить порядок флангов. И ты сможешь обойти их сбоку, пока та группа отвлекает внимание в центре.

— Звучит разумно, Давай посмотрим, сможем ли мы это осуществить.

Гома подозвал своих вождей, и под предводительством киммерийца они отправились в самую гущу сражения. Не так-то легко заставить разъяренных дикарей сложить оружие, и Гома приходилось время от времени пускать в ход свой топорик. Но вскоре над полем битвы наступило затишье, голубые плюмажи отступили.

Под руководством Конана Гома перестроил свои войска, и получился огромный клин, направленный острием в самый центр стигийского отряда.

Это острие составляли голубые плюмажи, которые еще раз должны были доказать кровью свою верность новому правителю. Остальные выстроились как придется, потому что предстоящее сражение обещало быть не демонстрацией боевого искусства и дисциплины, а яростной, хаотичной схваткой на небольшом пятачке земли, где еще держалось сопротивление истинному правителю.

На городской стене в безмолвном оцепенении ждали люди. Набо взирал на мертвые тела своих воинов, и в его взгляде светилась маниакальная ярость, Агла же прыгала вокруг с безумными криками, которые, казалось, вот-вот доведут ее до апоплексического удара. Сетмеса нигде не видно.

Конан и Гома стояли немного поодаль. Они уже во много раз перевыполнили свою боевую норму, и сейчас, на завершающем этапе сражения, основная роль отводится всему войску, потому что главное здесь — не личная доблесть, а сила и мощь большого отряда и быстрота удара. На передней линии вражеских войск киммериец заметил двух офицеров. Они привлекли его внимание своим суровым взглядом — эти люди были готовы на все. У них за плечами множество тяжелых битв, и сейчас они не намерены отступать перед обыкновенными дикарями.

По команде Гома клин двинулся вперед, сначала шагом, потом легкой трусцой и наконец быстрым

бегом. Острие вонзилось в самый центр линии стигийцев. Линия дрогнула и распалась, атакующие дикари рвались вперед, перепрыгивая через тела погибших врагов. Вот уже выросла огромная куча трупов, истекающая кровью. Тех, кто ворвался во вражеские ряды первыми, ждала печальная участь. Но стигийские фланги уже смешались, и сильную оборону держать стало невозможно. Поэтому следующие ряды нападавших сумели расширить линию наступления и прорваться в глубь стигийского войска. Давление все усиливалось, и стигийцы разбивались на мелкие группы. Теперь уже дисциплина не имела значения, и солдатам, несмотря на всю их опытность и умение, было уже не устоять против обезумевших копыеносцев. Сметая на своем пути остатки стигийского войска, воины ворвались в город.

Как только проход был свободен, Конан и Гома вошли в город. Мирные жители в ужасе бежали, заметив опьяневших от крови воинов. А те и в самом деле не видели, кто перед ними — солдаты или простые люди, и рубили всех без разбору.

— Надо их попридержать, — заметил Конан, — иначе подданных у тебя не останется.

Гома пожал плечами:

— Городские жители поддерживали Набо. А резня все равно скоро прекратится. Есть одно правило, известное любому королю: убитых всегда есть кем восполнить. Рождается ведь больше.

Конан не нашелся, что ответить на эту дикую философию. На своем веку он редко встречал людей

с мягкими, либеральными взглядами, а представления Гома еще не самые жестокие. И в самом деле, после нескольких минут яростной бойни торжествующие победу воины успокоились, и убийства прекратились. Гома распорядился, чтобы командиры систематически прочесывали город. Ему нужны Набо, Агла и Сетмес, лучше живыми. Набо нельзя убивать ни в коем случае.

Осмотрев тела погибших наемников, Конан не обнаружил среди них офицеров — рыжебородого Копшефа и чернобородого Геба. Эти двое, значит, сумели вырваться и скрылись где-то в городе. Может быть, они там же, где Сетмес?

Во время прочесывания городских улиц воины Гома наткнулись на нескольких оставшихся в живых стигийских наемников, попались и ярые сторонники Набо, его приближенные, которым была выгодна узурпация власти и гибель отца Гома. С этими расправились безо всякой жалости. Наконец войско собралось перед башней. Когда Гома вышел вперед, площадь огласилась торжественными криками. Поднявшись на возвышение, он благодарил людей за приветствия. Потом, крикнув что-то в толпу, он еще раз опустил одежду и обнажил торс. И опять в толпе пронесся благоговейный шепот, люди склоняли головы и поднимали руки ладонями вверх.

Теперь этот знак увидел и киммериец. На груди у Гома блеснул черный шрам: волнистый трезубец, соединенный полумесяцем. Гома сделал Конану знак подняться к нему на возвышение.

— Я показал народу знак законной власти. Уже сто поколений на груди наследника вырезают этот символ, символ древнего покровителя горного перевала.

— Я такой уже видел, — сказал Конан.

— Сейчас я снова вызываю Набо на единоборство. В этот раз он должен принять вызов, потому что ему нечего терять. Ты будь начеку и следи, чтобы все было честно.

— Как хочешь, но ты ведь уже отвоевал свой трон в бою, зачем рисковать теперь?

— Набо был царем, пусть и узурпатором. Царя убить может только царь.

— Тогда пусть его к тебе подведут, и просто сруби ему голову, — настаивал Конан. — Будь же благоразумен! Ты не спал всю ночь, ты проделал длинный путь и дрался в битве. А он все это время только смотрел, как умирают другие.

— И все равно, таков обычай. Люди должны видеть мою победу и смерть Набо. Он должен умереть от моей руки в честном бою. Иначе я никогда не буду чувствовать себя на троне спокойно.

Его голос звучал твердо, и так же твердо он выкрикнул свой вызов тому, кто находился в башне. Наступила длинная, тяжелая пауза, потом внутри послышались какие-то звуки. Из ворот башни показалась процессия царских слуг: танцовщицы, прислужницы, фокусники, которых Конан уже видел раньше, палач в своей маске-черепе. Последним шел сам Набо, выступая с гордостью побежденного льва. Аглы видно не было. Конан заметил Кефи и подозвал переводчика к себе.

— Ты будешь мне переводить, — приказал он рабу.

— Ты станешь говорить с новым правителем через меня? — Его голос дрожал от ужаса.

— Да, ты верно мне служил. Послужи и теперь, и я скажу Гома, что ты просто раб, и ничего больше, и что ты исполнял приказы бывшего правителя. Думаю, Гома не откажет тебе в милости. Всех сподвижников Набо он уже убил.

— Благодарю тебя, господин. — Кефи облегченно вздохнул.

— Теперь скажи, где мои друзья?

— И Сетмес, и правитель были очень разгневаны, когда ты так ловко бежал. Агла кричала, что их надо немедленно скормить озерному богу, но стигийский жрец приказал обязательно оставить в живых женщину. Набо сказал, что озерный бог слишком возбужден и надо, чтобы он опустил на дно и успокоился.

Вчера вечером троих мужчин повели на жертвоприношение, но, несмотря на все старания Аглы, божество не показывалось. От этого она рассвирепела еще сильнее обычного и хотела убить их сама, но Набо запретил, он сказал, что их надо поберечь до завтрашнего вечера. А теперь он и сам не доживет до этого вечера.

— Я тоже так думаю, — сказал Конан. — А где Агла?

— Я не знаю. Когда царь вернулся с городской стены, где смотрел, как идет сражение, мы, все слуги, столпились в большом зале, чтобы узнать, что нас

ожидает. Она пришла вместе с правителем, но потом исчезла где-то в башне.

— А жрец?

— Он пришел еще раньше. С ним были двое офицеров. Я видел, как они побежали наверх, туда, где держали пленников, а потом я их больше не видел.

— Порази его Кром! Что же он замышляет? — Конану хотелось поскорее проникнуть в башню и узнать, что с его товарищами, но сначала надо выяснить, чем все кончится здесь. Двое правителей с пением кружились в сложном ритуале, похожем на танец. Конан поинтересовался, что это значит.

— Когда цари вызывают друг друга на бой, они рассказывают всю свою родословную. Эти двое — дядя и племянник, поэтому родословная у них одна. Набо говорит, что трон принадлежит ему, то же самое говорит и Гома. Но это все только для вида, потому что каждому понятно: законны только притязания Гома.

— А если победит Набо? — спросил Конан. — Что тогда?

— Тогда народ присягнет ему на верность, — ответил Кефи.

— Что? — воскликнул Конан. — После всей пролитой крови Набо все равно получит трон, если только победит в единоборстве?

— Конечно. Это значит, что его царствование угодно богам. Раньше мятежники тешили себя мыслью о том, что царский сын жив и скоро к ним вернется, но теперь, если он погибнет, заменить его никто не сможет.

Конан покачал головой:

— Трудно понять этот народ.

Вот ритуал окончен, и слуга подал Набо оружие — небольшой щит, обтянутый шкурой бегемота, такой же как у Гомы, и короткое тупое копье. Древко небольшое, около двух футов, но острие длинное, в половину человеческой руки, и шириной в две ладони. Острые края зловеще мерцали.

Голоса стихли, и начался бой. Стоя друг против друга, соперники подняли мечи. По этому жесту, как по команде, раздалась яростная барабанная дробь. Кроме этой дроби, больше не доносилось ни единого звука. Держа крепко свои щиты, противники осторожно готовились сделать первый шаг. Набо опустил копье, направив его острием сопернику в живот. Топорик Гомы почти небрежно лежал у него на плече. Но киммериец заметил, что древко оружия на самом деле слегка приподнято с плеча, значит, Гома готов к битве, он как натянутая тетива.

Со сдавленным криком Набо рванулся вперед, целясь копьем ниже груди. Гома встретил его оружие щитом и в свою очередь нанес три быстрых удара. Одно движение запястья — и топорик с быстротой молнии взвился вверх. Ловко уворачиваясь и умело закрываясь щитом, Набо удалось избежать удара. По его иссеченному шрамами лбу стекал пот, а в яростном оскале сверкнули белые зубы.

Замахнувшись щитом к лицу Гомы, Набо нанес ему удар по ногам, как будто у него было не копье, а короткий меч. Гома отпрыгнул, стараясь увернуться от удара, но острие копья оставило у него

на ноге длинный порез. Набо усмехнулся и что-то сказал.

— Он уже объявляет себя победителем, — прошептал Кефи.

— Слишком торопится, — пробормотал Конан. — Рана пустяковая.

Гома, казалось, даже не заметил пореза. Он опять обрушил на противника шквал ударов, то и дело меняя свою цель, чтобы отвлечь внимание Набо. Покручивая топориком на некотором расстоянии от противника, Гома нанес ему резкий удар острием с противоположной стороны орудия. Набо в последнюю секунду успел поднять щит, и острие глубоко вошло в шкуру бегемота. Зажав топорик обеими руками, Гома отступил назад, чтобы тут же всей мощью обрушиться на врага. От такого натиска Набо едва удержался на ногах, но в его ремне застряло острие топорика, и, пока Гома его вытаскивал, Набо успел вновь собраться с силами.

Обеими руками сжимая древко копья, Набо бросился на противника и начал его теснить, так что Гома трудно было сосредоточиться на своих собственных ударах. Конан понимал, что копье — не лучшее оружие против меча и топорика на длинной ручке, понимал это также и Набо. С диким криком он схватил Гому за правую руку и нацелился копьем ему в живот.

Гома едва успел защититься, опустив щит, который, впрочем, тут же бросил, чтобы захватить запястье противника. И вот так, зажав друг у друга руку с оружием, они одновременно старались еще отвести

это оружие от себя. Грубая сила выступила против грубой силы, и Конан боялся, что Гома уже слишком устал. Вдруг он заметил какое-то движение. Со спины к Гоме подбирался палач.

Конан понял, что Набо знает о маневрах своего приспешника и старается держать руку противника так, чтобы Гома стоял к палачу спиной. Но Конан видел, что силы у Набо на исходе. Этот отчаянный трюк, должно быть, запланировали заранее. Да, уважение, питаемое Набо к традициям, на некоторые вещи не распространяется.

Палач ринулся вперед, держа наготове оружие. Он двигался быстро, но Конан был стремителен, как тигр. Вот его меч, описав сверкающую дугу, отсек руку, которая держала предательское оружие. Второй удар — и с плеч покатилась разрисованная под череп голова. Ее подобрал какой-то воин из толпы и высоко поднял, весело усмехаясь. Толпа возмущалась таким отступлением от правил.

Теперь Гома с усмешкой на губах оттеснял Набо к самому краю возвышения. На лице бывшего правителя ярость сменилась мукой, потом животным ужасом. Его глаза вылезали из орбит, а с искривленных судорогой губ стекала струйка слюны. Гома еще сильнее сжал правую руку Набо, одновременно выкручивая ее вниз. На фоне дробн барабанов отчетливо слышался хруст кости, Гома выворачивал руку все сильнее, пока в тело Набо не вонзилось его собственное копьё.

Отпустив противника, Гома на шаг отступил, а Набо уже едва стоял на ногах, задыхаясь в агонии.

С неистовым яростным криком победы Гома опять зажал топорик обеими руками, широко размахнулся и со всей силы обрушил его на голову своего врага, проломив череп, кроша кости, зубы, челюсти, ломая ребра. Топорик застрял где-то у пояса Набо. Задержавшись лишь на короткое мгновение, огромное тело грузно упало, разбрызгивая повсюду кровь.

Гома высоко поднял окровавленное копье. Никогда еще эту площадь не сотрясали такие восторженные крики. Зазвучала музыка, слуги бросились танцевать. Все вожди и генералы в то же мгновение поспешили кинуться Гома в ноги, ударяясь лбами о кровавые камни, выражая столь бурным способом свою безграничную преданность.

Долиной правил новый бесспорный царь.

Глава 17

СОКРОВИЩА ПИФОНА

— Кром бы все побрал! — ругался Конан. Обследовав всю башню, он не обнаружил никаких следов своих товарищей. — Где они?

За каменными стенами верные подданные все еще рукоплескали своему правителю. Проклиная всех и вся, Конан выбежал через заднюю дверь, он оказался на террасе, которая выходила на озеро. Далеко-далеко на его водной глади Конан различил какой-то предмет. Его острый взгляд легко определил, что это рыбацья лодка, и он быстро догадался, кто в ней может быть. Лодка направлялась прямо к крепости на противоположной стороне озера. Осмотрев берег, Конан убедился, что, убегая, стигиец не позаботился об уничтожении остальных лодок.

Вернувшись в башню, Конан застал там большое смятение. Гома вошел внутрь, а за ним последовала целая толпа обожающих его подданных. Женщины несли ему чистую одежду и кувшины с водой. Пока

он беседовал с вождями, они смывали со своего правителя кровь и пот. При появлении Конана он поднял голову и улыбнулся:

— Неплохая драка, а?

— Неплохая, — согласился Конан.

— Мне уже рассказали, как ты убил палача, хотя тогда я не успел ничего заметить. Я предполагал, что Набо способен на такую подлость, поэтому и попросил тебя быть рядом. Я благодарен тебе. Ты достоин большой награды. Скажи, что бы ты хотел получить?

— Сейчас не время. Стигиец бежал, он сейчас на озере, направляется к крепости, туда, где сокровища. С ним мои товарищи.

Гома пожал плечами:

— Я пошлю своих людей, чтобы их окружили. А сейчас надо отдыхать и праздновать победу.

— Дело еще не закончено, — сказал Конан. — Агла тоже с ним, и кто знает, какое злодейство замышляет эта старая ведьма.

Гома нахмурился:

— Агла! Она тоже должна умереть, как и Набо! Да, надо что-то делать.

— Кто остался в крепости? — спросил Конан.

— Все мои воины старше четырнадцати лет пошли со мной в битву. Там оставались только женщины, дети и старики, а сейчас они, наверное, тоже идут сюда. Там, скорее всего, никого нет. А меня здесь ждут важные дела.

— Тогда дай мне сильных гребцов, и я догоню ту лодку.

— Хорошо. — Гома что-то сказал, и вперед выбежали около двадцати молодых воинов. Конан отобрал шестерых, потом повернулся к Кефи:

— Ты пойдешь со мной. Мне понадобится твое умение.

— На озеро? — слабым голосом переспросил раб.

— Да. Чудище ведь появляется только ночью, правда? Иначе как бы в озере ловили рыбу?

С помощью Кефи он отдал воинам распоряжения.

— Доброй охоты, Конан, — сказал новый правитель. — Принеси мне мерзкую голову Аглы, и твоя награда удвоится.

Конан выбежал из башни и направился к озеру. Вдоль каменного парапета стояли с десятков длинных рыбацких лодок, недалеко сушились сети. Конан указал на ту, что выглядела наиболее прочной, и воины быстро толкнули ее в воду. Все сели, и гребцы схватились за весла. Конан и Кефи сделали то же самое. Весла мелькали, и лодка быстро бежала к середине озера.

Несмотря на уверенность, с которой он убеждал Кефи, у самого киммерийца при одной мысли о чудовище волосы начинали шевелиться. И днем и ночью место это жуткое, хотя монстр и прячется где-то в глубине. И только острая необходимость действовать быстро заставила Конана пуститься в его владения в утлой рыбацкой лодчонке. Чтобы сократить время, он решил отмыть в воде свой меч, но в последнюю секунду остановился. Ведь оно, как акула, легко почует запах крови.

Киммериец пытался рассмотреть лодку, за которой они гнались, но над озером стал подниматься

легкий туман, и отдаленные предметы скрылись из виду. Но в это время дня тумана обычно не бывает, и его опасения усилились. На водной поверхности уже играли какие-то твари. Впереди барахтался сгусток щупалец.

— Что-то не то, — сказал Кефи, уставившись на мелких тварей широко раскрытыми глазами. — Озеро обычно в это время спокойно.

Воины тоже не на шутку встревожились. Храбрость в бою — это одно, но здесь все не так.

— Гребите сильнее, — приказал Конан. — Чем быстрее доберемся до берега, тем скорее будем в безопасности!

Вода становилась все темнее, но противоположный берег был уже совсем рядом. Ища там своего спасения, гребцы взбивали воду озера в белую пену. Теперь Конан понял, что происходит. У самой воды он различил сморщенную фигурку Аглы, она уже приплясывала и пронзительно кричала, призывая озерное чудовище расправиться со своими врагами.

Вдруг из-под самой лодки, чуть ее не перевернув, выскочило нечто похожее на расплывшегося осьминога. Воины вскрикнули. Вверх потянулось толстое щупальце и схватило одного из них, того, кто стоял на планшире. В теле осьминога открылось круглое отверстие, из которого щелкал костяной нарост, напоминающий клюв попугая. Чудовище схватило этим клювом свою жертву, а остальные воины вонзили в эту огромную тушу свои копья. Клюв раскрылся, хлынули потоки крови, чудовище зашипело и скрылось в глубине.

Кефи неумело, но с большим рвением схватился за освободившееся весло. А из воды всплывали еще более жуткие неестественные существа. Вот выпрыгнуло нечто похожее на акулу, оно перемахнуло через лодку, схватив по пути одного из воинов, и с плеском упало с другой стороны, крепко зажав несчастного в челюстях, усеянных длинными иглообразными клыками.

Нос лодки уже шуршал по берегу, и киммериец одним прыжком очутился на твердой земле. Остальные тоже не отставали, от пережитого ужаса люди готовы были плакать. Из озера все так же выпрыгивали отвратительные существа, но воины в своей стихии чувствовали себя увереннее и, обуреваемые одновременно и ужасом, и яростью, легко настигали их копьями, разрывая на части безобразные туши.

На уходящем вверх склоне горы Конан заметил Аглу, которая спасалась бегством. Ее энергия и проворство могли бы дать ложное представление о ее возрасте. Конан бросился вдогонку, страстно желая разрубить это злобное существо на куски. Последние два дня были нелегкими, он совсем не спал и много дрался, но Конану за свою бурную жизнь приходилось терпеть и гораздо большие трудности. Его крепкое стальное тело могло противостоять таким испытаниям, которые любого цивилизованного человека погубили бы. И конечно, ему не составит труда догнать старуху.

Так он думал, но случилось по-другому. Он был примерно в двадцати шагах от входа в форт, когда старая ведьма уже добежала до ворот. Киммериец

одним прыжком преодолел это расстояние, он уже поднял свое смертоносное копье, но жертва, в крови которой он так хотел омочить свою острую пику, уже исчезла. Стояли только пустые хижины, а старухи нигде не было видно.

Через несколько минут подросли его воины. На молодых трудный путь не оставил никаких следов, но Кефи, привыкший к легкой, пусть и сомнительной службе при дворе, хрипел, как кузнечные меха.

— Ты ее убил? — спросил он.

— Нет, возьми ее Кром, она сбежала. Надо ее выследить, а то она опять пустит в ход колдовство. Она, наверное, скрылась в башне. Там же и все остальные.

— Откуда ты знаешь? — спросил Кефи.

— Знаю. Сейчас нет времени для объяснений. Воины что-то сказали Кефи.

— Они спрашивают, будет ли драка.

— Им найдется кого убить, — заверил Конан.

При этих словах воины радостно заулыбались. Озерные твари позади, и к ним возвращается мужество. А из тех, кто ходит на двух ногах, они никого не боятся.

Киммериец повел свой отряд к башне, над которой царило зловещее молчание. Дверной проем зиял черной дырой. Держа наготове копья и меч, Конан осторожно вошел внутрь. Там было сумрачно и жутко. Не доносилось никаких звуков, но это еще ничего не значит. При удачно организованной засаде шуму быть не должно. Последние несколько футов он пробежал бегом, стрелой ворвавшись в центральную

комнату, не выпуская из рук оружие. Там было пусто.

— Все в порядке, — позвал Конан. — Заходите. — Воины вошли, с любопытством оглядывая помещение.

Здесь все было по-прежнему, за исключением двух вещей: исчез Марандос, а огромная глыба, которую этот безумец так нежно гладил, была теперь опрокинута набок, а под ней открывалась лестница, которая вела в подземные лабиринты. Какая сила сдвинула камень, человеческая или же чары Сетмеса?

— Надо туда спуститься, — сказал Конан. Воины в нерешительности разглядывали темный проем лестницы. Они опять оказались на незнакомой территории. — Пойди принеси факелы, — приказал Конан Кефи.

Чувствуя облегчение оттого, что получил приказ и может его исполнить, раб бросился наружу, где перед оставленными домиками все еще догорали костры. Через несколько минут он уже принес целую связку факелов, зажав их под мышкой, а в другой руке у него горел зажженный.

Конан вложил меч в ножны и взял факел, то же самое сделали все остальные. Освещая путь горячей головней, киммериец начал спускаться.

Ему сразу бросилось в глаза, что каменный проход сильно отличается от обычной кладки, которую можно встретить в крепости повсюду. Стены пещеры, высеченной в твердом камне, любовно выровнены и затейливо разукрашены экзотическим орнаментом. Свод и стены покрывала роспись, в

которой чувствовалось что-то стигийское, но лишь немного. Конан понял, что перед ним — образцы искусства Пифона, прародителя Стигии. Воины то и дело изумленно восклицали при виде красочных фигур, которые в изобилии покрывали все поверхности. Боги, короли, мифологические существа оживляли незнакомые легенды и ритуалы позабытых религий. Попадались изображения людей со звериными головами и звери с человеческими. Были сцены пиров и битв. Но в основном картины изображали что-то совершенно непонятное, но неприятное и отталкивающее.

Лестница оказалась намного длиннее, чем предполагал Конан, и шла не прямо. Попадались какие-то странные неожиданные повороты, внезапные площадки, устроенные неизвестно с какой целью, с которых лестница опять вела вниз. И всюду буйная роспись утомляла глаз.

— Факелы! — воскликнул кто-то. Пламя дрожало от легкого ветерка, который мог доноситься только с поверхности.

— Кое-кого ждет немалое разочарование, если этот туннель окажется всего лишь запасным выходом, — усмехнулся Конан. — Хотя так им и надо.

Вдруг сверху слышались какие-то странные звуки. Пронзительные крики и писк, искажаемые эхом. Все это покрывал ритмичный рокот, такой, впрочем, низкий, что его скорее чувствуешь кожей, а не слышишь. Это не бой в барабаны, а какой-то глубокий, океанический пульс, как будто стучит сердце мира.

Прямо над головой они различали странное сияние, которое не мерцало, как естественный свет. Оно было желтого цвета с легким зеленоватым оттенком, в нем ощущалась та холодность, что царит в иных мирах. Сияние лилось из проема, где оканчивались ступени. Конан опустил факел и обнажил меч.

Они вошли в этот проем, и перед ними открылась обширная гулкая пещера, такая большая, что Конан не мог понять, высечена ли она руками человека, или это творение природы. Ближняя стена была сложена из гладкого камня, и на ней были все те же изображения гигантских пифонских богов. Что представляют собой другие стены, Конан разобрать не мог, потому что свет туда не доходил. Это сияние напоминало скорее светящийся туман, чем свет, разливающийся от одного источника. В предполагаемом центре пещеры мерцало что-то большое, сложенное в кучу, а рядом сновали люди.

— Будьте готовы к драке, — сказал Конан, — но не трогайте женщину, высокого человека со светлой бородой, рыжего и одного коротышку. — Кефи передал его приказы, но Конан все равно чувствовал беспокойство за друзей, потому что уже знал, каковы эти воины в ярости, когда у них разыграется кровь. Его товарищам придется смотреть в оба, если эти ребята слишком разгорячатся.

Они осторожно подбирались к мерцающей горе. Подойдя поближе, Конан увидел, что странный свет разливается от золота и драгоценных камней, которые

вправлены в некие таинственные инструменты, не очень похожие на обыкновенные украшения. К ним повернулся высокий человек:

— Добро пожаловать, киммериец. Агла, моя коллега, предупредила меня о твоём приближении.

— На твоё несчастье, — ответил Конан. Теперь он заметил, что сразу за горой сокровищ открывается широкая водная гладь, уходящая в темную неизвестность. Вода с ленивым шелестом ударялась о берег, а глубокие ритмичные удары раздавались из недр этого таинственного подземного озера.

— Конан? Неужели ты жив? — Это Спрингальд, совершенно измученный, но веселый. Рядом с ним стоял Ульфило, извечное олицетворение оскорбленного достоинства. Здесь же и Вульфред, он, кажется, чему-то тихо радуется. У всех троих оружие.

— Что это вы делаете здесь с этим обманщиком? — спросил Конан, указывая на жреца.

— Когда он освободил нас из темницы и предоставил право пойти за ним сюда, а не отправиться на корм чудовищу, — заговорил Ульфило, — мы решили забыть на время все наши разногласия.

— Где Малия? — спросил Конан.

— Ты говоришь о Белой Царице, — сказал Сетмес. Теперь Конан заметил, что рядом с ним — двое стигийских офицеров, а их руки лежат на эфесах мечей. — Ты не должен говорить о ней так, словно она обычная женщина. Она теперь слишком высока для тебя.

— Да где же она, будь ты проклят?! — Конан подступил к жрецу, поднимая меч. Шагнул вперед,

Геб и Копшеф закрыли своего господина. Они уже доставали из ножен мечи.

— Если ты хочешь ее видеть, — сказал Сетмес, — ты просто должен поднять голову.

Конан посмотрел вверх. Перед ним высилась огромная сверкающая грудa, мерцал жемчуг и хрусталь, королевские скипетры, иногда попадалась книга, было множество странных предметов, о назначении которых он не мог даже догадываться. Надо всем этим возвышалось сооружение из золота и серебра, разукрашенное драгоценными камнями, огромный трон. На нем восседала Малия. Женщина на него не смотрела, казалось, она его и не заметила. Голову ее венчала большая корона. Шею украшали жемчужные ожерелья, а запястья перехватывали браслеты из драгоценных металлов. Больше на ней не было ничего. Малия не отрываясь смотрела на воду. Рядом с ней скорчилась Агла, она произносила какие-то заклинания и била в маленький барабан, который представлял собой человеческий череп, обтянутый кожей.

— Что это значит? — спросил Конан. — Что вы с ней делаете?

— Спроси вон его, черногривый. — Это сказал Вульфред. Он махнул рукой на худого оборванца, который сидел на куче сокровищ и самозабвенно перебирал в пальцах сверкающую массу.

— Твои мечты сбылись, Марандос, — обратился к нему Конан. — А как же счастливое воссоединение с женой?

— С женой? — Тот смотрел на него, как будто ничего не понимая. — Ах эта. Она тоже часть сделки.

— Какой еще сделки, будь ты проклят?

Молодые воины Конана в полном изумлении следили за тем, что происходит вокруг. Это было настолько им непонятно, что они забыли даже, зачем пришли сюда.

— Со стигийцем. Он обещал привести меня к сокровищам, если я заманю сюда и Малию. Она ему зачем-то нужна. Ну, я и согласился.

— А что остальные? — спросил Конан.

— Ну она ведь не могла добраться сюда одна, так? — Марандос, казалось, обиделся на такой глупый вопрос. Конан повернулся к Ульфило:

— И ради этого братца ты пустился в путь на край света?

Ульфило сплюнул:

— Неужели ты думаешь, что ради этого глупца? Он с самого рождения был ничтожеством. Мне нужны сокровища, чтобы восстановить богатство моей семьи. А эта женщина, что она мне? Просто очередная шлюха, которую он нашел в чужой земле, все равно что лошадь или собака. Если она и нужна жрецу для каких-то целей, какое это имеет значение по сравнению с моими планами — вновь сделать свой род одним из величайших в Аквилонии?

— Твоя честь не слишком высока в цене, — сказал Конан.

— Ты не смеешь так со мной говорить, варвар! — Он уже выхватил из ножен свой длинный клинок.

— Я пришел сюда не затем, чтобы тебя убить, — зарычал Конан. — Мы были товарищами. Давай не будем драться, когда рядом враги.

— Они мне не враги, — ответил Ульфило.

— Ты заставляешь меня раскаиваться в том, что я сделал, — сказал Конан. — Только чтобы освободить вас от Набо и Сетмеса, я помог Гоме захватить город.

— Это очень благородно с твоей стороны, друг, — сказал Спрингальд. — И мы признательны тебе от всего сердца. Зачем нам ссориться. Будь с нами. Сокровища уже найдены. Но здесь существуют силы, столь древние и столь могущественные, что теперешние события в этой долине могут изменить весь ход мировой истории. А что такое несколько человеческих жизней, тем более одна женщина по сравнению с мировыми катаклизмами?

— Вы хотите, чтобы я был заодно с этим лживым, продажным жрецом? — Конан плохо понимал, что происходит. — Да вы все потеряли рассудок, не лучше Марандоса! Стигиец вам ничего не даст!

— Пифонец, пожалуйста. Я не стигиец, в моих жилах течет чистая королевская кровь имперского Пифона. Ныне я соединяю древнюю корону и сокровища моего народа с неисчислимой силой существа, что пришло из межзвездных миров. Моя воля и его могущество поднимут древний Пифон из пыли и праха, и моя власть не будет знать себе равных во всей истории! — Его черные глаза горели фанатичным блеском.

— Могущество? — удивленно переспросил Конан. — Эта озерная тварь не может даже вылезти из своей дыры, так она слаба. И беспомощна, ведь ее надо кормить!

— Ты видишь эту груду золота и драгоценностей, варвар? Ты знаешь, что это?

— Это сокровища Пифона, ради которых некоторые глупцы отправились на край света.

— А разве ты не заметил, как мало здесь безделушек и как много инструментов и древних томов?

— Трудно не заметить.

— Здесь хранится вся магическая власть империи Пифона! Когда гиборейские племена одерживали победу за победой, император каждый раз призывал к себе всех магов и волшебников, чтобы собрать их драгоценнейшие, самые сильные магические тайны в одном месте. Это величайшая колдовская сокровищница всех времен!

— И много ему было от этого пользы! — презрительно заметил Конан. — Гиборейцы мыли своих коней в каналах Пифона. А чтобы обогреться, они поджигали дворцы.

— Звезды тогда не благоволили к Пифону, — ответил жрец. — В Год Падения Пифона их пагубное расположение не знало себе равных на протяжении последних десяти тысяч лет. Но существо в озере почуяло могущество пифонских сокровищ и стало притягивать их к себе. И вовсе не случайно командир экспедиции проделал путь по пустынному бездорожью, прошел в эту долину и схоронил свои сокровища вблизи озера! И не простая осторожность заставляла людей копать землю все глубже и глубже. Каждый раз, когда казалось, что работа закончена и пора вырубить в скале пещеру для сокровищ, некий необъяснимый импульс гнал людей все даль-

ше и дальше, пока они наконец не вышли к этой пещере.

Конан теперь смотрел на аквилонцев:

— В этих сокровищах — его колдовская власть. Неужели вы думаете, что он ее с вами разделит?

— Если он хотел нас одурачить, — заговорил Ульфило, — зачем ему было освобождать нас из темницы, зачем возвращать нам оружие, зачем приводить сюда?

Конан от всей души рассмехался:

— Глупцы! Он вас освободил, чтобы вы перевезли его на лодке через озеро, пока люди Гомы еще не ворвались в город. Он привел вас сюда, потому что и сам не знал, что именно найдет в этой пещере. Здесь могла оказаться охрана. И живы-то вы сейчас только потому, что, кроме этих двух наемных стигийцев, у него никого нет. Но первое, что он сделает, заполучив от озерного чудовища это долгожданное могущество, — это расправится с вами.

— Надо ли слушать этого дикаря, мой повелитель? — обратился к Сетмесу рыжебородый Копшеф. — Позволь я его убью.

— Еще не время, друг мой, — сказал Сетмес. В его взгляде промелькнуло легкое беспокойство. — Неплохая возможность проверить, как поведет себя наш славный Ульфило. Аквилонец, если хочешь быть моим первым помощником, убей для меня этого северянина.

Ульфило смотрел теперь без своей обычной надменности:

— Думаешь, так будет лучше? Этот человек нам не опасен. Он один. Он низкого происхождения и

чужестранец, но весь долгий путь сюда служил нам верой и правдой.

— Боюсь, не видать тебе стального жезла пифонского герцога! — сказал Сетмес с насмешкой.

— Мне нет преград! — взревел Ульфило. Он обнажил свой длинный меч. — Чтобы какой-то дикарь помешал мне восстановить славное имя моего рода!

— Прекрати! — зашептал Спрингальд. — Это ребячество!

Но его друг уже не мог внять доводам рассудка. Он видел только, что могущество его рода ускользает, и вот враг, который тому причиной.

Мечи скрестились, киммериец отчаянно боролся за свою жизнь. Прочь мысли о том, что когда-то они были товарищами. Ульфило — сильный и опытный воин, но Конан не даст спуска тому, кто обнажит против него сталь. Клинки сплетали размытую сеть мерцающего металла, противники не жалели сил.

Окружающие напряженно наблюдали за ходом поединка. Спрингальд страдал при мысли о том, что друзья хотят убить друг друга. Вульфред смотрел на них со своей обычной холодной усмешкой. Молодые воины оживленно переговаривались, обсуждая этот новый вид боя. Марандос не видел ничего, кроме соковищ. Геб и Копшеф теребили эфесы мечей, готовые в любую секунду вонзить в спину предательскую сталь. Малия впала в забытие. Агла и Сетмес не спускали глаз с озера.

Сильный удар Ульфило разможил бы киммерийцу череп, но Конан успел подставить свой собствен-

ный клинок, задержав смертоносный край у самой головы. Мощным рывком кисти он поймал меч Ульфило на свое оружие. Несколько секунд противники стояли неподвижно, испытывая силу друг друга. Вот Конан рванул меч назад, и его клинок свободен. Коротким мощным ударом он разрубил аквилонцу грудь.

Сетмес что-то сказал, и двое его капитанов уже выхватили мечи. Подобравшись к Конану сзади, они уже нацелили свои клинки ему между лопаток. Кефи закричал, и Конан успел развернуться, вырывая меч из тела Ульфило, как раз вовремя, чтобы отвести клинок Копшефа. Ему на помощь бросились с ревом четверо молодых воинов.

В последовавшей за этим дикой схватке Конан не сразу разобрался, кто с кем дерется. Мечи и копья сверкали и свистели. Влажный озерный воздух окропила кровь, и казалось, что мечей слишком много. Разрубив пополам Копшефа, киммериец заметил, что один из воинов проткнул копьем Геба, но и сам погиб от стигийского меча. У его ног лежал еще один, он не учел, что противника защищают латы. Вдруг послышались удивленные возгласы, Конан резко обернулся и успел заметить, как упали два последних воина. Над ними, держа окровавленный до самого эфеса меч, стоял Вульфред.

— Зачем ты это сделал?

— Я просто убираю возможные препятствия, Конан, — ответил Вульфред. За его спиной киммериец разглядел лежащего без движения Спрингальда. — Устранено еще одно препятствие.

— Следовало бы серьезнее отнестись к твоим словам, — сказал Конан.

— Да, черногривый. «Никому нельзя доверять, когда дело касается сокровищ!» Это из «Поэмы добрых советов». Я всегда ею руководствуюсь.

— Так это ты поднял против меня матросов!

— Ты поумнел наконец-то, пусть и с большим опозданием.

— Да ты такой же глупец, как и они все! Сколько ты сможешь унести один? Даже если жрец и позволит тебе это? — Тут Конан вспомнил про Сетмеса. Он увидел его на вершине груды сокровищ, он стоял за спиной Малии, положив руки ей на плечи. Их взоры были обращены к воде, которая начала шевелиться.

— Этого как раз хватит на хорошую экспедицию, которая и вывезет все остальное, — ответил Вульфред. — Но это излишне. Сюда уже идут обезьяны жреца. Царь Набо не впускал их в город, не разрешал даже жить вблизи, поэтому Сетмес отправил их в горы. А сейчас они возвращаются, вот они-то и понесут сокровища.

— Значит, все богатство достанется ему, а не тебе, — сказал Конан. — А тебя убьют бумбана.

— Вряд ли. Видишь ли, чтобы увезти отсюда сокровища, ему понадобятся оба корабля, а кто же, если не я, поведет «Морского тигра»? На нем всего-то и осталось несколько моряков, нужен поэтому опытный капитан, который повел бы судно на север. Какие у него на мой счет мысли... — Вульфред пожал плечами. — На море многое может

случиться. — С этими словами ванир сделал выпад. Их мечи скрестились, и он рассмеялся Конану в лицо: — Ты, должно быть, очень устал после всего!

И в самом деле, Конан едва стоял на ногах. Эта бесконечная бойня — суровое испытание даже при всей его выносливости. Мощный, сильный ванир начал его теснить. А Конан мог только отражать быстрые удары рыжебородого. Он едва дышал, пот заливал все тело. Конан отступал назад. Вдруг он заметил, что стоит уже в воде. Ванир оттолкнул его в самое озеро. Вода вокруг коленей бурлила и пузырилась, и Конану стало страшно.

— Вас, черногривых, всегда было нелегко прикончить, — кричал Вульфред, уже начиная задыхаться от постоянного напряжения. Только быстро размахивая мечом, он мог помешать Конану перейти в наступление.

— А вы, ваниры, всегда были предателями! — выдохнул Конан. — Никогда не стоило тебе доверять, друг!

Следующий удар ванира чуть не разбил ему голову. Конан едва успел выставить щит, спасая свой череп.

— Увы, истинная правда! Прощай, киммериец! — Оттолкнув меч Конана, он размахнулся для последнего сокрушительного удара, но вдруг его глаза расширились от ужаса. Что-то толстое и упругое обвивалось вокруг его пояса.

Теперь и Конан в ужасе смотрел на огромное чудовище из озера. Оно высилось за спиной ванира,

заполняя собой добрую половину пещеры. Исходившее от него зловоние невозможно было описать словами. Щупальца уже высоко подняли рыжебородого и крепко сдавили. Конан выбирался из воды, а в ушах у него звучали нечеловеческие крики Вульфреда. Конан бросился к лестнице, но тут заметил, что Спрингальд со стонами ползет по полу. Вульфред всего лишь оглушил его ударом эфеса. Киммериец потащил его за собой.

Спрингальд открыл глаза и посмотрел вокруг.

— Спаси Малию! — прошептал он. — Она этого не заслужила!

Взглянув на сверкающую грудь, Конан увидел, что жрец все так же стоит рядом с тронem, на котором сидит Малия, ее глаза широко раскрыты от ужаса, но она не двигается, будто парализованная. Агла приплясывала в экстазе, а чудовище подбиралось все ближе, протягивая к людям свои многочисленные щупальца.

— Кром меня побери за мою глупость! — Конан отпустил Спрингальда и бросился на грудь соковищ. Под ногами осыпались кристаллы, скипетры, загадочные инструменты, а он взбирался на самый верх. Время от времени Конан успевал бросить взгляд на неумолимо приближающееся чудовище. Его теперь окружало облако красного сияния.

— Свершилось! — воскликнул Сетмес. — Свершилось, я покори́л заклѣтѣя, я исполнил пророчества! Могущество озера и могущество древнего Пифона соединились!

Монстр выпустил тонкое щупальце и схватил Аглу. Старая ведьма пронзительно кричала, а щупальце поднимало ее все выше. Вот оно раскрылось, и чудовище ударило свою жертву о противоположную стену.

Оттолкнув жреца, Конан схватил Малию.

— Нет! — кричал Сетмес. — Белая Царица должна принадлежать звездному существу! Так велит пророчество!

— Поищи другую, — прорычал Конан. — Эту я забираю.

Сетмес взял в руки палочку с хрустальным наколочником. Он направил ее в грудь киммерийцу, и по всей ее длине замерцало пламя.

— Сокровища мои! — послышался пронзительный крик Марандоса, который уже бросился на жреца. Как будто молния поразила безумного капитана, и они двое схватились в драке на самой вершине груди сокровищ.

Перекинув Малию через плечо, киммериец осторожно спускался. Ему хотелось выбраться отсюда как можно быстрее, но спешить нельзя. Вот он уже внизу, где, едва держась на ногах, его ждет Спрингальд. Подхватив его своей мускулистой рукой, Конан стал пробираться к лестнице.

У самого выхода к ним подбежал Кефи. Раб прятался все это время где-то в дальнем уголке пещеры, сейчас он бежал бегом, сжимая что-то в руке. И почему-то весело улыбался.

— Помоги мне! — приказал Конан. Схватив Спрингальда, Кефи потащил его вверх по ступеням.

Жуткий шум за спиной заставил Конана в последний раз обернуться. Монстр уже выбрался из воды и протягивал свои щупальца к груди сокровищ. На самой ее вершине боролись два человека, вовсе не замечая того, что нависало над ними. Вот огромное тело обрушилось прямо на них, подминая под себя и всю груды золота. Красное мерцание погасло, и существо засветилось изнутри. И вдруг оно стало меняться, то, что происходило, невозможно описать ни на одном из человеческих языков.

Конан бросился вверх по лестнице. Он очень устал, да и ноша на плече отнимает силы, но мысль о том существе, что осталось позади, прибавила Конану энергии. Добравшись до вершины лестницы, он почувствовал, что ноги похожи на расплавленный металл. Конан не останавливался. Вдруг сзади слышался шум, звук плещущей воды, которая подбиралась все ближе.

— Быстрее! Быстрее! — кричал он. Кефи и Спрингальд едва держались на ногах, их силы на исходе.

Внезапно киммериец почувствовал, что по щиколотку в воде. А выход наверху еще только-только стало видно. Вот вода уже по колено, она поднимается быстрее, чем он может бежать. На верхней площадке вода доходила до пояса, а в широкую комнату он уже просто вплыл, влекомый бурлящим потоком.

Едва дыша, киммериец ощутил себя на открытом воздухе, куда его вместе с грузом вынесли потоки воды. Он лежал без движения, ничего не видя

вокруг себя. Вдруг он услышал чей-то смех. Собрав все оставшиеся силы, киммериец сел. Рядом ничком лежал Спрингальд, вокруг — лужа воды. А над ним стоял Кефи. Вот он-то и смеялся, рассматривая какой-то предмет, который крепко держал в руке.

— Во имя всех дьяволов, почему ты смеешься? Что это ты прихватил с собой? Что-нибудь из груды сокровищ?

— Кое-что поценнее, — ответил Кефи. — Царь Гома богато меня вознаградит! — Он протянул Конану что-то маленькое и круглое. Это была безобразная голова Аглы. На лице застыло выражение нечеловеческого ужаса.

— Хотя один соображал, что надо делать, — сказал Конан.

Прошло всего несколько минут, и вот острый слух Конана различил внизу холма какие-то звуки.

— Бумбана! — простонал он. — Я совсем забыл! — Вместе с Кефи они подобрались к парапету. Далеко внизу вздымалось и зловеще мерцало озеро. К ним присоединился Спрингальд. Малия все так же лежала без сознания. У самой воды вверх по склону уже поднимались неуклюжие бумбана.

— Надо бежать! — воскликнул Спрингальд.

— Куда бежать? На этих холмах нас будет хорошо видно на многие мили, а с Малией все равно далеко не убежишь!

— Может быть, надо забаррикадироваться в башне...

— Смотрите! — Кефи показывал вниз.

В середине озера начал расти горб, похожий на тот, из которого появлялось чудовище. Светило яркое послеполуденное солнце, и вода теперь не играла кровавыми отблесками, она мерцала чем-то белым. Несообразительные бумбана повернулись и стали смотреть, что происходит на озере.

С ревушим, громоподобным воем воды расступились, и нечто вышло на поверхность. Свет был так ослепительно ярк, что казалось, будто из глубин озера поднялось солнце. Внутри этого сияния трансцендентальным светом горело что-то яркое. Оно рванулось вверх, быстро скрывшись за тучами, осветив их изнутри своим сиянием. Вот все исчезло.

Воды озера вырвались из берегов и окатили склоны, сбивая бумбана с ног и играя с ними, как с легкими соломинками. Но вот прилив кончился, и потоки вновь хлынули в озеро. От горилл не осталось и следа.

— Это существо ушло своим путем, — сказал Спрингальд. — Возобновились его странствия, прерванные так давно. Кто знает? А может быть, пребывание здесь — всего лишь небольшая остановка на его пути. И кто может сказать, как оно повлияло на всю историю человечества? Может быть, гибо-рейцы разрушили Пифон только потому, что это ему нужно было древнее могущество? Может быть, царственная фамилия Пифона сотню поколений прозябала в Стигии потому лишь, что Сетмесу суждено было своими заклятьями открыть к этому могуществу доступ? Сетмес, конечно же, намеревался

подчинить это существо себе, а на самом деле жрец сам выполнял его волю.

— Спрингальд, — сказал Конан, устало проводя рукой по лбу, — раньше я молчал, из чувства дружбы. Но ты слишком много болтаешь.

Вместе они перенесли Малию в пустую хижину, и Конан оставил Спрингальда за ней ухаживать. Потом он обратился к Кефи:

— Ты сегодня не очень устал? Я хочу, чтобы ты отправился к царю Гома. Скажи ему, что я готов назвать награду. Пусть пришлет сюда людей, надо помочь моим друзьям.

— Я едва стою на ногах, — ответил Кефи, — но сделаю все, что ты приказываешь. Может быть, назад я вернусь свободным человеком, и это будет мне наградой.

Когда Кефи ушел, Конан забрался в другую свободную хижину. Как всегда, держа под рукой оружие, он вытянулся на спине и в ту же секунду заснул мертвым сном.

— Неужели это все, что ты хочешь? — спрашивал Гома киммерийца. — Только чтобы я помог твоим друзьям добраться до побережья? Долина свободна, этой твари больше нет. — Он махнул рукой в сторону озера. Его воды сверкали и искрились, как горный ручей. — Оставайся здесь. Я дам тебе лучших жен и отборные стада.

— Благодарю тебя, но для меня это скучновато. Всех интересных людей мы поубивали.

Гома откинул назад голову и рассмеялся:

— Мои странствия закончены, а у тебя впереди еще долгий путь, который приведет туда, где твое сердце найдет покой. Я не беден. Позволь наполнить золотом твой кошелек.

Конан покачал головой:

— Толстый кошелек будет лишним грузом. Я привык путешествовать налегке. В цивилизованных странах я и сам добуду золото. Там, где оно необходимо, я нахожу его без особого труда.

— Тогда прощай. Ты самый удивительный из всех, кого я видел в своей жизни.

Киммериец отправился проститься с друзьями. Малия выздоровела, но была подавлена и не проронила за все это время ни слова.

— Я бы хотел, чтобы ты пошел с нами, друг, — сказал Спрингальд.

— Я вам больше не нужен. Я обещал найти с вами Марандоса и выполнил свое обещание. У побережья меня ничто не ждет. Гома даст вам воинов и носильщиков, так что бояться вам нечего. А матросы, которых Вульфред оставил на «Морском тигре», отвезут вас на север.

Спрингальд сжал его руку:

— Для меня, значит, библиотеки. Порази меня Сет, если я еще раз отправлюсь сам путешествовать.

На этом они расстались.

Через два дня, пройдя узкое ущелье, Конан вышел к восточной оконечности долины. На склонах внизу буйствовала густая зелень лесов. Леса тянулись до самого горизонта, бескрайнее море неизведанных Черных земель. Среди деревьев взгляд Ко-

нана мог различить странных, необычных животных. Как всегда, киммерийца манило к себе дикое и неизведанное.

Сокровища теперь ничего не значат. А цивилизация — еще меньше. Полунагой, имея при себе лишь оружие, свою силу и ум, свою безграничную жажду приключений, Конан больше ничего не желал. Он сам был олицетворением непокоренного духа природы.

Киммериец на мгновение задержался у самой кромки зеленой тьмы. Потом, неслышно, как лесной дух, скрылся за деревьями.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. МОРЯК	5
Глава 2. КАПИТАН	25
Глава 3. ТЕМНЫЙ ГОРОД	46
Глава 4. ЧЕРНЫЕ ПАРУСА	76
Глава 5. КОРСАРЫ	95
Глава 6. БЕРЕГ КОСТЕЙ	116
Глава 7. НА ВОСТОК	132
Глава 8. РАВНИНА	156
Глава 9. ГОРНЫЙ ПЕРЕВАЛ	181
Глава 10. ПУСТЫНЯ	214
Глава 11. РОГА ШУШТУ	246
Глава 12. ДОЛИНА СОКРОВИЩ	270
Глава 13. ПОВЕЛИТЕЛЬ ПРОКЛЯТОГО ОЗЕРА	303
Глава 14. ПРОГУЛКА ПО ОЗЕРУ	325
Глава 15. МЯТЕЖНИКИ	340
Глава 16. ДОЛИНА В КРОВИ	360
Глава 17. СОКРОВИЩА ПИФОНА	383

Маддокс Робертс Дж.

М13 **Конан и сокровища Пифона: Роман/Пер. с англ. М. Шведова, Л. Шведовой. — СПб.: «Терра» — «Азбука», 1995. — 416 с.**

ISBN 5-7684-0001-X

Давно исчез с лица земли народ, что поклонялся загадочному Богу Пифону, исчезла сама земля, на которой он жил. Никто из смертных не решался прикоснуться к сокровищам древнего Бога. Никто, кроме варвара по имени Конан.

Литературно-художественное
издание

Дж. Маддокс Робертс

**КОНАН
И СОКРОВИЩА ПИФОНА**

*Перевод с английского
М. Шведова, Л. Шведовой*

Разработка карты
Сергей Троицкий

Художественный редактор
Павел Борозенец

Технический редактор
Татьяна Раткевич

Корректоры
*Татьяна Виноградова
Елена Шнитникова*

Верстка
Дмитрий Положенцев

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.

Подписано к печати с оригинал-макета 01.08.95.
Формат издания 70×100¹/₃₂. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Тираж 30 000. Усл. печ. л. 16,8. Изд. № 1. Заказ № 31.

Издательство «Азбука»
198013, Санкт-Петербург, а/я 226.

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии им. Володарского Лениздата.
191023, Санкт-Петербург, Фонтанка, 57.

В издательстве "АЗБУКА" вышли следующие книги о приключениях Конана:

1. Конан идет по следу.
2. Конан против Звездного Братства.
3. Конан и Секира Света*.
4. Конан Разрушитель.
5. Конан и Осквернители Праха.
6. Конан и Живой ветер**.
7. Конан Изменник.
8. Конан и сокровища Пифона.

В ближайшее время выйдут:

9. Конан и сердце Хаоса.
10. Конан в цитадели Мрака.
11. Конан Гладиатор.
12. Конан и огненный зверь.
13. Конан на дороге войны.

Книги, помеченные звездочкой, анонсировались под рабочими названиями:

* Конан и Небесная Секира.

** Конан и Боги гор.

Издательство "АЗБУКА" приглашает всех любителей героической фантастики в

КОНАН-КЛУБ

Конан-клуб — это некоммерческий проект целью которого является популяризация сериала.

Членство в клубе дает возможность покупать книги о Конане без торговой наценки в клубных магазинах в Петербурге и Москве.

Только членам клуба будут рассылаться бесплатные каталоги, а в дальнейшем — специальный клубный журнал.

Чтобы получить подробную информацию о
КОНАН-КЛУБЕ, заполните анкету и пришлите
ее по адресу: 198013, Санкт-Петербург, а/я 226.
КОНАН-КЛУБ издательства "АЗБУКА"

АНКЕТА

Да, я хочу стать членом **КОНАН-КЛУБА**.

Меня зовут

Я проживаю по адресу:

Пришлите мне подробную информацию
о правах и обязанностях
членов **КОНАН-КЛУБА**.

Дата

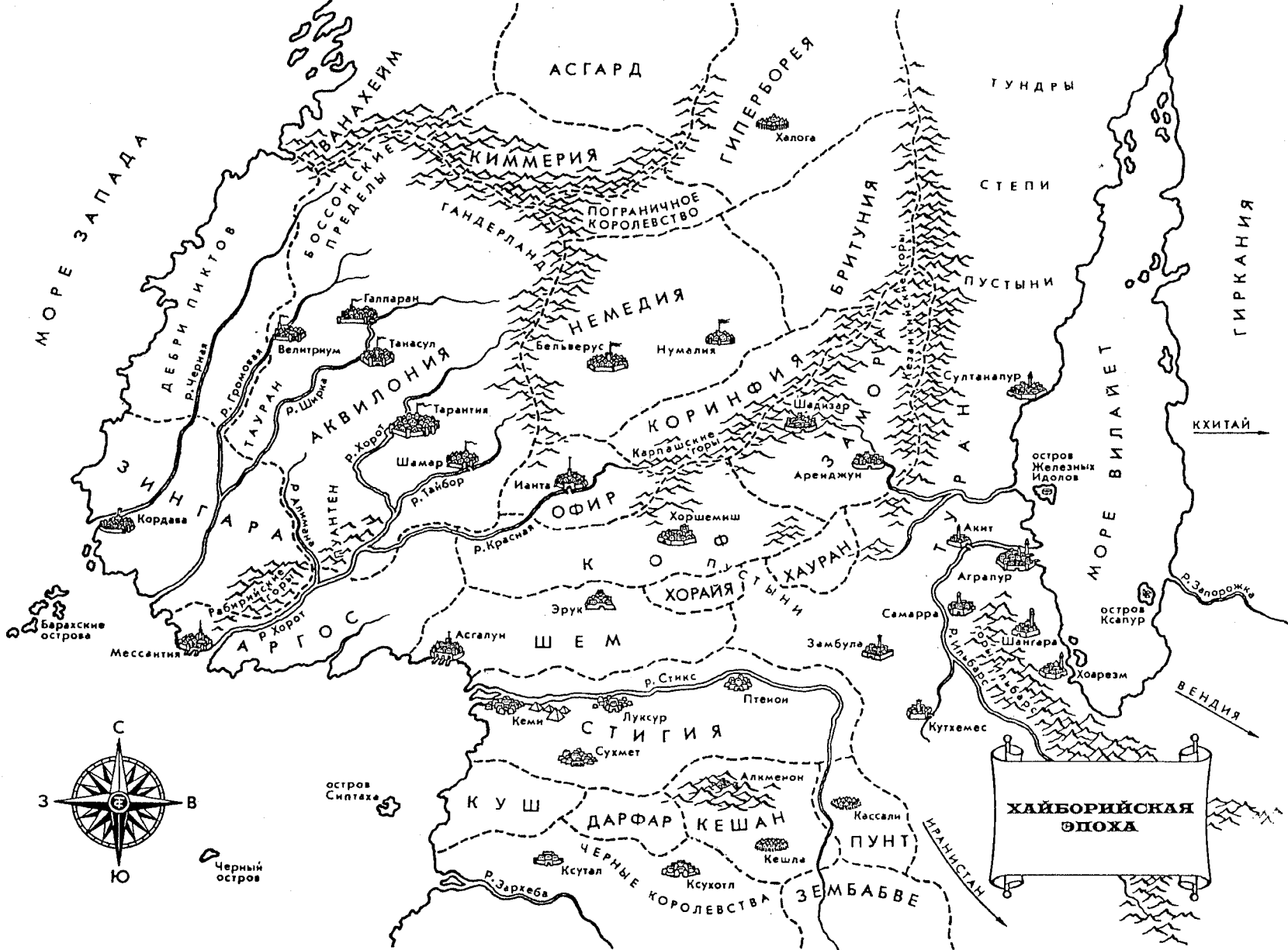
Подпись

По вопросам
оптовых закупок
этой и других книг
из сериала
о варваре по имени

КОНАН

обращайтесь по телефону:
(812) 291-29-26
или по адресу:
СПб., ул. Гастелло, 9.
АОЗТ "МУХОМОР"

CONAN

Все сокровища мира бесполезны для мертвеца,
но юный варвар
даже не задумывается об этом,
отправляясь в опасное путешествие
к диким скалам Черного Берега,
где спрятан легендарный клад, добыть который
пытались многие великие воины,
но никто из них не вернулся.
О том, сумеет ли киммериец стать
первым из смертных,
кто прикоснется к сокровищам
древнего Бога Атлантов,
повествует новый роман из саги о Конане -

КОНАН

И

СОКРОВИЩА ПИФОНА